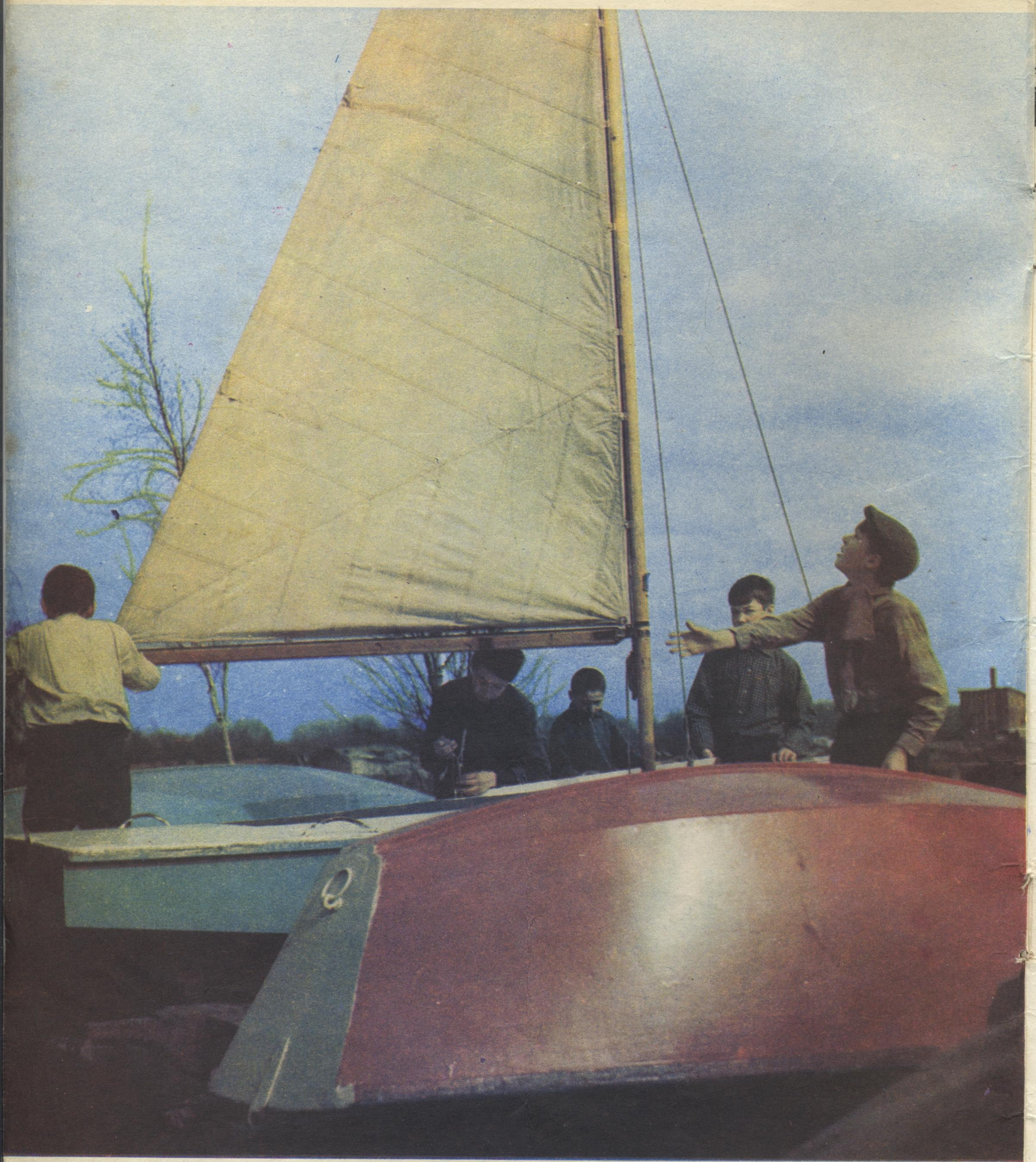

Колосёв

7

ИЮЛЬ
1967

СКОРО В ПОХОД!

Фото Б. Уткина

Костёр

7
ИЮЛЬ
1967

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Всесоюзной пионерской
организации
им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Познакомьтесь: Василий Левашов 2

Восемьдесят восемь дорог
повесть Н. ПЕЧЕРСКОГО 6

**Приключения Васи Булкина
в революционном Петрограде 22**

Веселые стихи 24

„Змай“ в гостях у „Костра“ 25

Золотая школьница Югославии
очерк В. ВИЛЬЧИНСКОГО 34

Клуб Жака Паганеля 36

**Мой друг Юрка, по прозвищу
Кривонос**

беседа И. ДВОРКИНА 39

„Уголён“
журнал для малышей 41

Школа „Спринт“ 43

Морская газета 44

Дедушка и музыка
повесть Юз. АЛЕШКОВСКОГО 46

Что? Где? Когда? Почему? 56

Операция „64“ !!! 58

Водоплавающие котята
очерк М. СИБИРЦЕВОЙ 59

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА 61

Наша творческая мастерская 62

Уголок веселого архивариуса 64

В этом номере «Костер» принимает гостей — югославский детский журнал «Змай» (на странице 25) и польский журнал для малышей «Мись» (на странице 41).

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ:

**ВАСИЛИЙ
ЛЕВАШОВ,
ЧЛЕН
ШТАБА
ПОДПОЛЬНОЙ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“**

Нередко его спрашивают, как ему удалось избежать фашистских застенков и отчего его имя не упоминается в романе Александра Фадеева.

— Что касается романа, — говорит Василий Иванович, — то ведь без какой-то доли воображения романа не напишешь. Писатель создал, например, вымышленный образ предателя Стаховича, хотя на самом деле провокатором оказался некий Почепцов. И не стоит упрекать за это автора. Собирая материал в первые месяцы после освобождения Краснодона, он не мог знать все. Те немногие из молодогвардейцев, которые спаслись, ушли на фронт и, естественно, не имели возможности поделиться с писателем своими воспоминаниями.

А что касается меня, — я хорошо помню день, когда мне пришлось отвечать на эти вопросы в первый раз.

Наша пулеметная точка была установлена в плавнях Днепровского лимана. Тогда, в феврале 1944 года, наш станковый пулемет замыкал самый левый фланг фронта. Воды здесь было по колено. По ночам она покрывалась корочкой льда, острой и колючей, которая рвала брюки выше сапог. Все полтора месяца до форсирования Днепра мы не просыхали.

Днем ходить по камышам было опасно. Фашисты с высокого правого берега легко просматривали плавни. Однажды с наступлением темноты прибежал связной и сообщил, чтобы я шел в политотдел дивизии. Там будут рассматривать мое заявление о приеме в партию.

— Предъявите комсомольский билет, — потребовал начальник политотдела. Я объяснил, что сдал его на хранение в разведывательной школе.

— Что вы делали на оккупированной территории?

Пришлось рассказать о действиях нашей группы, о работе в оккупированном Краснодоне.

После того, как в Краснодоне начались аресты, на последнем заседании штаба мы приняли решение уходить по одному из города и пытаться перейти линию фронта. Спасаясь от гестапо, я направился вначале на запад, в Донецкую область, к дальним родственникам. Фронт удалось перейти только через полгода, когда Краснодон был освобожден. А к этому времени уже вся страна знала о «Молодой гвардии».

Мое заявление не стали тогда рассматривать, а послали запросы во все инстанции. И хотя было очень обидно, я понимал, что мои начальники просто не имели права верить на слово. Впрочем, необходимые ответы пришли, и в партию меня приняли.

— Ребятам было бы интересно узнать подробнее о разведывательной школе, где вы учились.

— Так ведь об этом «Костер» писал! В 1961 году, кажется, в октябре, — помнится, был очерк о том, как Люба Шевцова приобретала в разведшколе специальность радистки. А мы учились там вместе, — она, я, Сергей Левашов (мой двоюродный брат), Володя Загоруйко, — все по путевке райкома комсомола.

И, конечно, я не предполагал, что пройдет полгода — и мне придется по поручению штаба вовлекать Любу Шевцову в «Молодую гвардию».

— Как это произошло?

— В краснодонском клубе имени Ленина (фашисты его переименовали, но я даже не помню как. По-другому клуб никто никогда не называл) шел спектакль «Цыганка Аза». Для оккупированного города это было событием. Все, кто имел возможность, старались туда попасть. Были здесь и многие наши ребята-подпольщики. Во время первого акта, двигаясь в толпе из зрительного зала, слева в задних рядах я увидел знакомое лицо.

Неужели Люба? Да, это она. Как всегда, живая, веселая, она что-то рассказывала подругам.

Но почему Люба здесь? Ведь ее оставили с заданием в Ворошиловграде, когда наши войска покидали этот город.

В фойе я разыскал своих ребят и рассказал сперва брату Сергею, а потом и членам штаба Третьякевичу, Земнухову и Кошевому о Любе Шевцовой. Это вызвало интерес. Ведь Люба — радистка. Возможно, ей удалось сохранить радиостанцию.

Но почему она здесь? А что, если у нее провал и она побывала в гестапо?

Страсти, бушевавшие на сцене, нас уже не волновали. Хотя глаза и были устремлены на актеров, мысли были поглощены другим. Наконец, принимаем решение: нужно выяснить, почему она в Краснодоне. Если окажется, что опасения излишни, то спросить, где радиостанция. Сделать это поручалось мне.

Занавес на сцене опустился. Снова антракт. Я направился к рядам, где сидела с подружками Люба, и остановился неподалеку. Одна из подруг что-то Любе шепнула, и та взглянула в мое лицо, а потом метеором сорвалась с места. Не успел я даже произнести ее имени, как она бросилась мне на шею. Смущенный, покрасневший до корней волос, стоял я в толпе выходящих из зала зрителей.

— Пойдем на выход! — взяв меня под руку, сказала Люба и увлекла за собой. Мы пытались поговорить, усевшись в фойе клуба на подоконнике, но вокруг стали собираться любопытные. Пришлось выйти на улицу.

— Люба, желаешь ли ты продолжать то дело, которое начала на курсах?

— Конечно, — горячо ответила она. — А я ломала голову. Чувствую, кто-то здесь работает, но не знала, что ты здесь.

— Где твоя радиостанция?

— В Ворошиловграде.

— Все ясно. Давай адрес. Завтра поговорим подробнее...

Каждый год Василий Иванович Левашов бывает в родном Краснодоне. Он частый гость

Так в стенной газете одного из кораблей был отмечен день рождения Василия Левашова

На фронтовой фотографии Левашова видны четыре боевых ордена: за форсирование Днепра, за бои на Сандомирском плацдарме в Польше, за участие в штурме Кюстрина и, конечно, за Берлин

музея «Молодой гвардии», где уже побывало более трех миллионов посетителей. Продолжается работа и по воссозданию истории комсомольского подполья. К сожалению, этим занялись не сразу. Упущены многие возможности. Например, на месте деревянного сарая, где Иван Земнухов хранил в тайнике списки членов организации, дневник боевых действий, протоколы заседаний штаба, построили каменный дом. А как нужны сейчас эти документы!

В свое время следователь полиции, бывший деникинец Кулешов, взбешенный упорным молчанием Виктора Третьякевича, из которого ему не удалось выбить ни единого слова, решил оклеветать комсомольца после его героической гибели. Долгие годы позорное клеймо висело над именем героя.

Василий Левашов никогда не верил в злобный навет. В первый же приезд в Краснодон он навестил Анну Иосифовну Третьякевич, которую многие называли тогда «матерью предателя». Но для восстановления истины нужны были доказательства. И в конце концов они были найдены.

9 мая 1965 года в курском селе Ясенки, на родине Виктора Третьякевича, был установлен его бронзовой бюст. На открытие памятника приехали Василий Иванович Левашов и другие молодогвардейцы. От их имени выступил Радий Петрович Юркин.

— Мы специально попросили выступить Радика, — заметил Василий Иванович. — Он был принят штабом в члены «Молодой гвардии» и давал партизанскую клятву на квартире у Третьякевича. Это было так: дверь медленно открылась, и в комнату вошел мальчик.

— Здравствуйте! — громко сказал мальчик.

— Здравствуй! — за всех ответил Виктор, а потом спросил: — Ты кто такой?

— Радик Юркин.

Олег поднял брови и посмотрел на Сергея Тюленина: «Подтверди, действительно ли это тот, кого мы ждем». Иван Земнухов, сощурив глаза, с трудом сдерживал улыбку. Виктор Третьякевич улыбался уголками рта.

Все мысленно поругивали Тюленина — зачем он связался с таким малышом? Но отступить было поздно. Парнишка не только знает о подполье, но и выполнял задания Сергея.

— Ты знаешь, куда ты пришел? — спросил Иван Земнухов.

— Знаю.

— Тебя не пугают трудности работы в подполье?

— Нет.

— А что ты умеешь делать? — вмешался в разговор Олег Кошевой.

— Стрелять, — ответил Радик Юркин и в подтверждение своих слов вытащил из-за пазухи большой немецкий пистолет.

Теперь Радик и ростом казался выше. А когда он торжественно, четким голосом произнес партизанскую клятву, то показался совсем взрослым, хотя тогда ему было четырнадцать лет.

Прошлым летом Василий Иванович был приглашен в пионерский лагерь «Молодая гвардия», расположенный на берегу моря, под Одессой. Вернулся он оттуда веселый, помолодевший:

— Там отдыхали ребята со всей страны: украинцы, русские, молдаване, якуты, татары, узбеки, литовцы — всех и не перечислить.

Незабываемое зрелище, когда две тысячи юных голосов при тревожных отблесках пионерского костра подхватили на разных языках:

«Взвейтесь кострами, синие ночи,

Мы — пионеры, дети рабочих...»

И тут заместитель начальника лагеря Виктор Игнатьевич Скорбилин, человек, чем-то очень похожий на Виктора Третьякевича, вдруг снял с себя пионерский галстук и стал дирижировать. И ребята тоже сняли галстуки и стали размахивать ими в такт. В лучах прожекторов казалось, что волны алого пламени выплеснулись из костра и затопили бархатное черноморское небо.

Невольно вспомнилось, что и наша подпольная организация сложилась из ребят разных национальностей. Рука об руку боролись с оккупантами русские Евгений Мошков и Сергей Тюленин, белорус Виктор Третьякевич, украинцы Олег Кошевой и Семен Остапенко, армянин

Жора Арутюнянц и молдаванин Борис Главан, азербайджанец Али Асадулла-оглы Дадышев (мы звали его Леонидом) и еврейка Валерия Борц. Враги изо всех сил пытались раздуть национальную рознь, но мы ощущали себя только единомышленниками, комсомольцами.

В пионерском лагере есть свой филиал музея «Молодой гвардии» и, конечно, пришлось много рассказывать ребятам о моих боевых товарищах.

Были в лагере и другие интересные встречи. Оказалось, что начальником лодочной станции — «боцманом» — работает одесский партизан, сражавшийся с врагом в катакомбах, а его помощник — моряк, который тонул на корабле и остался в живых потому, что не испугался опасности. Некоторые ребята об этом и не подозревали.

— Оглянитесь вокруг! — посоветовал я им. — Присмотритесь внимательней! И вы увидите рядом с собой интересных людей, которым есть о чем с вами поделиться!

Ну, а перед отъездом снова был костер. И тут уж ребята хором потребовали от меня морских рассказов. А когда этот хор двухтысячный — отступить некуда.

Океанский парусник «Седов», на котором я плавал в течение полугода, приближался к берегам Африки. Ветер уже не освежал, он доносил дыхание Сахары.

Вечером в кают-компаниии стали спорить: перевелись ли в Африке львы? Я утверждал, что эти звери уже давно распределены по зоопаркам.

В каюте моя койка помещалась на втором этаже, прямо против раскрытого иллюминатора. И вдруг ночью вижу: в круглое оконце просунулась огромная рыжая морда и свирепо вращает глазами.

Лев!

Думаю, если ударить подушкой — мягко. За ботинком со второго этажа не дотянуться. А что, если зарычать на него по-львиному? Ведь он хищник. Ему это понятнее.

И я начал рычать. Сперва тихо и робко, потом громче. От собственного крика я осмелел и твердо решил взять верх над страшным зверем. Но лев не дрогнул. Это меня взорвало. Я стал орать, что было мочи.

Нужно отдать должное хищнику, — он устоял. Не выдержали люди. Когда я в холодном поту проснулся, в каюте было полным-полно народу. Пришел даже академик Шулейкин.

В окрестностях гвинейского порта Конакри львов обнаружить нам не удалось. А то меня наверняка бы пригласили испробовать новый способ охоты.

Каждый день почтальон приносит на квартиру капитана I ранга В. И. Левашова внушительную пачку писем. Я взял одно из них, написанное круглым ребяческим почерком. К сожалению, автор не пожелал оставить обратного адреса.

*«Пусть труд зовет меня вперед,
Пусть ярко светит мира солнце.
Мы клятву верности даем
Живым и павшим краснодонцам».*

Литературная запись К. Голованова

Восемьдесят восемь дорог

ПОВЕСТЬ

КТО ВИНОВАТ?

Николай Печерский

По дороге мчался мотоцикл. Железная люлька прыгала и гремела, как пустая консервная банка. Вокруг стоял треск, грохот, стрельба. Угарная полоса дыма тащилась за мотоциклом густым фиолетовым хвостом. Мотоцикл поравнялся с нами и резко затормозил. На мостовую прыгнул паренек в красной

Рисунки Ю. Шабанова

спартаковской майке и огромных четырехугольных очках на лбу. Он вытер замусоленную руку о штаны, протянул мне и сказал:

— Здорово, Нечаев. Я из райкома комсомола. Где вы пропали? Третий раз на дорогу выезжаю.

Я объяснил пареньку в майке, где мы были, и поинтересовался, почему он, собственно, гоняет на своей консервной банке по дорогам.

Окончание. См. «Костер» №№ 4—6, 1967.

Паренька звали Курманалиевым. Он обиделся за «банку» и сказал:

— Я на этой банке первое место на соревновании взял. Соображаешь?

Пришлось извиняться и заглаживать вину. Я осмотрел мотоцикл, еще раз пощупал «запаску» на люльке и заявил, что, в принципе, я тоже заядлый мотоциклист и давно мечтаю о такой машине.

— Только у меня зрение ни к черту, — сказал я. — Если сяду за руль, все столбы пошибаю.

Курманалиеву понравилась моя откровенность. Он простил мне опрометчивое сравнение и начал рассказывать по существу.

— В райкоме комсомола прочли заметку в газете и начали поиски, — сказал он. — Ребята прочесали весь райцентр. Ноги били не зря. Среди множества тропок и дорог, которые лежали перед следопытами, отыскался первый верный, настоящий след. Ребята нашли человека — он лично знал и видел Ашура Давлятова.

— У нас комсомолец один есть, — сказал мотоциклист. — Он звеньевой. Он Ашура на совещании в Кулябе встречал. Его Садыком зовут. Ты чего так смотришь? Я тебе точно говорю. Жаль только, Садыка сейчас нет. Он в Душанбе экзамены сдает. Парень — во! Я тебе точно говорю.

Курманалиев выкатил мотоцикл на обочину, отстегнул на люльке брезентовый клапан и сказал:

— Кладите барахло на мотоцикл. Я в два счета оттартаю. Во-он красный дом — видишь? Туда шагайте. Это интернат. Я там все по порядку изложу.

Курманалиев привязал веревкой наши тюки, завел мотор и с ходу рванул вперед. Через минуту на дороге снова было тихо. Неторопливо шагали рассудительные, древние, как мир, верблюды, толкли горох ишачки, поглядывали из кювета черными любопытными глазами черепахи. Только глухой, замирающий вдалеке треск и грохот да сизая, тающая на глазах полоска дыма свидетельствовали, что в мире есть Курманалиев, мотоцикл и цивилизация.

Курманалиев ждал нас в школе-интернате. Наши рюкзаки лежали посреди длинной узкой комнаты. Возле стены стояли железные койки с полосатыми, свернутыми матрацами. Фанерные тумбочки были раскрыты настезь. Из них выглядывали старые потрепанные тетрадки и книжки с замусоленными уголками.

— Садитесь, ребята, — сказал Курманалиев. — Сейчас вам все подробно расска-

жу. — Он пригладил длинные, свисающие на уши волосы и добавил: — Так что, товарищи, все в порядке. Вчера я лично разговаривал с нашим Садыком. Я спрашивал: «Может, ты, Садык, ошибся, это был кто-нибудь другой?» А он говорит: «Нет, это тот самый, которого ребята разыскивают. Он с товарищами новый сорт хлопка выращивает. «Серебряный дождь» называется».

Кое-что стало известно и про Лунева. На совещании Садык видел рядом с Давлятовым какого-то русского парня. Фамилии он не спрашивал, но это, наверняка, был Лунев. Давлятов сидел все время возле него, а в перерывах ходил с ним в обнимку. Вчера Курманалиев целый день звонил в Кулябский завод, но толку не добился. Надо ехать туда самим. Завтра из колхоза в Куляб идет машина. Нас возьмут. Денег платить не надо. Об этом можно не беспокоиться. Сейчас мы пообедаем, а потом пойдем все вместе в колхоз. В колхозе живет очень интересный человек. Но про него потом... В ошхоне, наверно, все перекипело и пережарилось.

— Пошли в ошхону, — сказал Курманалиев, — а то у меня у самого в животе бурчит.

— У нас есть «НЗ», — сказал я. — Мы можем тут...

Курманалиев махнул рукой.

— Ладно уж тебе. Пошли!

Курманалиев привел нас в ошхону. Там был накрыт стол на двенадцать персон. За окошком в кухне чиркал одним ножом о другой шеф в белом колпаке.

— Садись! — скомандовал Курманалиев. — Быстро!

Застучали табуретки, зазвенели ложки и вилки. Не ожидая дальнейших распоряжений, все принялись за еду.

Курманалиев сидел рядом с нами, ел из глубокой миски-кисы длинную, свисающую с ложки лапшу и весело подмигивал ребятам.

— Нажимай, бачаго, иди далеко. Давай-давай, не стесняйся!

Мне идея Курманалиева была непонятна. Зачем куда-то идти и зря терять время? Машину до Куляба можно найти в райцентре. Деньги у меня остались. Как-нибудь доедем... По-моему, Курманалиев просто-напросто увлекался, как и все мотоциклисты. Я тронул парня в майке за руку и тихо, чтобы не слышали соседи, сказал:

— Слушай, джура, может, не надо в колхоз?..

Курманалиев положил ложку в кису и повернулся ко мне. На темном, с крутыми скулами лице его было удивление и обида.

— Как это — не надо?

— У нас, джура, времени...

— Туда успеем, сюда успеем. Там, знаешь, джура, какого человека увидишь?

Курманалиев наклонился ко мне и, сдерживая дыхание, зашептал:

— Это, джура, первая советская власть в горах. Он Ленину письмо писал. Понял?

Я смотрел на Курманалиева. Он не шутил. Видимо, это в самом деле было так.

Мы снова навьючили на себя рюкзаки и тронулись в путь. Курманалиев сказал, что мы пойдем короткой дорогой. Лично он этой дороги не знает. Знает какой-то Гулям — внук дехканина, который писал письмо Ленину.

Курманалиев вел нас по узеньким улочкам. В них стоял сухой печной зной, было пусто и тихо. Изредка навстречу грохотала арба. Мы прижимались спиной к дувалу и ждали, пока она проедет мимо. Но вот наш поводырь остановился возле низенькой деревянной калитки. Подождал, пока все подтянутся, и дернул за медное кованое кольцо. В глубине двора тявкнул и заскулил щенок. Курманалиев взглянул в щель. Потом мы. Во дворе никого не было. На цепи скулил, жаждал общества белый щенок. Курманалиев развел руками.

— Странно, — сказал он. — Обещал быть тут и нет...

Вскоре из соседнего двора пришла какая-то девочка с книжкой в руках.

— Здравствуйте, — сказала девочка. — Это лаёт Шамол¹. Его привязали для злости.

— Очень приятно, — ответил Курманалиев. — Там больше никого нет?

— Больше никого. Только квочка. У нее цыплята. Квочка сердитая. Она клюнула меня в палец. Посмотрите.

Мы все по очереди осмотрели палец, который клюнула злая птица-квочка.

— Не волнуйся, — сказал Курманалиев. — Заживет. Гулям где?

— Гулям ушел. Я знаю, кто вы такие. Хотите, провожу в колхоз? Там живет дед Гуляма. Я там была.

— Не заблудишься?

— Нет, не заблужусь. Я только Гуляма боюсь. Он оторвет мне уши. Он сейчас придет.

Узнав, что еще не все потеряно, мы воспрянули духом. Повеселел и Курманалиев. Он спросил девочку, почему Гулям пугает ее «ушами» и почему у него такое феодально-байское отношение к женщинам? Девочка точного ответа не дала. Видимо, она слабо разбиралась в сущности сословных пережитков. Она укоризненно посмотрела на Курманалиева и сказала:

— Вы, рафик, так не говорите. Брат ушел за товарищами. Вместе идти веселее. Правда?

Мы не стали возражать девочке. Она была права. Мы сели на длинное сухое бревно, которое лежало возле дувала, и стали ждать.

Скоро пришел Гулям и с ним мальчишки. Они сразу перезнакомились с нашими, расхватывали тюки и рюкзаки. Они тоже хотели пройти по дорогам с полной выкладкой. Мы не возражали. Почему не доставить людям удовольствие.

Гулям поправил ляжку моего рюкзака, встряхнул, чтобы лучше легло на спине, и сказал:

— Сначала пойдем так, а потом так. Айда-те. Я тут все знаю.

Дорога в кишлак, по которой повел нас Гулям, оказалась далекой и трудной. Сначала мы шли по унылым, растрескавшимся на куски солончакам, потом долго огибали какую-то гору, потом вошли в чахлую, просвеченную насквозь солнцем фисташковую рощу.

Захромал Алибекниязходжа-заде. Первым заметил это Игнат. Он относился к Подсолнуху строго и нежно, как относятся в хороших семьях старшие дети к малышам. Алибекниязходжа-заде покрикивал на сибиряка, обещал дать ему по затылку. Игнат строго и спокойно смотрел на него и шевелил бровями.

Игнат усадил Подсолнуха под дерево, которое росло возле тропы, и сказал:

— Снимай ботинок. Живо!

Алибекниязходжа-заде начал распутывать узел. Черный, связанный во многих местах шнурок затягивался еще больше. Тогда Подсолнух взял пятку двумя руками и, покраснев весь от натуги, понес ее к зубам. Еще чуть-чуть, еще капельку — и все было бы в порядке. Но тут нога вырвалась из рук Подсолнуха и шлепнулась о землю. Подсолнух застонал.

Игнат сел на корточки, приподнял ногу Подсолнуха и стал искать концы шнурка.

— Ботинка снять и то не можешь! Не вертись, тебе говорят!

Алибекниязходжа-заде не сдавался.

— А тебе чего надо? — задирался он. — Ты лучше всех, да? Ка-а-к дам по затылку!

Игнат не обращал на Подсолнуха внимания. Он повертел его рыжий растоптанный ботинок, заглянул внутрь, будто в ствол ружья, и стал нащупывать гвоздь. Лицо его было суровое и чуточку торжественное, как у дантиста, который ищет больной зуб.

Мы стояли возле Игната и наблюдали за процедурой. Пока он разыскивал и забивал камнем гвоздь, Муслима смазала ногу Подсолнуха зеленкой и забинтовала крест-накрест, как учили в поликлинике перед похо-

* Шамол — ветер.

дом. Лечение Подсолнуха на этом не закончилось. Муслима уложила его в тень и заявила, что он должен подержать ногу кверху для оттока крови.

— Пускай отдохнет,— сказала она.— Дальше идти нельзя. Я запрещаю.

Я скользнул взглядом по лицу Муслимы и понял, что она тоже не прочь отдохнуть. Лицо у нее вытянулось, а возле рта прорезались тонкие грустные морщинки. Повесили носы и остальные. Встали мы сегодня все очень рано. Надо сделать передышку.

— Привал! — крикнул я.

Ребята выбрали тень погуще и улеглись головами к стволам. Пошептали немного и смолкли. Из кустов выбежала длинноногая сизоворонка. Удивленно посмотрела черным глазом, повертела шейкой и юркнула в траву. Солнце припекало из-за ветвей. В стороне чиликали, просили пить серые маленькие кузнечики. Я отогнул рукой зеленый жилистый лист, который разросся между мелких камней, и увидел маленькую серебряную каплю росы. Это лист спрятал для божьей коровки. Она сидела рядом на тонкой былинке и шевелила коротенькими черными усиками.

А мне вдруг стало грустно. Я знал почему. Я тряхнул головой, чтобы уйти от этой мысли, и не смог. Снова я увидел где-то вдалеке Расула Расуловича. Он сегодня целый день приходил ко мне, будто боялся оставить меня одного. Я смотрел на зеленый лист с твердыми прямыми жилками и думал о Расуле Расуловиче. Он уже никогда не увидит этой серебряной капли и божьей коровки в красном лакированном панцире. Расул Расулович давно собирался на Памир. Хотел посмотреть, как живут ребята среди скал и ледников. Мечтал написать о них просто и хорошо. Так, как умел только он. Но вырваться из редакции ему не удалось. У него не было времени писать свои стихи, потому что он правил и переписывал чужие творения. С утра до ночи сидел он за своим столом, вымарывал хилые беспомощные слова, придавал статьям деловую суровую стройность, блеск, остроту, дерзость, от которой немели первооткрыватели всех талантов — машинистки. Расул Расулович был настоящим газетным зубром. Газета сожрала его всего, без остатка, как сжирает других газетчиков — талантливых и великих, как боги.

Я тоже буду отдавать газете каждое свое дыхание. Я не стану отказываться и ловчить. Если надо, я поплыву с китобоями в Антарктику, полезу в кратер вулкана, полечу в город, где дрожат и падают навзничь от глухих подземных толчков здания. Как и Расул Расуло-

вич, я не буду бежать от черной простой работы. А если сумею и хватит жизни, напишу такое, о чем долго и хорошо будут думать люди.

Но все это когда-то. А сейчас я должен выполнить первое и теперь уже последнее задание Расула Расуловича. Мы поедem в Куляб, найдем там Ашура Давлятова и Сергея Лунева, напишем об этом статью в нашу газету. Может, мы даже сочиним маленькую книжку. Это будет совсем здорово.

Я осторожно опустил зеленый жилистый лист с капелькой росы для божьей коровки и посмотрел вокруг. Ребята расположились под деревьями. Олим болтал с Гулямом, Муслима лежала на спине с закрытыми глазами, а Игнат положил на колено клеенчатую тетрадь и что-то писал. Наверно, письмо в Сибирь.

Мне не удалось пока помирить его с Олимом. Я видел, что они томились ссорой и чувствовали себя виноватыми друг перед другом. Уже немного оставалось до полного сближения. Но оно так и не произошло. В жизнь мальчишек ворвались новые события, перепутали все и повернули вспять...

Случилось это вчера, возле арыка, который мы назвали в дневниках «Козьим». Сначала все было тихо-мирно. Ребята купались и, задрав ноги, загорали на теплой мягкой траве. В это время нашей красавице Муслиме кто-то подбросил записку. Записка была спрятана под тюбетейкой. Муслима вылезла из воды, взяла в руки тюбетейку и тут увидела листок бумаги. Она прочла и ничего не поняла. Потом прочла еще раз и заплакала. Муслима подошла к Игнату и при всех бросила записку ему в лицо.

— Я не знала, что ты такой. Возьми эту гадость!

Это была записка про любовь. Там стояла подпись Игната. Игнат прочел записку и побелел. Он посмотрел по очереди на мальчишек, которые купались в арыке и загорали на солнцепеке, и, не говоря ни слова, пошел к Олиму.

— Ты писал?

Олим посмотрел на записку в руках Игната и пожал плечами.

— Чего тебе надо? На солнце перегрелся?

— Ты писал, я тебя спрашиваю?

— Между прочим, катись от меня, не мешай загорать!

Игнат подошел к Олиму, развернулся и ударил с правой прямо в грудь. Олим вскочил, будто кошка, и вцепился в Игната. Это был бой злой и жестокий. Ребята молотили друг друга, пока их не растащили.

Вечером я разговаривал с драчунами. Они угрюмо смотрели в разные стороны и молчали. Игнат записку показать отказался, а Олим, когда я на него насеял, заявил, что записки не писал, и теперь вообще никакого дела с этим сумасшедшим Игнатом иметь не желает.

После ужина я оставил всех возле костра. Было темно и тихо. Неяркий свет подымался снизу. Лица были розовые. Возле глаз притаились густые задумчивые тени.

— Ребята, сегодня была драка, — сказал я. — Вы это знаете. Про записку — тоже. Скажите честно — кто писал?

Ребята молчали, не смотрели друг на друга.

— Значит, записка с неба свалилась?

В ответ ни звука.

— Драку затеяли. Стыд и срам! Разве спор так решают! Кулаки для того, чтобы защищаться от врагов, а не колотить друзей. Согласны?

Снова никто ни слова.

— А ты, Игнат, чего молчишь? Это и тебя касается. Ты наш друг, но хулиганить мы не позволим никому.

— Я, Александр Иванович, на друзей с кулаками не лезу, — сказал Игнат. — Дружья записочки не подкидывают. Сами знаете...

Игнат замолчал. Светлые негнущиеся брови сошлись у него на переносице.

— А ты, Олим, что скажешь?

Олим пожал плечами. Он тоже не считал себя виноватым.

— Между прочим, Александр Иванович, я вам уже объяснял. Я ничего не писал.

После Игната и Олима говорить больше никто не желал. Только Подсолнух, прислонив ладонь ко рту, что-то шептал мальчишке слева и поглядывал украдкой на меня.

— Ты что шепчешь, Алибекниязходжа-заде? Говори громче. Нам не слышно.

Алибекниязходжа-заде смущенно заерзал.

— Я не шепчу, Александр Иванович. Я думаю, кто-то пошутил, а вы...

— Значит, ты думаешь, это шутка?
— Конечно, Александр Иванович...
— Кто же так неумно пошутил? Не знаешь?
— Не знаю. Может, записки вообще не было. Я ее не видел...

— Игнат, дай мне записку!

Игнат положил руку на верхний карманчик пиджака.

— Не дам. Я вам уже говорил, Александр Иванович.

— Боишься?

— Я не боюсь.

— Дай записку!

Игнат помедлил минутку, вынул записку и неохотно подал мне. На листочке из тетрадки для арифметики было написано:

«Дорогая Муслима!

Я тебя люблю. Давай с тобой встречаться».

Я взглянул на записку и сразу понял — писал ее не Олим. У Олима был круглый бисерный почерк. Я знал этот почерк до последней буковки. Записка про любовь была написана крупными острыми буквами. Она была похожа на дощатый забор с гвоздиками наверху.

Я ни слова не сказал ребятам о своем открытии. Свернул записку вчетверо и положил в карман.

Муслима проводила записку грустным взглядом и тихо вздохнула.

— Что ты, Муслима?

— Я, Александр Иванович, не знала, что так получится... Я прощаю того, кто написал. Только пускай больше так не делает, я...

Я не дал Муслиме договорить. Голос ее охрип и стал срываться.

— Нет, Муслима, так не годится, — сказал я. — Простить можно того, кто сам честно раскается. А лжецов и трусов прощать нельзя. Верно, ребята?

— Верно! Правильно! — раздалось в ответ. Кричали все: и Олим, и Игнат, и Подсолнух...

Кричал вместе со всеми и тот, кто написал записку и довел Олима и Игната до драки. Теперь я мог без труда узнать его имя. Ребята писали дневники. Стоило сличить почерки — и все будет ясно. Но я не хотел делать этого. Я вынул записку, развернул ее и бросил в костер. Бумага вспыхнула синим пламенем и мгновенно сгорела.

Я подождал, пока улетел из костра и скрылся в ночи последний лепесток пепла, и сказал:

— Тот, кто написал записку и обидел Муслиму, пускай подумает. Дадим ему день на размышление. Согласны? Не будем зря тратить время. Посмотрите, какая хорошая ночь!

Ночь была глубокая, задумчивая, будто из синего стекла. Вокруг, не касаясь травы, ходили сказки и сны нашего детства.

— Давайте споем, ребята?

Все переглянулись — шучу я или всерьез?

— В самом деле, давайте, ребята!..

Я начал песню тихим голосом, как поют всегда вечером возле костра. Ребята подтянули. Вначале робко, недружно, а потом разошлись и забыли обо всем на свете, кроме песни, синей ночи и костра. Игнат не знал слов, но, видно, и его задела эта песня за душу и повела за собой. Он подпевал нам густым мягким басом. Песня была негромкая и неторопливая, как арык в белом вишневом саду. Она была о дружбе. В каждом куплете дважды повторялось, как клятва и признание: «ери ман, ери ман» — друг мой, друг мой.

Я лежал под деревом, вспоминал наш вечерний разговор у костра и песню о друге. Пока никто не пришел ко мне с повинной, не открыл трусливого сердца. Но я знал, что это рано или поздно случится. Добро сильнее зла. Я всегда верил и буду верить этому.

Солнце вышло из-за ветвей, залило поляну, на которой раскинулся наш табор. Надо было собираться в путь.

ПОРТРЕТ

Вторую часть пути мы прошли быстрее. За фисташковой рощей, где перевязывали Алибекниязходжа-заде, лежало старое пересохшее русло реки. Мы перешли его по серым, нагретым солнцем голышам и стали подыматься в гору. Справа шумело колосьями пшеничное поле, а слева, за дувалами, зеленели молоденькие, посаженные этой весной персики.

Кишлак начинался у подножья горы и взбегал вверх. Издалека казалось, будто кибитки стояли одна на другой. Гулям вел нас по узеньким, петлявшим тропкам. Когда идти

дальше уже было некуда и вверху оставались только воздух и облака, Гулям сказал:

— Вон мой дед живет! Видите?

Кибитка гулямовского деда стояла у самой кручи. Она была сложена из плоских ноздреватых камней и скреплена по швам серой глиной. Дувал тоже был из камней. Над ним подымались почерневшие от дождей ворота с треугольным козырьком из досок.

— Чего же вы стоите? — сказал Гулям. — Проходите. Бобо у меня добрый. Он вас ждет.

Наклоняясь, чтобы не стукнуться головой о перекладину калитки, мы вошли гуськом во двор. Тут было прохладно от деревьев, пахло теплыми лепешками и дымом очага. Дед Гуляма встречал нас у ворот. Он кланялся каждому, как взрослому, и поглаживал при этом длинную седую бороду. Когда все вошли и смущенно столпились посреди двора, бобо широко повел рукой и сказал:

— Проходите, пожалуйста, дорогие гости.

Бобо Гуляма звали Хайдаром-ота. Он пригласил нас в мехмонхону — то есть в комнату для гостей.

В мехмонхоне мебели не было. На полу был постлан палас. Вокруг лежали подушки, а в углу стояла ручная швейная машинка. На ней лежала маленькая белая рубашка с одним рукавом. Наверно, для мальчугана, который встречал нас с Хайдаром-ота возле калитки. На стене, против окон с радужными от времени стеклами, висела узенькая деревянная рамка. На грубой серой бумаге был нарисован красноармеец с маленькой клиновидной бородкой. Он был в шинели и остроконечном шлеме с красной звездой посередине.

Мы вошли в мехмонхону и сели в кружок. В центре лежал белый праздничный достархан с желтыми узорами по краям. Появился Хайдар-ота с чайником и лепешками. Он поставил чай, разломил на ломтики лепешки и положил против каждого на достархан. Таджики привыкли вести беседу за пиалой чая.

Мне было неловко, что мы пришли без спросу. Хайдар-ота почувствовал это. Он налил в пиалу чая, передал сидящему слева и сказал:

— Я слышал, вы ищете русского аскара и его друга таджика? Рахмат вам за это. Я просил Гуляма привести вас сюда. Я хочу посмотреть на людей, которые делают добро другим. Ноги мои давно ходят по земле. Я расскажу вам, что слышали мои уши и что видели мои глаза.

Я родился и вырос в этом старом доме. Глаза мои рано привыкли к дыму очага, а живот — к голоду. Я подрос и вместе с отцом пошел работать на поле Азиз-хана. Тут все было его — и земля, и горы, и небо, и даже наша жизнь. Так было в кишлаке до меня, так было при мне. Мулла, который каждый день призывал правоверных к намазу, говорил — так будет всегда.

Потом мы узнали, что в России революция. Мы взяли палки, кетмени и пошли отнимать землю у Азиз-хана. Но у нас было очень мало сил. Видите этот шрам на шее? Я не знаю, как я выжил. Старики говорят, я обязан этим аллаху. Но я думаю, это не так. Спас меня

мой друг Хаким. Он перевязывал мне раны и поил молоком из рожка, как поят маленьких детей.

Моего отца посадили в зиндан — то есть в темницу. Отцу завернули за спину руки и подвесили на железное кольцо в стене. Отец мучился три дня и три ночи. Потом он умер.

Когда я выздоровел, в эту мехмонхону пришли мои товарищи и товарищи моего отца. Мы стали думать, что делать и как нам теперь жить. У нас не было оружия, не было патронов. Мы не могли одни свернуть шею проклятому Азиз-хану и его блюдолизам. Его сторону держали продажные солдаты эмира и дикие, как шайтан, басмачи. Зеленое знамя ислама пришлось по душе кое-кому за границей. Мы видели, как оттуда шли караваны. Они везли не кок-чай в пестрых пачках, не опиум и зеленую усму, которой красавицы подводят брови. В ящиках лежали патроны, в тюках — спрятанные от людского взора винтовки и пулеметы. Долго мы сидели вот тут, на паласе, думали, говорили о своей жизни. Сначала говорили аксакалы — самые древние и мудрые старики кишлака, потом дехкане помоложе. Потом, когда пришла очередь, разрешили говорить моему другу Хакиму.

— За горами живут русские, — сказал Хаким. — Надо просить помощи у них. Слабому просить не стыдно. Стыдно просить трусливому. Давайте напишем письмо Ленину.

«Хоб», — сказали аксакалы. «Хоб», — сказали товарищи. «Хоб, — сказал я. — Давайте писать».

В сундуке у меня лежал на самом дне лист бумаги. Я не знаю, зачем у меня была эта бумага. Я не умел писать. Я вынул бумагу, разгладил ее рукой и подал Хакиму. Но Хаким тоже не знал ни одной буквы. В кишлаке умели писать только Азиз-хан, его два сына и мулла Ибрагим. Но муллу просить нельзя. Он только на словах считался служителем бога. На самом деле он лизал пятки Азиз-хану.

Мы сидели, молчали. Мы думали. Потом мой друг Хаким сказал:

— Давайте письмо пошлем так. Поставим только подписи. Ленин — великий человек. Он прочтет то, чего мы не смогли написать. Он поймет наше горе.

Хаким взял у меня огрызок чернильного карандаша, поспешил палец, зачернил, чтобы вышла каждая черточка, и приложил к бумаге. В России крестьяне ставили на бумаге крестик, у нас — отпечаток пальца. Так подписывались наши деды и прадеды. После Хакима письмо Ленину начали подписывать мы. Одни прибавляли от себя вслух слова, другие

подписывались молча. Мы прикладывали к бумаге палец как печать своего сердца, как знак нашей любви и нашего горя.

В этот день мы письма не отправили. Пришли другие дехкане. Они тоже попросили поставить на письме свои подписи. Двери этой мехмонхоны не закрывались. Одни уходили, другие приходили. Вечером в мехмонхону снова явился Хаким.

— Возле твоих ворот стоит женщина, — сказал мой друг. — Она хочет прийти сюда.

Я не верил своим ушам. Такого в кишлаке еще не было.

— Законы адата запрещают женщине переступить порог комнаты, где сидит мужчина, — сказал я. — Разве женщина не знает этого? Пойди объясни ей.

— Я объяснял, — ответил Хаким. — Она не слушает меня. Она хочет прийти сюда.

Я вышел во двор. Возле ворот стояла женщина. Она была в старой серой парандже. Лицо ее закрывал чачван из конского волоса. Это была Рузмома. У нее было пять сыновей и три дочери. Они умерли от голода. Муж тоже умер. Рузмома жила одна. Когда в кишлаке кто-нибудь умирал, ее нанимали плакальщицей. Ей не надо было притворяться. Она плакала настоящими слезами. За это ей давали лепешку и пиалу чая. Так она жила.

Я подошел к Рузмоме и сказал:

— Иди домой, Рузмома. У мужчин свои заботы, у женщин — свои. Не обижайся на меня. Прощай.

Но Рузмома не тронулась с места.

— Если не разрешишь подписать мне письмо, я пойду в Россию пешком, — сказала она, — у меня мало сил, но я все равно дойду. Я расскажу Ленину все сама. Пускай тебе будет стыдно, Хайдар!

Я слушал Рузмому и думал: возможно, она права. Коран писали, когда не было революции и не было Ленина. Тогда были законы одни, теперь — другие. Пусть войдет эта женщина и подпишет письмо. Она заслужила это.

— Войди, Рузмома, — сказал я. — Я сам буду отвечать за тебя перед богом и людьми.

Рузмома поблагодарила и пошла к дому торопливыми шагами. Она боялась, что я передумаю.

Рузмома вошла в мехмонхону и приложила палец к самому краешку листа. Я ждал, но она не уходила. Она смотрела через волосной чачван на письмо и плакала.

Вечером Хаким уехал с письмом, которое мы подписали. Сначала в Душанбе, потом в Ташкент, потом дальше — к самому товарищу Ленину...

Хайдар-ота умолк. Ветер качнул раму окна. На стекле вспыхнули красные отсветы заходящего солнца. Поползли по стене, нашли на паласе белую крышечку чайника, согрели ее нежным розовым теплом, а потом скользнули куда-то в угол и спрятались там в темноте.

— Бобо, а письмо дошло? — тихо спросил Гулям.

— Дошло. Я тебе уже говорил, Гулям. Ленин прочитал его и прислал сюда красных аскаров. Он прислал не сразу. Горе было везде. Много людей просило помощи у Ленина. Нам пришлось подождать. Мы дрались рядом с русскими. Дрались камнями и палками. Не зря называли нас краснопалочниками.

В этом бою ранили командира красных аскаров. Его звали Федором. Он лежал в мехмонхоне. Самолетов тогда было очень мало, а сидеть на лошади Федор не мог. Мы лечили командира целебными травами и черной смолой мумие, которая затягивает все раны.

Федор был москвичом. Он рассказывал дехканам о Москве, Ленине и революции. Один раз я пришел к Федору, сел рядом на палас и сказал:

— Федор, ты видел Ленина своими глазами. Нарисуй нам Ленина. Мы тоже хотим увидеть его, потому что он для нас — самый дорогой человек.

Федор говорит:

— Я видел Ленина издали, когда мы отправлялись на фронт. И я не умею рисовать. Ты меня прости, Хайдар...

Я говорю:

— Нарисуй, как можешь. Мы тебя все просим. Неужели ты откажешь?

Федор долго думал, хмурил брови, потом сказал:

— Ну, хорошо. Давай я попробую.

Я принес большой лист бумаги и краски, которые мы добываем из глин. Коричневой — для глаз и бороды, красной — на звезду, а голубой — для неба. Федор начал рисовать. Дело у него шло медленно. Зайду я в мехмонхону, а он сидит возле окна, смотрит на бумагу и думает. Я спрашиваю:

— Федор, о чем ты думаешь?

А он говорит:

— Я вспоминаю, какой Ленин.

Хайдар-ота закончил рассказ, обвел всех взглядом и остановился на мне.

— Говорят, ты работаешь в газете и кое-что знаешь, — сказал он. — Скажи, похож он на Ленина или нет?

Я посмотрел на портрет на стене. Сначала мне показалось, что в нем не было никакого сходства с Ильичом. Но чем больше я вглядывался, тем больше находил знакомых

дорогих черточек. Так мог рисовать только человек, который сам видел и горячо любил Ленина.

— Он очень похож, Хайдар-ота, — сказал я.

Хайдар-ота благодарно посмотрел на меня.

— Ты прав, джура, — сказал он. — Так говорят все.

Тихо скрипнула дверь. На пороге появился парень в синем комбинезоне. Это был шофер. Он смотрел на Гуляма и подзывал его к себе рукой. Гулям делал вид, будто ничего не замечает. Но шофер был с Гулямом накоротке и видел его насквозь.

— Давай, давай, нечего тебе, — сказал он. — Собирай компанию и марш к машине. Домой повезу.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В Куляб мы приехали в разгар дня. Тут мне уже все было знакомо: и высокие дома с парадными подъездами, и маленькие тихие кибитки на окраинах. За дувалами зеленеют тутовники. На деревьях, поедая сладкие водянистые плоды, сидят мальчишки, а осы летают и гудят вокруг, как самолеты на аэродроме.

Мы проводили наших друзей и стали готовиться ко сну. Раис приказал, чтобы завтра мы встали пораньше. Хайдар-ота уложил ребят в мехмонхоне. Мне постелили на веранде. Там висела на длинном шнуре электрическая лампочка. Мне хотелось еще немного поработать, записать, пока не забылся, рассказ Хайдар-ота.

Скоро в доме все утихло. Я сел на корточки и положил тетрадку на колени. С улицы прилетел на свет и сел на мою тетрадку белый мотылек. В стороне от него двигала крылышками черная тень. Мотылек не мешал мне думать и работать. Я только отодвинул его подальше от строки и начал записывать рассказ старого дехканина. Может, его напечатают в газете. Пускай ребята знают, что на земле, где они живут, пролито много крови и слез, и хорошая жизнь пришла не легко и надо ее беречь и любить.

Мы выехали на рассвете. Машина долго и осторожно спускалась вниз. Справа и слева тянулись отвесные горы. Они прятали ночную прохладу и тишину. Но вот горы позади. Машина выехала в долину, рывкнула скоростями и помчалась вперед. Вокруг нас бежали во все стороны, будто лучи солнца, тропки и дороги. Сколько их? Даже не сочтешь! Я стоял в машине и держался за железную измятую крышу кабины. Я вспомнил рассказ Каримова-ота про восемьдесят восемь дорог. Мне сейчас очень хотелось поехать по дорогам, которые бежали по этой долине, но сделать этого нельзя, потому что дорог много, а жизнь у человека только одна.

Машина летела вперед. Мы слушали свист ветра в ушах и пели песню. Нам нравилась эта дорога. Она вела к друзьям.

Шумно и весело на кулябских улицах. Там женщины в платьях, сотканых из весенних радуг. Там мужчины, как ангелы, в белых рубахах, белых коротких штанах и остроносых галошах. Передать, что такое Куляб, невозможно. У художника не хватит красок, у летописцев чернил, а у поэта — сравнений.

Машина привезла нас к почтамту. Мы сложили под деревом вещи, оставили дежурного, а сами пошли получать письма. План у нас был такой: сначала мы пообедаем, оставим вещи у чайханщика, а потом пойдем по адресам, которые дали нам кузнец Ахад Давлятов и его друзья. В земотдел тоже придется заглянуть. Может, там скажут что-нибудь про Давлятова и Лунева.

Письма получили все. Только Алибекниязходжа-заде не повезло. Вместо конверта, от которого пахнет доро́гой и теплом милой руки, ему дали серую телеграмму. Подсолнух держал в руках телеграмму и с завистью смотрел, как мы читали свои длинные письма. Мне было жаль Алибекниязходжа-заде. Помоему, телеграммы надо вообще запретить. В них ничего толком не скажешь и не объяснишь. Они только развивают подозрительность и портят настроение.

Мне мама прислала письмо и деньги, которые я отложил на костюм. Мама сообщала новость. Каримов-ота собирался в Москву. Я читал письмо, вспоминал деда и улыбался. Видно, зря он назвал меня бродягой...

Мы стали разбирать свои рюкзаки. Но тут подошел какой-то таджик в белой рубахе на выпуск, галифе и хромовых сапогах с тупыми носами. Он с любопытством посмотрел на нас и спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы из Душанбе?

Как будто у нас на носу было написано, что мы из Душанбе, а не из другого города!

— Да, рафик, мы из Душанбе, — сухо сказал я. — Что вам надо?

— Так я вас ищу!

— Очень приятно. С кем имею честь?

Таджик в белой рубахе досадливо махнул рукой.

— Говорю — вас ищу. Ты Нечаев, да?

— Ну, Нечаев...

— А я Ашур Давлятов. Теперь понял?

Только сейчас я понял, кто стоял передо мной. Давлятова в одну минуту обступили ребята. Шумели, суетились, дергали за рубаху.

— Значит, это вы? Вот это да! Неужели вы?!

Да, это был Ашур Давлятов, побратим Сергея Лунева, человек, которого мы искали. Он обнимал оторопевшего Игната, отслонял от себя, вглядывался в его лицо и снова прижимал к груди.

— Абсолютно на дядьку похож, — говорил он. — Ну, как две капли воды. Точно говорю!

Но вот прошли первые минуты знакомства и узнавания. Мы спросили Давлятова о Сергее Луневе.

— Где он? Тут, с вами?

На миг по лицу Давлятова скользнула тень.

— Все расскажу. Не торопитесь.

— Значит, его тут нет? — упрямо и настойчиво спросил Игнат.

— Ну, нет... Пошли в чайхану. Пообедаем, а потом поедem ко мне. Хоб? Там и поговорим — дома...

Давлятов вытащил из общей кучи два рюкзака и бросил их на плечо. Затем он взял Игната за руку, как маленького, и зашагал по улице широким прямым шагом. Возле летней чайханы стояла грузовая машина с белыми скамейками поперек кузова. Из-под машины выглядывали ноги шофера в пыльных сапогах. Глухо стучал гаечный ключ. Давлятов сел на корточки, поговорил с шофером, а потом повел всех к длинной глиняной суфе. Чайханщик увидел нас, засуетился возле самовара. Из трубы и поддувала полетели во все стороны искры и легкий серый пепел.

Мы сели на палас, а Давлятов ушел к чайханщику. Он что-то вполголоса объяснял ему и указывал взглядом на баранью ногу с желтой сережкой сухожилия. Прикрытая белой тряпкой, она лежала на столе возле котла. Случая напомнить Давлятову о Луневе пока не было. Мне казалось, что он что-то скрывал. Может, Лунев заболел, а может, повздорил со своим ошной и уехал, не протянув руки. В жизни бывает и так.

Давлятов закончил наконец все свои дела и сел вместе с нами на серый вытертый палас. Мы смотрели на Давлятова и ждали. У него было смуглое крупное лицо, прямой подбородок с ямкой. На левом виске, почти у самого глаза, белел звездчатый шрам, которого я не заметил раньше. Давлятов сидел, опустив широкие покатые плечи. Потом выровнялся, поднял голову. Взгляд его был холодный и суровый.

— Ребята, Сережи Лунева нет, — сказал Давлятов. — Он погиб на войне.

Голосом тихим и грустным Ашур Давлятов рассказал о последних днях Сергея Лунева. Давлятов и Лунев служили вместе в партизанском полку. Их часть стояла под Запорожьем, на лесистом, увязшем в рыхлых песках острове Хортице. Лунев знал здесь каждый взгорок и каждый лесок. Он тут родился и вырос. Давлятову тоже были по сердцу днепровские плесы, вербы с черными дуплистыми стволами и белые кувшинки в тихих зеленых заводях. И все же Давлятову не хватало чего-то очень привычного и близкого. Он долго думал и понял — не хватало гор. Он томился и грустил по ним, потому что

таджики, как орлы — они рождаются и умирают в горах.

Партизанская часть попала в окружение. Политрук Давлятов и рядовой Лунев бились до последнего. Фашисты смыкали кольцо. Где-то совсем рядом, за кустами голых красных тальников уже скрипели в песке вражеские сапоги. Давлятов и Лунев хотели пустить пулю в висок. Но диски автоматов были пусты. Двух бойцов, двух друзей взяли в плен.

Давлятова и Лунева привезли в лагерь за колючей проволокой. Рыжий Фриц, выдававший себя за доктора, наколол на руке черной тушью номера. Тушь посинела и въелась в тело навсегда. У Давлятова был номер 816, а у Лунева — 811. Днем пленные пилили шпалы и пропитывали их черным раствором. Вечером их снова вели за колючую проволоку. В длинном дощатом бараке стояли возле стен двухэтажные деревянные нары. Посредине, освещая возле себя небольшой тусклый круг, висел в проволочном колпаке фонарь.

Родина живет в сердце человека всегда. По вечерам, прислушиваясь к лаю овчарок за стеной, пленные рассказывали о себе и своей жизни. Давлятов рассказывал своему побратиму о Таджикистане. Вместе с его рассказами в барак входили цветущие сады, белые, будто навсегда застывшие в горах, водопады и бегущие вдоль дорог красные маки. Давлятов рассказывал Луневу о маленькой коробочке, в которой он хранил заветные хлопковые семена. Под хрупкой черной кожицей жили ростки. Они ждали Давлятова с войны.

Лунев лежал на скрипучих, пропахших карболкой нарах, слушал и думал о далекой незнакомой стране и своем друге. Однажды Давлятов заболел. Лунев не смыкая глаз сидел возле него всю ночь, менял мокрые тряпки на лбу. Под утро жар спал. Лунев прилег рядом с Давлятовым на сырой черной соломе. В бараке было тихо. В окно, окрашивая все в сумрачный тюремный цвет, вливалось раннее утро.

— Ты спишь, Ашур? — тихо спросил Лунев.

— Нет, Сережа, думаю...

— Я тоже думаю, Ашур... — помолчал и тихо, стыдясь своих слов, прошептал: — Если бы мне сказали: «Лунев, выбирай, кому из вас жить — тебе или Давлятову?» — знаешь, кого бы я выбрал?

Давлятов нашел и крепко пожал руку друга.

— Знаю, — сказал он. — Ты — дурак...

— Я серьезно, Ашур! Ты нужнее людям. Тебе нельзя умирать.

— У всех на земле осталось много неоконченных дел, — сказал Давлятов. — Умирать нам нечего. Мы убежим отсюда, Сергей.

Пленные в самом деле готовили побег. Они раздобыли ножницы, чтобы резать колючую проволоку, и припасли несколько железных костылей для защиты. Побег откладывали с одной ночи на другую. Как назло, светила полная луна, и в поле, где стоял барак, была видна каждая травинка.

А между тем каждый день фашисты уводили из барака по одному-два человека. Фрицы уводили коммунистов и командиров. Кто-то выдавал их имена. Пленные выследили негодяя. Утром конвойные нашли его мертвым возле бадьи с помоями. Но на фашистов это не произвело большого впечатления. Они выудили у предателя все, что им требовалось. Теперь он был им не нужен. Каждый вечер, так же, как и раньше, ровно в девять часов гремел засов и в барак входили автоматчики. Трое становились с левой стороны, а трое — с правой. Офицер в пенсне подносил к близоруким глазам список и, картавя, громко называл номер пленного. Если жертва, которую выкликали, не выходила, пленных сгоняли с нар и выстраивали в проходе. Офицер в пенсне шел по длинному узкому коридору и лично проверял номера, которые наколол каждому рыжий Фриц.

А луна светила сильнее и сильнее, заливала все вокруг белым неподвижным светом. Каждый вечер, когда время приближалось к девяти, в бараке все смолкало. Люди смотрели на дверь и ждали. И вот снова забренчал железный засов, в барак вошли автоматчики. Трое — справа, трое — слева. Офицер в пенсне поднес к глазам список и отрывисто, как ворона с дерева, крикнул:

— Восемьсот шестнадцать, выходи!

Это был номер Ашура Давлятова. Политрук Давлятов встал, поглядел на длинный ряд дощатых нар и сказал:

— Прощайте, товарищи!

Но тут откуда-то с верхних нар спрыгнул птицей в своей черной телогрейке Сергей Лунев. Спотыкаясь на грязном выщербленном полу, он побежал к двери, заголил левый рукав и показал капитану синий, въевшийся в тело номер.

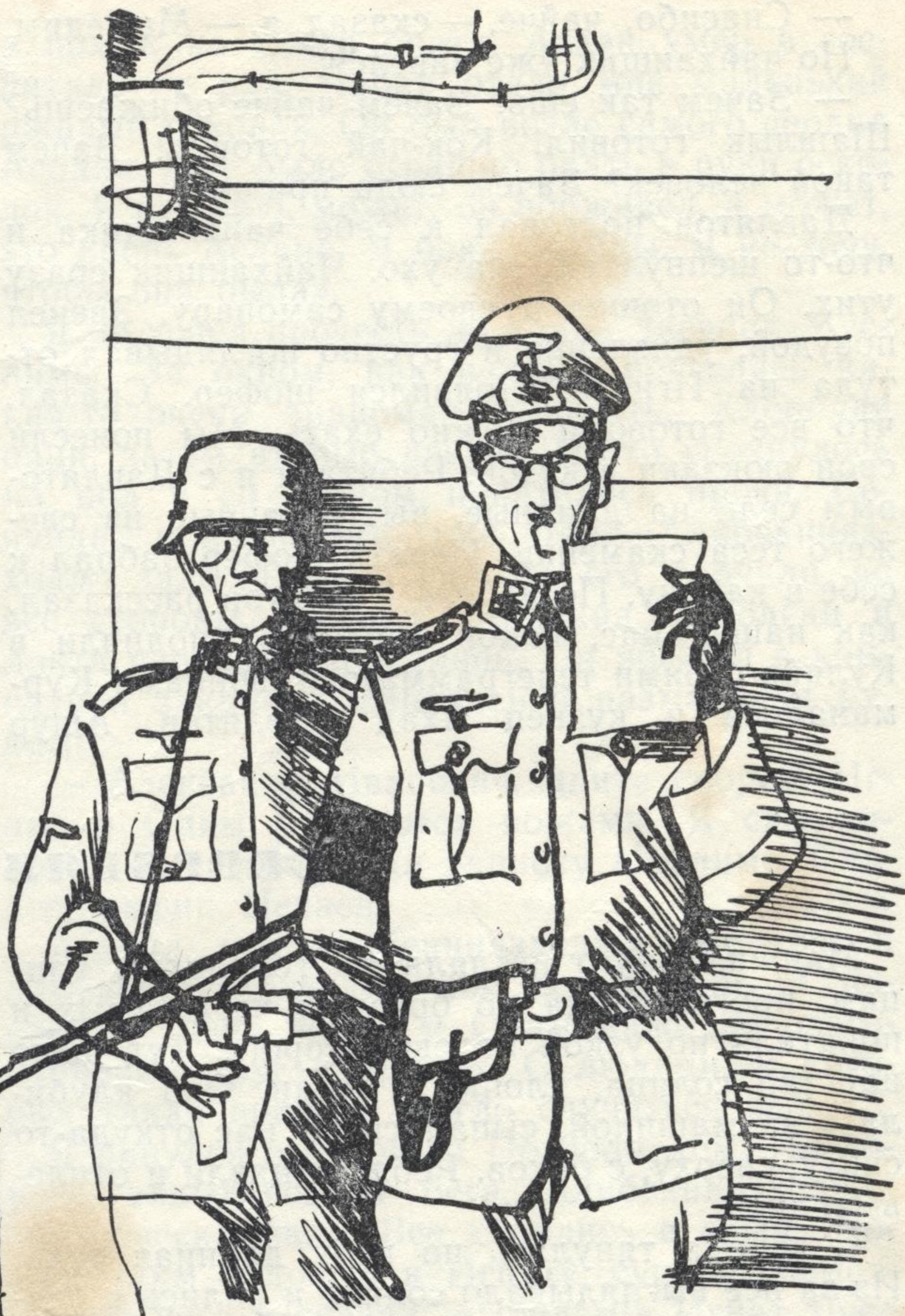
— Я Давлятов!

Давлятов и все, кто был рядом с ним, кинулись к порогу.

— Стойте! — кричал Давлятов. — Стойте!

Солдаты подняли над головой автоматы, наотмашь били пленных, отгоняя от двери.

— Хальт! Хальт! — несло по бараку.

Капитан подозрительно посмотрел через пенсне на синий номер Лунева и ткнул его перчаткой в затылок.

Проходи!

Строй автоматчиков сомкнулся и, грохая каблуками, вышел из барака. Давлятов бросился к порогу, начал стучать кулаками в гулкую дощатую дверь. Но все было тихо. Давлятов начал изо всей силы колотить по доскам. Прошло несколько минут. Засов снова забренчал. Дверь открылась. Солдат в зеленой замызганной шинели ударил Давлятова автоматом в грудь и громко выругался по-русски.

Позже, когда стихло в бараке, пленные стали вспоминать все по порядку. Француз, который спал рядом с Луневым, видел, как русский накалывал что-то иглой на левой руке.

Друг и побратим Ашура Давлятова Лунев приделал к единице своего номера 811 колечко и стал номером 816, тем самым, под которым значился в лагерных книгах коммунист Ашур Давлятов. Сергея Лунева увели. Он не

вернулся в барак, как не вернулись и те, кого взяли раньше. Через день Ашур Давлятов бежал из лагеря.

— Дня за два до этого Сережа дал мне адрес своей сестры, — закончил рассказ Давлятов. — Он сказал: «Ашур, если со мной что-нибудь случится, напиши сестре». Я писал Ольге Павловне в Запорожье, но письма возвращались. Недавно я отправил еще одно заказное письмо. Оно тоже никого не нашло и вернулось ко мне домой.

Молча выслушали мы рассказ Ашура Давлятова. Никто не задавал вопросов. Нам было тяжело. Мы стояли у могилы Сережи Лунева. Мы уже давно полюбили его и теперь прощались с ним навсегда.

Чайханщик принес на деревянном подносе шашлык и кок-чай. Мы неохотно и недружно принялись за еду. Чайханщик думал, что не угодил нам чем-нибудь: Он подошел к нам, вытер руки полотенцем и сказал:

— Почему не ешь, почему туда-сюда смотришь?

— Спасибо, чайче, — сказал я. — Мы едим. Но чайханщик уже завелся.

— Зачем так ешь? Зачем чайче обижаешь? Шашлык готовил! Кок-чай готовил! Зачем такой человек? Зачем сюда пришел?

Давлятов подозвал к себе чайханщика и что-то шепнул ему на ухо. Чайханщик сразу утих. Он отошел к своему самовару. Звенел посудой, удивленно и грустно поглядывал отсюда на Игната. Появился шофер. Сказал, что все готово и можно ехать. Мы понесли свои рюкзаки в кузов. Ребята и я с Давлятовым сели на длинные, выструганные из свежего теса скамейки. Игната шофер забрал к себе в кабину. По дороге Давлятов рассказал, как нашел нас, какой переполох подняли в Кулябе своими телеграммами и звонками Курманалиев и кузнец Ахад Давлятов. Ашур

усмехнулся, вспомнив своего однофамильца, и сказал:

— Надо обязательно съездить к нему, подковать коня...

А газету, как я и предполагал, Ашур Давлятов не читал. Проворонили нашу заметку и ребята в кишлаке.

— С утра до ночи на озере торчат, — объяснил Давлятов. — Идут вечером по улице — синие, мокрые, как утопленники. А все равно смеются. Черт знает, что теперь за дети пошли!

Я хотел рассказать Давлятову про папирус Присса, но подумал и промолчал. Видимо, Давлятов и сам понимал, что дети у нас сейчас не хуже, чем шесть тысяч лет назад. Может, даже лучше.

Впрочем, об этом еще надо подумать...

СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ

Машина долго петляла по городским улицам, прогрохотала по бревнам через арык и покатила по узкой полевой дороге. Тут было царство солнца, хлопка и пыли. Она клубилась за машиной, сыпалась на нас откуда-то снизу, сверху, с боков. Ребята чихали и отплевывались.

С запада тянулась по небу длинная туча. Из-за нее выглядывало солнце и лились в разные стороны длинные сизые полосы. Мы гнались за тучей, хотели, чтобы она брызнула на нас мелким прохладным дождем. Но не успели. Пока прибежали к дождю, он уже перестал. В пыли, просыхая на глазах, темнели ямки от дождевых капель, а листья на кустах хлопчатника блестели, как лакированные.

Давлятов постучал ладонью по кузову. Машина пробежала еще немного и остановилась. Шофер вышел из кабины. Видно, ему не раз приходилось останавливаться возле хлопкового поля Ашура Давлятова. Давно я не видал таких рослых раскидистых кустов. Среди огромных, с ладонь, листьев, уже мелькали бутоны и зеленые тугие коробочки. Давлятов хотел вырастить скороспелый хлопок, такой, чтобы весь его успели убрать до осенних дождей и раннего снега. Давлятов широко повел рукой, будто приглашая к огромному зеленому столу, и сказал:

— Пошли посмотрим.

Так хлебороб приглашает посмотреть спелую ниву, садовник зовет в прохладу садов, а пивовар — на молодое пиво. И хочешь не хочешь, а бери кружку двумя руками, пей в

свое удовольствие и говори то, что надо и что ждут от тебя люди.

Давлятов перекинул ногу через борт, нащупал носком сапога колесо и спрыгнул на землю. Присел на корточки, раздвинул листья рукой и нашел тугую, похожую на мячик с острой верхушкой коробочку. Будто волшебник из доброй хорошей сказки, Давлятов придавил мячик пальцами. Коробочка треснула и разделилась на четыре дольки. Давлятов потянул дольку за уголок. Тихо, будто снег в ладони, скрипнули сросшиеся волокна. Давлятов освобождал из плена и бережно подымал вверх неуловимо-тонкие, дрожащие на ветру нити. Они были похожи на серебряный дождь, который мы не успели догнать.

Кишлак, где жил Давлятов, был почти рядом с хлопковым полем. Там во дворе уже караулила нас целая толпа мальчишек и девчонок. Они увидели нас и вместо «салом алейкум» стали хохотать. Действительно, трудно было удержаться от смеха. Все у нас было черное от пыли — и волосы, и уши, и брови. Только глаза блестели и подтверждали, что мы люди, а не черти, которых вытурили за подлый нрав из дымоходов.

Мы спрыгнули на землю. Из толпы выделился и подошел ко мне высокий худой мальчишка. У него были черные растрепанные волосы, а на лице, доступном солнцу и всем ветрам, шелушились белые пятна. Загорелые плечи его обтягивала безрукавка с шикарной рваной дырой на груди. Похоже, наренок гордился этим знаком отличия и был тут коноводом.

— Рафик Нечаев, — сказал он, — мы решили повести ваших ребят купаться.

Я посмотрел на Давлятова. Он чуть заметно кивнул мне головой. Пускай идут. Рядом с друзьями скорее забываются горе и неудачи, которыми еще полна наша жизнь. Ребята дружно зашумели. Они давно мечтали искупаться в знаменитом озере Афган-Дели.

Я уже был однажды на этом озере. Смотрел, как, не затихая, клокочет, будто в котле, чистая озерная вода и огромные газовые пузыри лопаются и стреляют вверх ослепительными струйками.

Я завидовал ребятам. Идти на озеро я не мог. Меня ждали ребячьи дневники, которые я решил прочитать сегодня, и моя корреспонденция. Но такова участь всех газетчиков. Им нет покоя и в будни, и в праздники, когда на улице все розовое от знамен и репродукторы орут на весь город. Давно пройдут трудящиеся мимо трибун, прокричат свое «ура», давно едят бараний плов, а журналисты, согнувшись, сидят возле своих столов, описывают голубизну неба, город, который проснулся раньше обычного, и звонкую медь оркестров...

Давлятов тоже ушел. Я сел к столу и начал перелистывать дневники. Это были коротенькие заметки, потому что были мы в пути недолго. Только Олим Турдывалиев исписал своим круглым бисерным почерком почти целую общую тетрадь. Когда он только успел накрутить столько.

За окном покачивалось на ветру тоненькое высокое дерево. Тень от его листьев бегала по тетради и мешала мне писать. Я присмотрелся и понял, что ветра на дворе нет. На зеленой верхушке сидел серый общипанный воробей и раскачивал дерево, как маятник — влево и вправо. Я шикнул на хулигана, но он не обратил на меня никакого внимания. Закрыв глаза от счастья, он раскачивался на своей зеленой качели. Я не хотел портить настроение воробью и оставил его в покое. Я стал читать тетрадки и скоро вообще забыл о нем.

Один за другим перечитывал я ребячьи дневники. Было в них много такого, что я видел своими глазами, а было и то, что ускользнуло от меня и прошло стороной. Когда мы приедем в Душанбе, я попрошу напечатать лучшие дневники. И править в них ничего не надо. Пускай будут такими, как есть, потому что настоящая правда дороже всего на свете.

В дневнике Муслимы я подчеркнул рассказ о встрече с чабаном. Он коротенький. Его можно напечатать отдельно. «Я была в юрте чабана, — писала Муслима. — Он показал мне фотографию сына Аслана. Он совсем молодой

и похож на моего брата. Аслан умер в госпитале от ран. Чабан отдал мне маленький ржавый осколок. Он был возле самого сердца Аслана. Мне было страшно брать в руки осколок. Я не знаю, может, он поржавел, а может, это кровь Аслана. Я боюсь войны. Я не хочу, чтобы она была».

Я не успел прочесть до конца дневник Муслимы. За окном, как вихрь, пронеслась какая-то очень знакомая личность. Хлопнули одни, затем вторые двери. Что-то грохнулось на пол и со звоном покатило прочь. Секунда, и на пороге уже стоял Алибекниязходжа-заде. Рыжие волосы его торчали во все стороны, рубаха разорвана, а колени и локти перепачканы глиной. Он вбежал в комнату и закричал, заикаясь и размахивая руками:

— Александр Иванович, идите скорее! Игнат и Олим убиваются ножами. Я сам виноват. Я сам написал записку Муслиме. Скорее, рафик Нечаев!

Я знал, что Алибекниязходжа-заде трус и паникер. Но сердце мое похолодело. В последний день Игнат и Олим даже не разговаривали друг с другом. С людьми, у которых такая вражда, могло случиться все...

Я ринулся в дверь за Подсолнухом. По дороге, задыхаясь от бега, Алибекниязходжа-заде рассказывал. Все купались в озере. Потом Олим подошел к Игнату, сурово посмотрел на него и сказал: «Пойдем!» Игнат тоже сурово посмотрел на него и сказал: «Пойдем! Я не боюсь!» Игнат и Олим ушли в горы. Алибекниязходжа-заде видел у Олима нож с наборной колодкой. Такой нож был и у Игната. Игнату подарил его кузнец Ахад Давлятов. Подсолнух лично видел, как Олим вынул нож из кожаного чехла и попробовал его острие большим пальцем, как парикмахер трогает бритву, когда собирается брить.

Мы выбежали с Подсолнухом за околицу кишлака и увидели обоих мальчишек. Они шли по склону обрывистой горы, сложенной из серых растрескавшихся камней. Впереди Олим, а сзади, поправляя на поясе нож, карабкался вверх Игнат. Я приложил ладони ко рту и закричал. Мальчишки не оглянулись. Видимо, тут было больше чакрыма * пути. Игнат и Олим направлялись к плоской каменной площадке. Внизу темнел провал. Исчезая и вновь появляясь на солнце, над бездной носились стрижи.

Наперерез тропке, по которой шли мальчишки, вилась еще одна. Она петляла меж

* Чакрым — расстояние, на котором слышен человеческий голос.

высоких, покрытых пятнистым мохом камней, ныряла куда-то вниз и вновь легко и беспечно бежала по каменистому склону. Я измерил взглядом расстояние до Игната и Олима. Если я побегу по этой тропинке, не свалюсь в пропасть и не сломаю себе шею, я успею остановить мальчишек.

Я расстегнул рывком рубашку, чтобы легче было дышать, и припустил изо всех сил. Сзади, падая и спотыкаясь на камнях, бежал Алибекниязходжа-заде. Тропа забирала в гору круче и круче. Юркие камни вырывались из-под ног, увлекали за собой мелкую шумную гальку. Мальчишки были все ближе и ближе, я уже видел и пестрые узоры на тубетейке Олима, и злосчастные ножи, которые грозно болтались на ремнях.

Впереди показался огромный камень. С верхушки снялся и нехотя замахал крыльями черный подорлик. Из трещины в камне рос цепкий жилистый куст джиды. Тропка огибала камень узкой, как лента, полоской. Это была даже не тропка, а какой-то ненадежный, ускользящий из-под ног карниз. Я схватился рукой за ветку джиды и, прижимаясь всем телом к камню, стал обходить его вокруг.

Ноги мои, наконец, коснулись твердой почвы. Я отпустил куст и оглянулся по сторонам. Куда же меня занесло? Тропка, по которой я с таким трудом вскарабкался на гору, сворачивала влево и бежала по холмам к пастбищу. Вдалеке темнела юрта чабана и бродили белые, с рыжими подпалинами овцы. От Игната и Олима меня отделяло длинное извилистое ущелье. В синей дымчатой мгле его плыл полосой волокнистый туман.

— Оэй! — крикнул я. — Оэй!

Эхо покатилося по ущелью, стихая и возникая вновь, будто там, среди скал, перекликалось в разных местах несколько человек. Не щадя голоса, я звал мальчишек. Они не слышали. Я нашел плоский юркий голыш и запустил его в каменистый склон на той стороне. Это была пустая затея. Камешек глухо тукнулся об стену и полетел вниз.

— Оэй, ребята, оэй!

Олим и Игнат карабкались вверх. Площадка, которую они облюбовали, была где-то совсем рядом. Вот Олим схватился рукой за тоненький, выросший в расщелине камня кустик, подтянулся вверх, поставил ногу на высокий каменистый порожек, оттолкнулся другой и влез наверх.

Он постоял там несколько секунд, сказал что-то Игнату, а потом опустился на колени, протянул Игнату руку и рывком вытащил его на площадку.

— Оэй! — крикнул я. — Оэй! Прекратите там! Что вы делаете? Оэй!

Олим и Игнат стояли на краю пропасти шагах в трех или четырех друг от друга. Глупые самолюбивые мальчишки, враги, которых не могла помирить и сблизить жизнь. Они долго стояли молча, потом посмотрели исподлобья и медленно пошли друг другу навстречу.

Я закрыл глаза. Я не знаю, сколько это продолжалось, минуту или вечность. Когда я снова открыл глаза, Игнат и Олим стояли рядом, обнявшись и положив друг другу ладони на плечи. Я чуть не закричал от радости. Черти, негодяи! Они пришли в горы не драться, а мириться, дать друг другу суровую мужскую клятву.

Мальчишки стояли на краю пропасти, как два орленка перед взлетом. Мне тут делать было уже нечего. Я кинул последний взгляд на Игната и Олима, обогнул камень и пошел по тропе. Внизу меня ждал Алибекниязходжа-заде.

— Они поубивались, Александр Иванович, да?

Мне не хотелось разговаривать сейчас с Подсолнухом.

— Иди на озеро, купайся, — сказал я. — А ребятам про записку расскажешь сам. Марш!

Подпрыгивая, Алибекниязходжа-заде побегал вниз. Я поглядел по сторонам, увидел слева еще одну тропку и пошел по ней.

Я люблю незнакомые тропы, радость новых поисков и открытий. Тут все твое — спелая ягода шиповника, созревшая раньше срока на солнце и горном ветру, и белый камешек, который сам просится в твой карман. Моя новая тропка бежала по ложбинке. Она была доверху засыпана сухими листьями, как старый окоп. Под листьями чувывркала мелкая, выточенная горной струей галька. На тропке не было ни одного следа. Я пошел по ней, насвистывая песенку и шурша листьями. Когда я спустился вниз, я догадался, что это не тропка, а высохший ручей. Тут никто никогда не ходил. Только я и ручей. И мне стало еще приятней.

Дома никого из Давлятовых не оказалось. Калитка была закрыта задвижкой. В железных петельках торчала щепка. Напротив, на куче камней грелся на солнце старик в ватном халате, в белых зауженных внизу штанах и новых галошах.

— Салом алейкум, ота, — сказал я. — Что, никого нет?

Старик посмотрел на тонкие блестящие кончики галош, подумал, будто решал какую-то сложную проблему, и ответил:

— Никого, джура, нет. Ашур в контору пошел, а мать на арыке, Сереже рубашку стирает.

— Какому Сереже? — удивился я.

Старик покачал головой, вздохнул и грустно ответил:

— Сыну. Фашисты его убили. Только она, джура, не верит...

Старик вынул из кармана оранжевую тыквочку с узким медным кончиком, насыпал в горсть щепотку зеленого табаку-насу и отправил под язык.

— Так и стирает, джура. Каждую субботу. Погладит, сложит на стул, а потом ждет... У нас, джура, в субботу танцы и кино. Она думает: если Сережа вернется, он наденет

чистую рубаху и пойдет гулять вместе со всеми. Вон там она, видишь? Иди встречай!

Я пошел по улочке кишлака к арыку. Дорога спускалась вниз ступеньками из плоских выщербленных камней. Между ними зеленела трава. Я еще издали увидел мать Ашура Давлятова. Она подымалась по ступенькам в черном платье и черном платке, переброшенном длинными концами через левое плечо. Мать Ашура несла на голове высокий медный кувшин. Правой рукой она придерживала кувшин с водой, а в левой несла белую рубашку с широким русским узором. Встречные останавливались, молча опускали головы и давали матери дорогу.

Приключения Васи Булкина в революционном Петрограде

1 июля.

Уже две недели рабочие и солдаты Петрограда рвутся на улицы — с оружием в руках свергать Временное правительство. Оно не дало ни земли, ни мира, оно начало наступление на фронте и позорно провалило его... Долой! Вся власть Советам!

Только большевики удерживают народ от выступления. Споры на митингах каждый день.

— Рано, — убеждал вчера рабочих завода «Айваз» дядя Коля. — В Питере у нас сил много, а в России всей пока мало. Подниматься надо лишь тогда, когда будем уверены в победе. Дайте этим «временным» созреть для падения! Сейчас — рано!

2 июля.

Сегодня дядя Коля страшно ругался, узнав про митинг Первого запасного пулеметного полка в Народном доме. Пулеметчики решили выступить на улицы...

— Горлопанит там кто-то. Может быть...

— Что, дядя Коля?

— Боюсь, не твои ли генеральчики из автомобиля «Рено», — не забыл еще? — мутят солдат. Провокацию разводят. Кровавую баню готовят на улицах. А наши по глупости могут сорваться. Одно к одному все, — Ильич в такое время заболел. Эх! — и махнул рукой.

3 июля.

Сегодня — прорвало!

С утра Петроградский комитет направил дядю Колю на завод Эриксона. Я пошел с ним. Митинг собрали в мастерской. Было душно, пыльно, пахло вареным маслом.

Вдруг в цеху раздался страшный свист!

— Кончай! Во двор! Во двор! — кричали рабочие.

Все побежали во двор. Там, поднявшись на шрапнельные болванки, стояли солдаты. На их погонах я увидел знаки Первого пулеметного полка.

— Мы идем к Таврическому дворцу требовать передачу всей власти Советам! — крикнул пулеметчик, — поддержите ли вы нас, товарищи рабочие?

Дядя Коля крикнул было: «Без указания ЦК нельзя!» — но его не стали слушать.

— Открыть ворота! — загудела толпа.

Распахнулись ворота. Я увидел, как мимо проезжают автомобили с пулеметами. Рабочие тоже стали строиться в колонну, откуда-то появились винтовки, штыки, подсумки с патронами. Вооруженные встали в первые ряды и прикрыли собой остальных. Женщины-работницы помогали им нацепить на правый рукав повязку с отпечатанной надписью: «Красная Гвардия».

Все это было похоже на февральскую революцию — пулеметы и винтовки на улицах, попрятавшиеся фараоны... Только тогда вышли на бой все: и студенты, и офицеры, и чиновники, — а сейчас идут рабочие да солдаты под красными знаменами. Первый день восстания рабочих в Питере — вот что это было такое!

Двинулись к Таврическому через Литейный проспект. С Невского доносилась стрельба. Потом уже говорили, что там на углу Невского и Садовой из пулеметов обстреляли демонстрацию. Мы дошли до Таврического, проезд и сквер возле дворца были забиты толпой, посередине возвышалась трибуна. На ней держал речь председатель Совета меньшевик Чхеидзе.

Он советовал людям разойтись по домам, обещал подумать над их предложением — взять всю власть Советам. Пока обещал, подошли новые части — легкая артиллерия, делегаты полков — и все требовали: «Чего думать — берите власть! Берите! Мы поддержим вас вооруженной рукой!»

4 апреля.

Утром мы с дядей Колей были возле дворца Кшесинской (там расположен большевистский ЦК), когда кто-то прибежал и сообщил, что у Николаевского моста высадились с кораблей пять тысяч матросов из Кронштадта. Они уже прошли Университетскую набережную, вышли к Народному дому и сейчас идут к зданию ЦК, сюда, к нам...

Вскоре показались матросы. Шли они серьезные, хмурые, знамен было немного, оркестр играл скупое. Подойдя к дворцу, они остановились возле балкона и потребовали: «Пусть Ленин скажет речь!»

А Ленин все не выходил.

Дядя Коля побежал в здание. Вечером рассказывал, что Ленина уговаривали выступить — мол, Владимир Ильич, надо, ведь ЦК принял решение взять демонстрацию под свой контроль, раз уж она началась... Рассердился Ленин на того товарища, вздохнул и пошел на балкон. Грянуло матросское «ура» на площади — я чуть не оглох.

От дома Кшесинской пошел с матросами через Троицкий мост.

Дошли до Литейного и тут, на углу Кирочной, вдруг — тра-та-та... Пулеметы бьют по нам с крыш! Матросы залегли на улице, стреляют вверх. Потом на Кирочной показался броневик, дал очередь по буржуям — стихли. Сбежали, гады, по крышам...

К Таврическому матросы прошли спокойно. Но проклятые меньшевики из Совета опять не захотели брать власть! Вышел эсеровский вождь Чернов на трибуну, подскочил к нему матрос: «Бери, сукин сын, пока дают!» Вечером буржуи двинули в атаку казачьи части и артиллерию. Бой был между Литейным мостом и Шпалерной улицей. Я сам не видел, но говорят, что солдаты разбили казаков и захватили четыре пушки. Держись, буржуи!

5 июля.

В пять утра, когда все спали, они ударили по редакции «Правды».

Редакция рядом со штабом округа — на Мойке, 32. Я был там днем — ужас! Столы перевернуты, наборные кассы разбиты, провода телефонов оборваны. Они искали оружие...

«Правда» сегодня не вышла.

Мимо меня по улицам промчался казачий отряд. Его вел какой-то лихой прапорщик. Он кричал: «Ленин — изменник!», «Бей шпионов!» Казаки шпорили лошадей...

6 июля. Издан приказ об аресте Ленина.

7 июля. Керенский назначен премьер-министром. «Правда» запрещена.

14 июля. В городе повальные аресты большевиков.

— Ты, хлопец, носа не вешай, — успокаивал меня дядя Коля. — Зато мы не позволили себя в драку затянуть, когда у противника сил больше. Наши почти все вышли из дела

Товарищи выборжцы!

Сегодня главный день выборов в районную Думу Выборгской стороны. Все за работу! Все на места!

Пусть ни один голос не пропадет, пусть ни один наш избиратель не останется дома. Завоеуйте районную Думу Выборгской стороны и покажем тогда на практике, как наша партия защищает интересы рабочих, интересы будущего населения вообще.

целыми. Теперь надо подготовить новый удар!

— А где Ленин? — спрашиваю.

Дядя Коля не ответил. Он не знает. Да и никто не знает. Говорят, его на подводной лодке переправили в Швецию. Наверное, неправда. Но где же Ленин?

Это — великая тайна большевиков.

Здесь опубликовано несколько фотодокументов из альбома Васи Булкина (июльские страницы). В левом ряду — сверху вниз: листовка большевиков, стремившихся удержать рабочих от несвоевременного выступления; юнкера в вестибюле разгромленного большевистского штаба.

В правом ряду — сверху вниз: вооруженные каратели; на Дворцовой площади разоружают пулеметный полк, выступивший на стороне большевиков; расстрел рабочей демонстрации на углу Невского и Садовой (кстати, эта улица после революции свыше десяти лет называлась улицей 3-го Июля).

Э. Мошковская
Рисунки Н. Муратова

***

Однажды Тигр вдруг заладил:
«Хочу, чтоб кто-нибудь погладил
мой прекрасный мех!
Приглашаю всех!

***

Собак
веревкой привязывают,
сидеть на цепи приказывают...

Но если их любят,
оказывается,
сами они
привязываются.

Пусть погладят мне бока,
так как добрый я пока.
Проведите по плечу,
я на вас не зарычу!
Проведите за ушами...
За ушами
разрешаю
сколько хочется тереть!
Становитесь в очередь!
Вызываю первого!»

Но очереди
не было...

***

Не люблю я кланяться,
это мне не нравится.
Нет во мне такой привычки.
Только кланяюсь
черничке
и грибочку поклонюсь,
сто разочков поклонюсь!

Овсей Дриз

И-А!

Хозяин мой, портной,
Вчера пришел к уздечке
Две шелковые кисти
И медные колечки.

И я подумал с гордостью,
Что в случае таком
Я попросту обязан стать
Известным рысаком.

Не буду больше я таскать
Тележки и возы,

А стану я на скачках брать
Все лучшие призы.

Но тут пришел хозяин
И среди бела дня

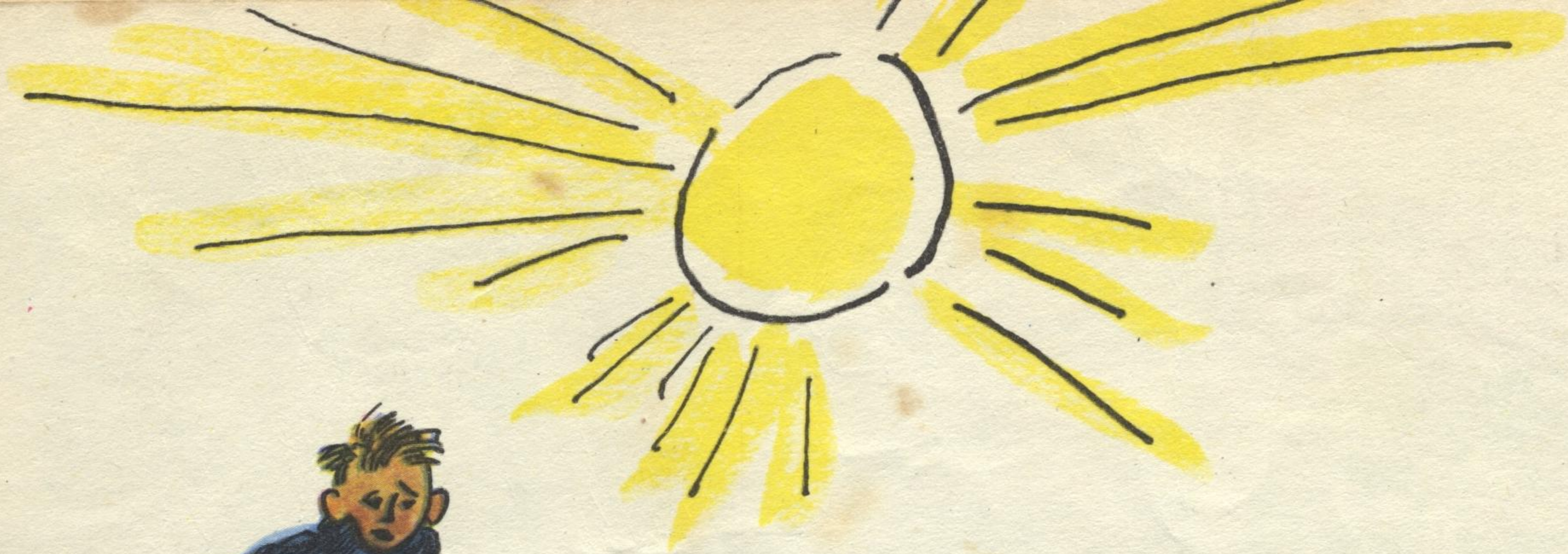

Сказал мне, что уздечку
Он сшил не для меня.

От горя и обиды
Я уронил слезу —
Нет, рысаку уздечку
Я сам не повезу.

И вот стоим мы оба —
Хозяин мой и я.
Вы слышите? Я плачу:
И-а! И-а! И-а!

Перевел с еврейского
Роман Сеф

В речке плещутся друзья.
Мне и ног мочить нельзя.
Если ноги замочу —
Грипп с ангиной подхватю.
Я сижу на берегу,
Я здоровье берегу.

Н. Егоров

ИЮЛЬСКИЕ СТРОКИ

Без кроватки,
без пеленок
рос в кармане
кенгуренок.

Скучно бедному ему
жить на свете одному —
нет ни сверстников, ни братца —
ни поспорить, ни подраться.
„Заведи мне хоть сестренку!“ —
просит маму кенгуренок.
Но в ответ сказала мама:
„Это нам не по карману“.

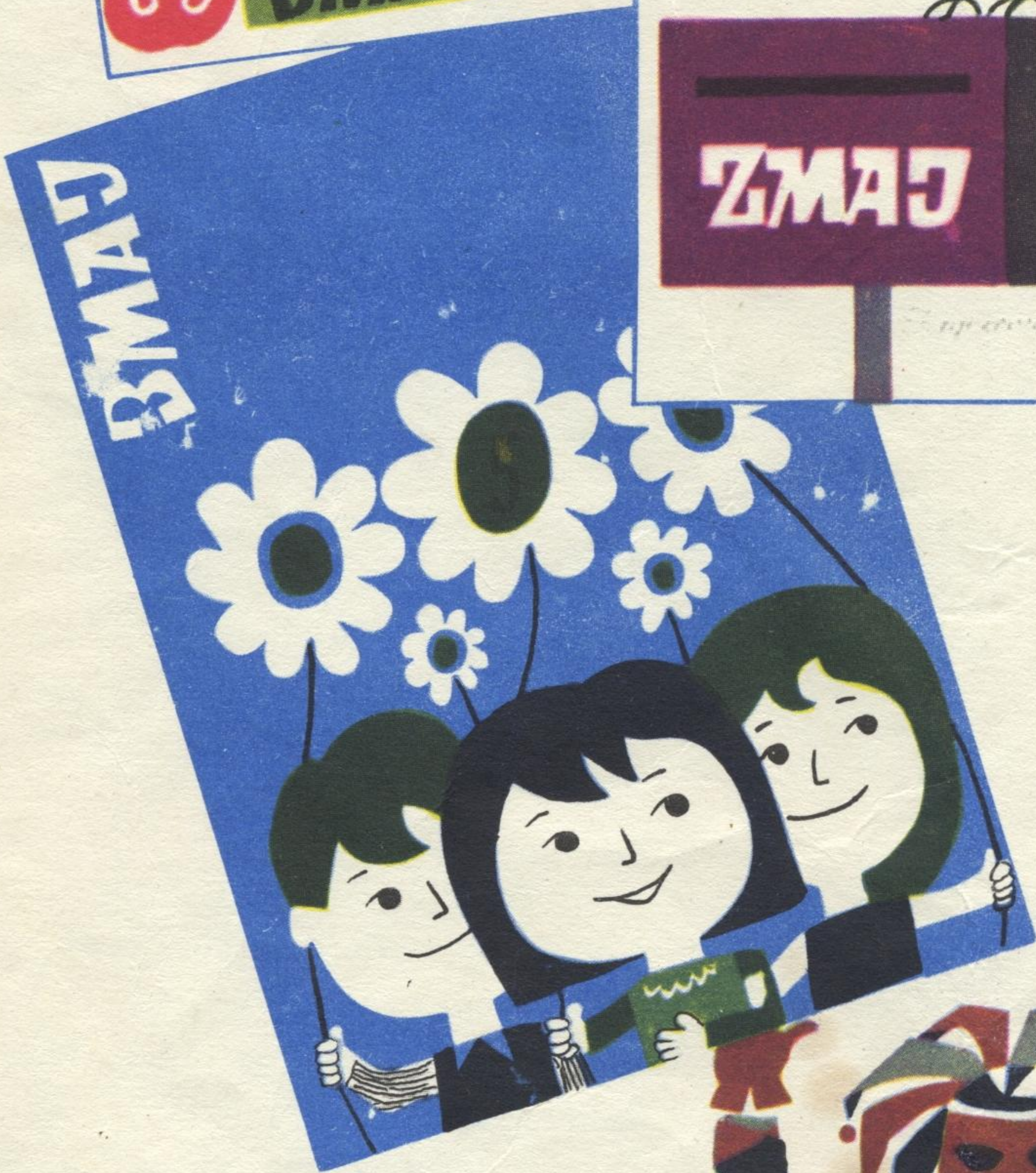
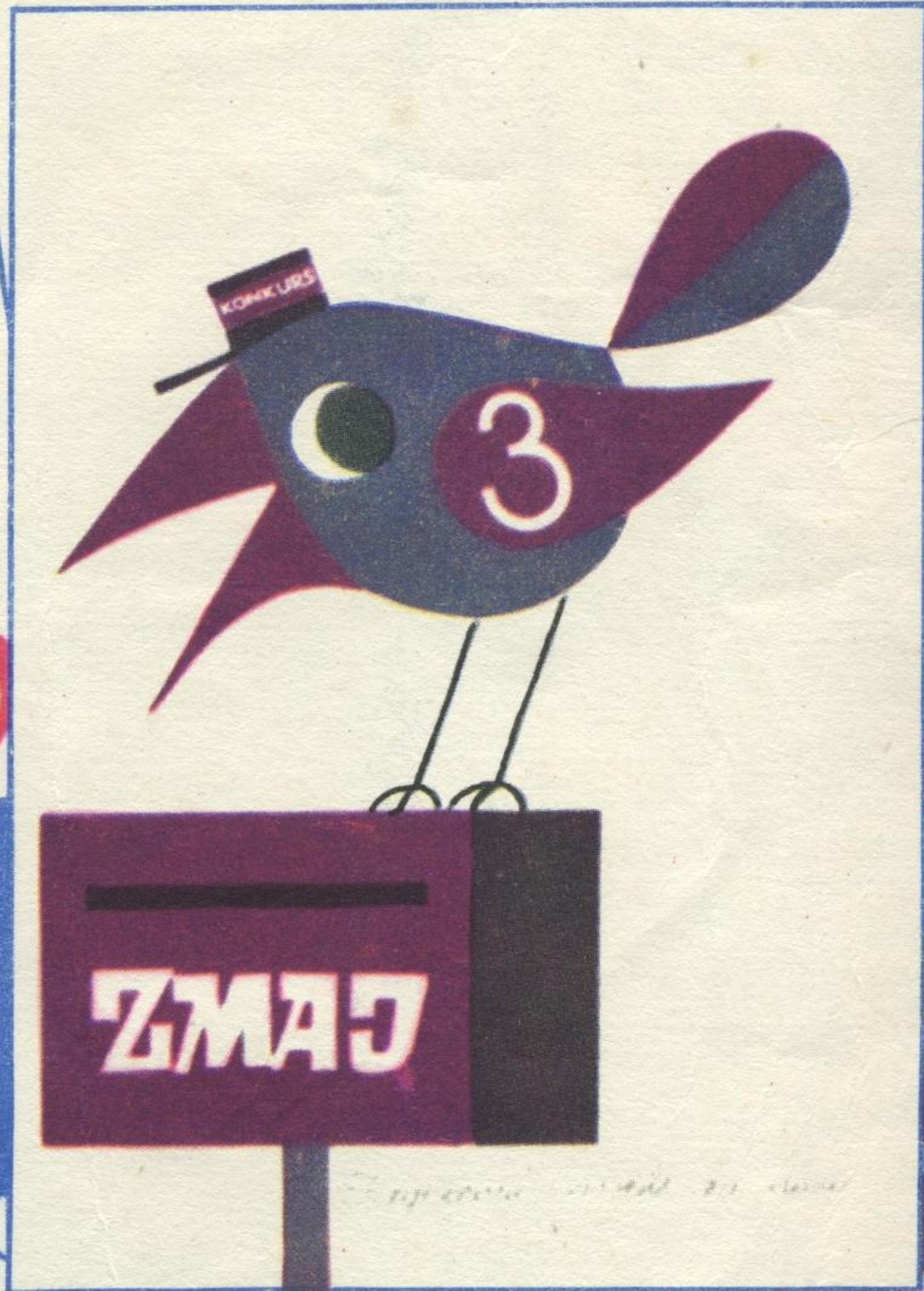
М. Ольшанский

Спасаясь от Змеи, Воробышек скакал
И встретился с червем, ни в чем не виноватым.

Червя он клюнул, а Змее сказал:
— Вот так мы поступаем с вашим братом!

Вяч. Лейкин

Югославский
детский
журнал
„Змай“

ЗМАЈ

В гостях у „КОСТРА“

На этих страницах «Костер» принимает дорогого гостя и давнего своего друга — журнал югославских пионеров «Змай».

Уже несколько лет дружат наши журналы, дружат наши редакции. Сотрудники «Змая» бывали у нас, на Таврической улице в Ленинграде, нам довелось побывать на Французском бульваре в Белграде, в редакции, где в самый пасмурный день солнечно от множества детских рисунков, развешенных по стенам.

И вы, читатели «Костра», уже знакомы немного со «Змаем» — вы читали стихи редактора журнала Миры Алечкович и сказку замечательного югославского писателя и сотрудника «Змая» Бранко Чопича. Теперь вы подробнее познакомитесь с журналом, по имени «Змай». И вы увидите, что во многом он похож на «Костер». Так же, как читатели «Змая» похожи на читателей «Костра». Как русский язык похож на сербский.

Вы, наверно, уже догадались, что «змай» значит по-сербски «змея». Но наши югославские друзья назвали так свой журнал не потому, что мальчишки и девчонки этой страны, как все дети земли, любят с замирающим сердцем следить за полетом пестрого змея в синем весеннем небе. Журнал назван «Змай» в память о великом сыне Югославии писателе-борце Иоване Змае.

МАТЬ

РАССКАЗ

Черный прокоптившийся паровоз подошел к станции. Покосившееся здание вокзала смотрело на поезд своими косыми грязными окнами, будто спрашивая:

— Глянь-ка, откуда опять такое черномазое дымное шумное чудовище?!

В дверях зала ожидания стояла старушка, сгорбившаяся под тяжестью лет. Ее большие черные глаза вглядывались в поезд. Лицо в старческих морщинах загоралось надеждой, когда она видела какого-либо парня, спрыгивающего с подножки вагона.

Уже четыре года она ждала, что сын ее вернется к ней с моря. Она настойчиво приходила на станцию, стояла и ждала. Ждала, напрасно ждала, и, возвращаясь, глушила в себе голос, говоривший ей, что сын не придет, никогда не придет.

— Пусть не пришел сегодня, придет завтра. Да... было у меня пять сыновей... Остался один. Он вернулся из такого лагеря, откуда никто не возвращался. Конечно, я соскучилась о тебе, сердечко мое.

Так мысленно старушка ласкала своего сына, не желая и просто не в силах понять, что ее сын уже вырос, что он больше не малыш, готовый от мыши спрятаться за мамин подол.

Каждый день она ждала почтальона, надеясь получить от сына весточку, подобную той, которую он послал ей, возвращаясь из лагеря:

«Мама, завтра в пять утра приезжает твой малыш».

Почтальон всегда заходил в ее дом в конце села. Ему было тяжело видеть, как гаснет надежда в глазах старой женщины, гаснет от его слов:

— Нет, сегодня нет, но завтра, завтра обязательно будет письмо.

— Завтра, завтра, — как эхо повторяет старушка и снова идет на станцию. «Может быть, он не сообщил мне о себе, чтобы сделать мне сюрприз», — думает она по дороге и каждый вечер возвращается одна, повторяя: «Завтра, завтра, придет завтра...»

Однажды она не пошла на станцию. Не могла больше ходить. На следующий день почтальон, пожалев старую женщину, написал ей весточку «от сына»:

«Дорогая мама, приеду вероятнее всего через два месяца. Здесь мне очень хорошо. Надеюсь, что и у тебя все в порядке.

Твой малыш».

Старушка прожила еще неделю счастливая, и счастливая умерла, так и не узнав того, что знали все на селе: ее сын погиб в бурю.

Она умирала, с гордостью говоря:

— Я знала, что он придет. Он вернулся из лагеря... А было их пятеро. Теперь у меня он единственный...

Васка Кулич, ученик 6 класса, Белград

Н. Еремич

МАЛЬЧИК С РУЖЬЕМ

(отрывки из поэмы)

Кто этот мальчик, скажите?
Кто он, откуда он?
Нет на груди медалей,
Нет на плечах погон.
Только два теплых глаза
Ярко-ярко блестят,
То ли от звезд, то ли от блеском
Будущих канонад.
Только два глаза, горящих
Желаньем шагать вперед,
Только два глаза (никак их
Усталость и сон не берет),
Только два мягких глаза
(Порой они тверже, чем сталь),
Два черных глаза, которые
Подголубила даль.
Кто этот мальчик, скажите?
Кто он, откуда он?
Птицы и пакетботы
К нему приплывают в сон,
Стихи о нем не написаны,
Песни о нем не спеты,
В газетах не напечатаны
Его большие портреты,
Фильмы о нем не отсняты,
И все же при свете дня

В глазах его бьются отсветы
Будущего огня.
Мальчик с крылатыми снами
Это — и этот и тот,
Всюду он рядом с нами,
Мамин мальчик, живет.

Мальчик — зеленая веточка,
Пробившаяся наугад,
Но Время ему вручает
Ружье и пару гранат.
И он принимает оружие
Рукою уже мужской.
В дорогу берет он хлеба

И небо над головой.
Стиснуты крепко зубы,
И бровь набегают на бровь,
Но не идет на убыль
К отчизне его любовь.
Уходит по травам росным
За дальние тополя.
И перед мальчиком взрослым
Дороги стелет земля.

Вы слышите песню мальчика?
В годину военных невзгод
О Родине и Свободе
Мальчик с ружьем поет.

Бранко Чопич

ТРУСЛИВЫЙ ЖЕНИХ

РАССКАЗ

Стоило только нам с Икетой, который приходился мне дядей, хотя и был на полгода младше, спрятаться в высокой траве за огородом, как нас разоблачила соседская девчонка, наша ровесница, всевидящая и всеведущая Миля.

Что за Миля, спрашиваете?

О! Это самое любопытное, самое непоседливое существо во всей нашей округе, настоящая юла, оса, сорока, воробей — и бог знает, кто еще!

— Ага, курите! — злорадно прозвенела она, перегнувшись через забор. — Ей-богу, нажалуюсь, так и знайте.

— Кому нажалуешься-то? — взъерошился Икета.

— Скажу моей маме, мама — деду Перка-

ну, дед Перкан — вашему деду Раде, а дед Рада как возьмет ухват, да вам по ногам — хватать, хватать!

— Это тебя мать ухватом бьет, — заметил Икета.

— Ох, ты врун-врунице! Она меня только один раз пальцем в лоб ткнула, — возмутилась Миля.

— Ха! Пальцем! Сама по лбу топором получила!

— Да если б мать меня топором ткнула, я бы померла! — заорала Миля.

— А ты и так померла, я сам видел, как ты лежала под грушей! — крикнул Икета, едва не вылезая от возбуждения из своей длинной рубашки.

— Что же она, снова воскресла? — удивился я.

— Ха-ха! Заврался и правда, что же я, снова воскресла?

Миля победно подскочила, а Икета, почувствовав, что я перешел на ее сторону, взъелся на меня:

— А ты чего ее защищаешь? Знаю, знаю, жениться на ней вздумал! Ха-ха, жених и невеста!

Такой оборот дела был настолько неожиданным, что мы с Милей здорово смутились и покраснели как маков цвет. Ничего себе, жених и невеста! Еще не хватало, чтобы об

этом узнали все ребята, дед, мама... ух!

Не успели мы с Милей опомниться, как подлец Икета уже перескочил плетень и понесся к дому, подвывая:

— Гляньте на него, женился! Ха-ха, жених и невеста!

Оставшись вдвоем, мы с Милей еще больше растерялись. Все пропало! Теперь о нашем позоре узнают все!

Первой опомнилась Миля.

— Свинья! Настоящая свинья! Вот возьму и назло ему выйду замуж. Пусть знает!

Взмахнув широкой юбкой прямо перед моим лицом, она удалилась, независимо подняв нос. Я смотрел, как она ловко перепрыгивала через грядки, легкая, босоногая, а в голове назойливо мелькала только одна мысль: «Моя невеста!»

Дальше события развернулись еще интереснее.

После обеда на дороге показалась Милина мать, а за ней Миля — собственной персоной. Они шли к нашему дому.

— Ага, вот и невеста! — с издевкой проговорил Икета, и тотчас же, опасаясь порки, исчез где-то за амбаром.

От его слов у меня подкосились ноги. Все! Сейчас меня поженят! Идет невеста.

Я испуганно оглянулся туда-сюда: куда бы удрать?! На глаза попалась приоткрытая дверь свинарника в глубине двора. Не раздумывая, я влетел туда и — хоп! — головой угодил прямо в поросят.

— Хрю-хрю-хрю! — всполошились перепуганные поросята, но, скоро убедившись, что их гость не так опасен, они тем же дружным «хрю-хрю», теперь уже означавшим на поро-

сiachем языке: «пусть останется, будет нам братом» — приняли меня в свою компанию.

Сквозь щель в стене свинарника я увидел, как Миля с матерью прошли через двор и вошли в дом. Немного позже до меня донесся голос моей мамы:

— Бая, Бая!

— Меня зовет! — спохватился я и в ужасе спрятался между поросятами.

— Бая! — это был уже визгливый голос моего ненавистного врага Икеты.

Я молчал, будто немой, и лишь почесывал поросят по спинам, чтобы они не хрюкали. А по двору несся ослиный Икетов крик:

— Бая, Бая, иди домой, тетка Сава свежих булочек принесла!

«Ага, как бы не так, — подумал я. — Хочешь заманить меня на булочки, а там меня схватят за шиворот и поженят».

Я снова заглянул в щель. Икета, паршивый пес, вскарабкавшись на пустую капустную бочку, заглядывал в нее и кричал:

— Бая, выходи, я тебя вижу!

Потом он влез на орех, что стоит в углу двора, и из густой кроны донесся его голос:

— Бая, слазь быстро, я нашел тебя!

— Кота ты нашел! — пробормотал я.

Внезапно на меня обрушилась новая беда.

Под крышей свинарника ночью на насесте спали куры, весь пол свинарника был усыпан миллионами куриных блох. Эти маленькие, едва видимые существа вдруг яростно набросились на меня, они облепили мне руки, ноги, заползли за шиворот. Напрасно я чесался, встряхивался, ерзал — ничто не помогало.

— Ну, Икета, будь ты проклят, тебя бы сейчас сюда!

Миля с мамой все еще были в доме, а меня одолевали все новые и новые полчища насекомых. Наконец я увидел, как гости направились по тропинке к своему дому, и облегченно вздохнул:

— Слава богу! Унес дьявол невесту!

Я кинулся к дверям, выскочил во двор, будто заяц, перемахнул плетень и помчался через кукурузное поле прямо к ручью. Сбросил с себя рубашку, трусы и прямо в водоворот — бух!

Я нырял и плескался до тех пор, пока вода в ручье не стала такой мутной, будто в ней побывало стадо свиней. После такого купания от насекомых не осталось и следа.

Выйдя из воды, я тщательно выколоти́л одежду о ствол вербы, оделся и направился к дому. На душе было легко и весело. И с паразитами, и с невестой покончено, все отлично.

Едва ступив во двор, я увидел Икету, заглядывавшего в дверь свинарника. Он, конечно, искал меня.

«Ага, злодей, сейчас я тебе помогу!» Я кинулся к свинарнику и сильно толкнул Икету, так, что тот шлепнулся в самую середину поросячьего семейства. Потом я хладнокровно захлопнул двери, заперев их снаружи деревянной задвижкой, и как ни в чем не бывало юркнул в дом.

Ласло Блашкович

МЕЧТЫ

Когда в догорающем свете зари фонарщик зажжет за окном фонари и все затихает кругом, я тоже ложусь поудобней в кровать, я очень люблю перед сном помечтать, мечтаю же я об одном.

Мечтаю, как сяду в большую ракету, и как поведу я ракету эту на поиски новых планет. Хочу отыскать я такую планету, где много конфет, умывальников нету и гадких будильников нет.

Григор Витез

МИША ОБЫСКИВАЕТ СВОИ КАРМАНЫ

Нашел он платок, антрацита кусок, свисток, лепесток и ключи от комода, а в заднем кармане нашел он носок, потерянный в августе прошлого года.

— Ай-ай! Погибаю! — несся из свинарника отчаянный вопль.

Дома никого не было, все разошлись по делам. Напрасно Икета звал на помощь.

«Пойти, что ли, и мне куда-нибудь», — подумал я и решительно направился к холму искать пастухов. А со двора неслись Икетины стоны.

— Ой-ой, откройте дверь, они же меня съедят! Только через добрых два часа с вершины холма я увидел Икету, галопом мчавшегося к ручью.

— Счастливого пути! — весело крикнул я, но мой дядя, летевший со страшной скоростью, не мог услышать меня.

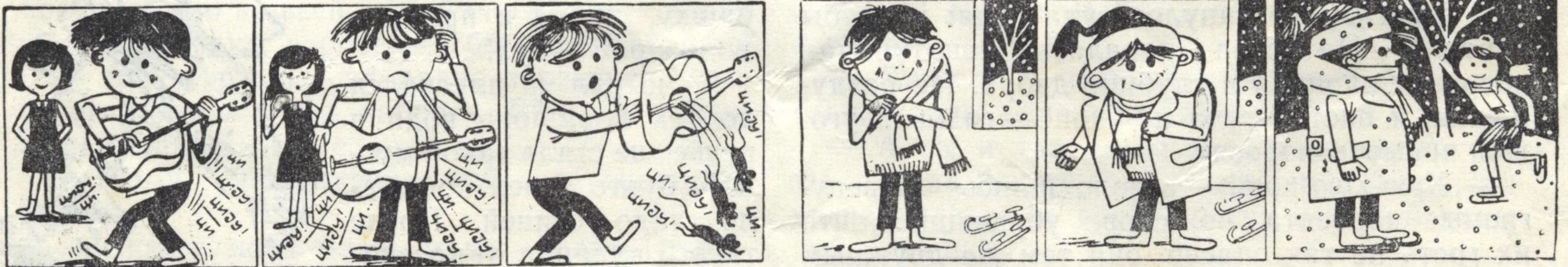
ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Кто сыплется соломенной трухой и круглым глазом хитро смотрит вниз? Чей домик там, под самую стрехой, бесстрашно и доверчиво повис?

Из глины и соломы слеплен дом. Я наблюдал за ним, и знаю я, каким упорным, медленным трудом был сделан этот шарик для жилья.

Убранством осени пестреет отчий край, земля отцов, омытая в крови. Подольше, ласточка, от нас не улетай, подольше с нами, милая, живи!

Симо Васич, ученик 7 класса, г. Батайница

ВЕСЕЛЫЙ ЛЕНТЯЙ

Что делал я? Что делал я?
Немало было дел.
С деревьев стряхивал росу
и землянику ел.
Искал потерянные дни.
Не попадались вам они?
Потом из солнечных лучей
я сматывал клубок.
Ей-ей, работы горячей
найти бы я не мог!
Потом себя располагал
от ног до головы
в тени высоких мшистых скал
среди густой травы.

НОВОЕ СКОПЛЕ—ГОРОД МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Совсем недавно столица Македонии¹ была нашей гордостью. Современный город, один из самых красивых на Балканах... Туристы разных стран спешили посмотреть на удивительное творение человеческих рук, на город великолепной архитектуры, с небоскребами, эффектно вписанными в пейзаж Вардара²...

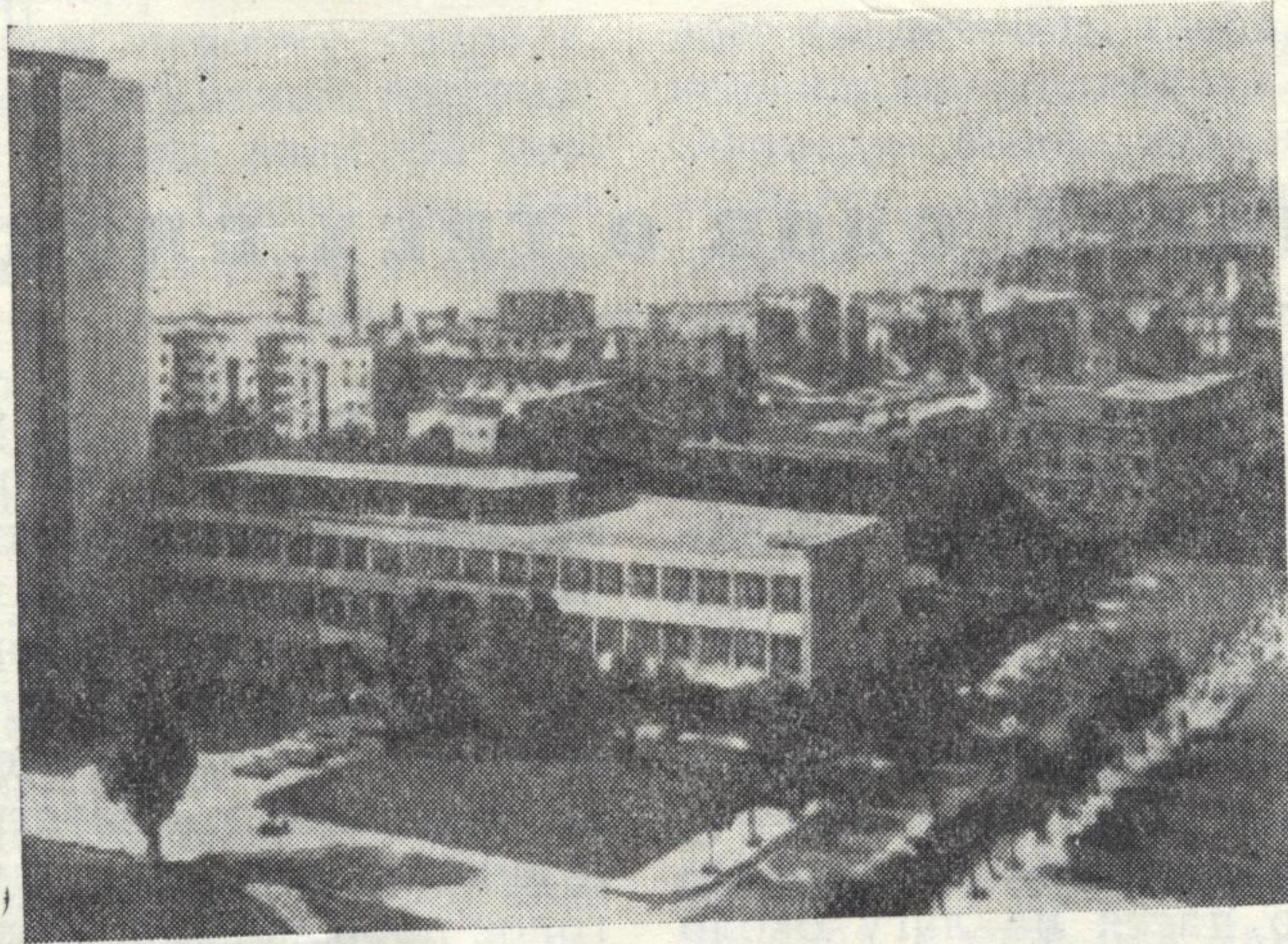
И вдруг произошла неслыханная катастрофа. В июне 1963 года страшное землетрясение превратило красавец Скопле в развалины.

Со всех стран мира

Что же теперь делать? — спрашивали многие. Ответ на этот вопрос дали сами жители Скопле: все начинать заново. Камень за камнем.

¹ Македония — одна из республик СФРЮ.

² Вардар — река в Македонии.

Отовсюду протянулись к Скопле дружеские руки. Из специального фонда Объединенных наций было выделено несколько миллионов долларов на строительство нового города. Норвегия, Финляндия, Румыния, Франция прислали в Скопле строительный материал. А правительство Советского Союза подарило городу завод, изготавливающий дома из бетонных блоков. Производительность этого предприятия — 12000 квартир в год.

домов для временного жилья. Началась великая битва за новую, еще более прекрасную столицу Македонии.

Через два года

Если сегодня вы приедете в Скопле, перед вами откроется обширная панорама великолепного огромного города, родившегося заново. Предприятия, магазины, школы, больницы — все работает нормально. По улицам спешат прохо-

жие, автомобили, автобусы. Вечерами уличные огни и неоновые рекламы делают город еще более красивым. Театры, кино, рестораны и кафе гостеприимно раскрывают двери. Еще не все следы несчастья уничтожены, но это не может остановить ход жизни. Все жители уже имеют крышу над головой. Налажено регулярное

снабжение. Лишь только одним Скопле отличается от других городов: здесь строится больше, чем где-либо. Этот город — гигантский строительный комбинат. Куда ни помотришь — везде высятся подъемные краны, деловито

пыхтят грузовики, спешат рабочие в комбинезонах. Люди подлечивают пострадавшие здания, достраивают, отделывают их.

По вновь разработанному плану застройки города столица Македонии будет симво-

лом международной солидарности, символом героизма и мужества скопленцев.

Несчастье сделало этот город известным всему миру. Так пусть же он снова будет таким же прекрасным и гостеприимным, как прежде!

...Пройдут годы. Вырастут новые поколения, в школы Скопле придут новые дети, из

институтов выйдут новые врачи, инженеры, преподаватели.

Скопле — живое олицетворение великого принципа: никогда не терять бодрости духа, всегда любить жизнь, бороться с ее невзгодами, всегда стремиться только вперед.

Милорад Обадович
(Печатается с сокращениями)

Драган Лукич

ТЫСЯЧА СЛОВ О ТРЕХ СЛОВАХ

СКАЗКА

С давних-давних пор на высокой башне одной очень старой крепости вместе с железной пушкой, десятью солдатами и одним офицером жили-были три слова: «целься», «пли» и «слушаюсь». Десять солдат и один офицер знали только эти три слова. А «бум» и «бам», которые иногда изрекала железная пушка, солдаты не включали в свою речь, как и «фрр», которое часто произносил старый артиллерийский конь, что пасся на лугу около крепости.

Солдаты были всегда на страже, они охраняли старую крепость. Когда стоишь в карауле, много не поговоришь. А посему три слова — «целься», «пли» и «слушаюсь» — годами спали на сжатых губах под черными солдат-

скими усами. Зимой усы согревали их, как пуховое одеяло, а летом, точно ветвистые дубы, берегли для слов дивную прохладу. Когда наступало время отдыха, офицер первым ложился на солому рядом с пушкой, а солдаты хором говорили: «Слушаюсь», — и тоже ложились. Стоило офицеру в полдень достать из сумки ломоть черствого солдатского хлеба и приняться за еду, как солдаты снова в один голос произносили: «Слушаюсь», — и тоже доставали из своих солдатских сумок по куску черствого солдатского хлеба. Когда утром офицер начинал чистить свою обувь, солдаты один за другим говорили: «Слушаюсь», — и тоже чистили свои высокие солдатские сапоги.

Таким образом, слово «слушаюсь» работало больше слов «целься» и «пли». Поэтому оно было самым усталым словом из всех, что жили на старой башне среди десяти солдат и одного офицера. И, как самое занятое слово, за выполняемую работу оно получало ежемесячную плату.

В первое число каждого месяца офицер спускал веревку по стене башни во двор старой крепости. Хозяин винного погребка привязывал к веревке бочонок вина. Когда веревка натягивалась, офицер кричал вниз: «Слушаюсь!», — и вместе с солдатами поднимал бочонок на башню. Затем офицер отпивал глоток вина и передавал бочонок первому солдату. Тот вытягивался по стойке «смирно», говорил: «Слушаюсь», — и тоже отпивал вина. За ним следовали остальные солдаты. После того, как офицер позволял себе второй глоток и протягивал бочонок первому солдату, слово «слушаюсь» звучало у того уже более громко и четко. Солдаты произносили его все яснее и яснее, пока не начинали его распевать: «Слу-у-ша-а-а-юсь». Слову «слушаюсь» становилось очень весело, — такие минуты и были наградой за его службу в армии.

«Целься» и «пли» не завидовали «слушаюсь», потому что всегда, когда солдаты распевали это слово, офицер неожиданно командовал: «Целься! Пли!», — пушка изрекала: «Бум-бам!» — и все были довольны.

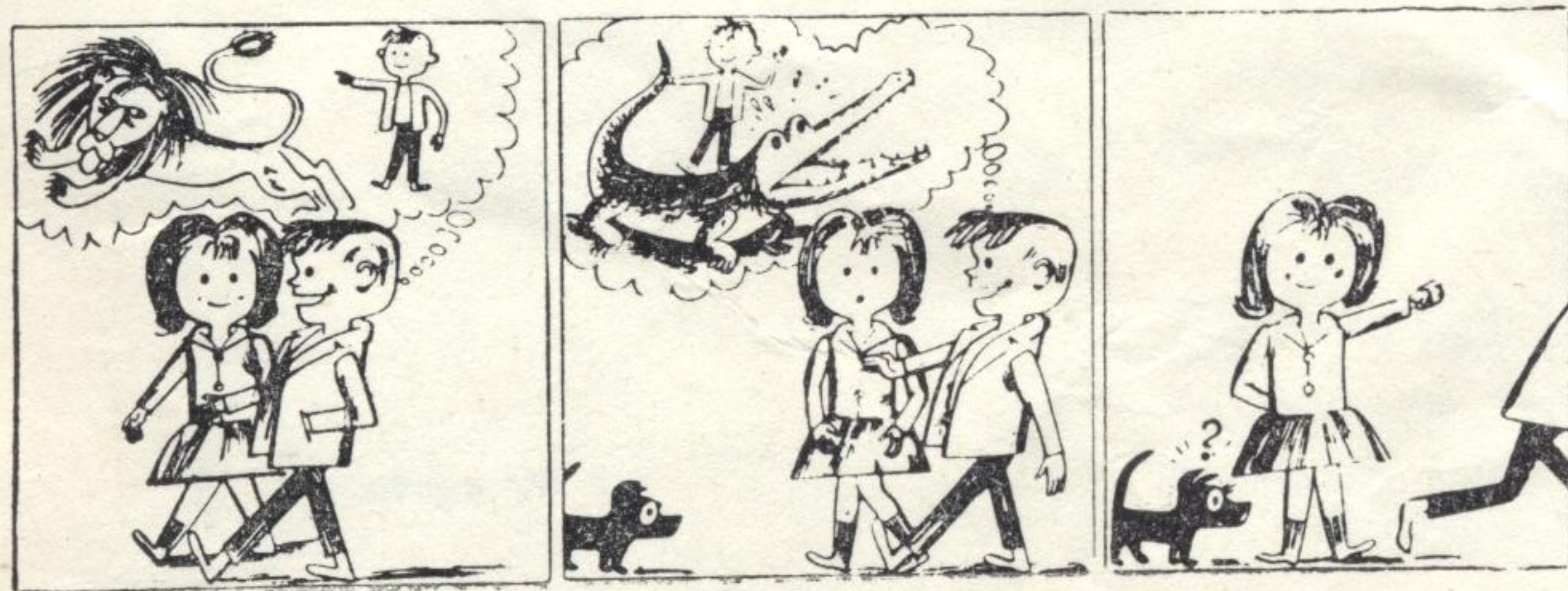
Так и жили солдаты возле пушки сто лет. И вот однажды в первый день месяца офицер опустил веревку за бочонком вина, но ничего не достал. Как истинный офицер он лишь сказал: «Слушаюсь», — и в следующие пять-

десять лет больше не спускал веревку. Слово «слушаюсь» больше не пелось, а «целься» и «пли» совсем не употреблялись. Стало тоскливо у железной пушки на башне старой крепости, где жили десять солдат, один офицер и три слова. В пушечном дуле появились птицы, у солдат отросли длинные бороды, а офицер обессилел настолько, что не мог даже вынуть сабли из ножен.

Но вот однажды утром, когда офицер открыл сумку и достал ломоть черствого солдатского хлеба, а солдаты один за другим совсем тихо проговорили: «Слушаюсь», — и тоже извлекли из своих сумок по куску твердого солдатского хлеба, по ступенькам башни неожиданно поднялось новое слово: «Ме-е-е». Офицеру были знакомы только три слова: «целься», «пли», «слушаюсь», да еще слова старой пушки «бум» и «бам» и то самое «фрр», которое произносил старый артиллерийский конь, что пасся на лугу около крепости. «Сомнений нет, — подумал офицер, — сейчас появится и тот, кто произнес это новое слово». Он указал солдатам на пушку, а они со словом «слушаюсь» встали около нее.

Все было готово для встречи неожиданного гостя, как вдруг по ступенькам старой башни поднялись еще два слова: «Бела, назад!» Офицер, знавший только три слова и «бум», «бам» и «фрр», которые он не считал словами, побледнел и еще раз указал солдатам на пушку. Солдаты снова тихо сказали: «Слушаюсь», — и теснее встали около орудия. Они были взволнованы и испуганы, потому что и они знали только три слова и «бум», «бам» и «фрр», которые не считали словами. Все ждали врага, ибо, по мнению офицера, только неприятель мог говорить незнакомые слова. А «слушаюсь», «целься» и «пли» собрали все свои буквы, которые крепко взялись за руки. Надо было защищать башню, враг наверняка уже на предпоследней ступеньке, потому что офицер и солдаты отлично слышали три новые слова: «ме-е-е», «Бела» и «назад».

Через мгновение на башню прямо под ноги солдат выскочила белая бородатая коза, а за нею мальчик с длинной хвостиком. Офицер,

будучи настоящим офицером, быстро оценил положение и жестом приказал страже отойти от железной пушки, солдаты знали, что такое коза и что такое мальчик, и поэтому они сказали: «Слушаюсь», — и окружили мальчика с козой. Мальчуган не смутился: из исторических романов он знал, что существует и старая крепость, и железная пушка на ее башне, и стража, и поэтому приветливо добавил еще два слова: «Добрый день». Офицер был в нерешительности, он не знал, то ли это вражеская команда, то ли дружеское приветствие... Стража тоже растерялась. По прошествии ста лет они вдруг услышали сразу пять новых слов: «ме», «Бела», «назад» и «добрый день». Понятно, что офицер все-таки снова указал солдатам на пушку, и они, прошептав: «Слушаюсь», — подошли к орудию. Слова «целься» и «пли» были готовы каждую минуту сорваться с места. Офицер мог произнести их в любое мгновение.

Мальчик еще раз бодро повторил: «Добрый день». И только теперь офицер окончательно поверил, что это не команда: ведь приказ не повторяется, если оружие наготове. Он подошел к малышу и сказал: «Слушаюсь». Мальчик протянул ему руку. Офицеру вспомнился тот день, когда он сто лет назад был определен на эту башню с десятью солдатами, железной пушкой и тремя словами. Когда-то и он до службы в армии слышал, как граждане в крепости говорили друг другу: «Добрый день». Будучи солдатом, он для приветствия не употреблял этих слов, а лишь поднимал ру-

ку к шлему и опускал ее, это и было солдатское приветствие, так солдаты говорили «добрый день», «добрый вечер», «спокойной ночи» и «здравствуйте». Офицер с трудом вспоминал, какие еще слова он знал, учась в артиллерийской школе. Те слова были не «ме-е-е», не «Бела», не «назад» и не «добрый день». Не успел офицер и подумать об этом, как железную пушку и солдат принялись атаковать новые слова:

- Владо, ты где?
- Куда ты запропастился?
- Брось козу, заблудишься из-за нее.
- Башня старая, может обвалиться.
- Владо, а вот и мы.

И вслед за словами прямо к пушке выскочили еще три мальчика и воскликнули: «Ах!»

Офицер буквально потерял голову и неожиданно для самого себя проговорил два совсем новых слова. Это были не «слушаюсь», не «целься» и не «пли» и не «бум» и не «бам». Офицер очень четко и правильно произнес: «Я сдаюсь!» Солдаты один за другим выдохнули: «Слушаюсь», — а затем легко, будто сто лет они только и говорили это слово, сказали: «Сдаемся».

И четверо ребят решили сдать в городской музей железную пушку, офицера в броне и десять солдат в латах.

И по сей день железная пушка, десять солдат и один офицер, жившие в старой башне и знавшие только три слова: «слушаюсь», «целься» и «пли», рассказывают ребятам в музее историю старой крепости.

Мира Алечкович

ТОРОПЛИВЫЙ МАЛЬЧИК

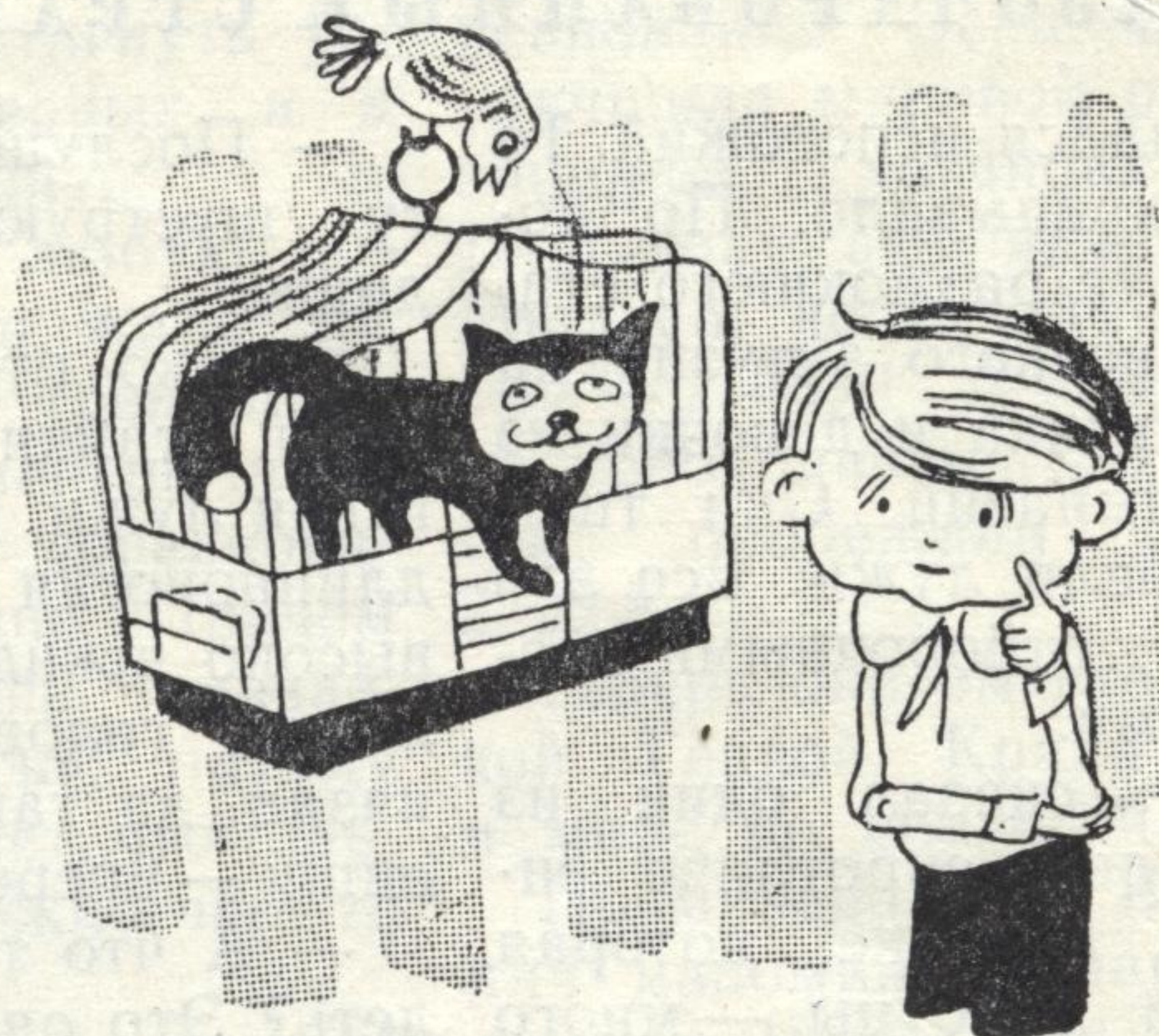
Рассказать хочу про мальчугана — у него характер очень странный: говоришь — он наостряет уши, вдруг куда-то мчится, не дослушав.

Скажет мама: «Принеси водицы!» Он, как ветер, за водою мчится. А ведро дырявое, как сито, — вся вода за ним рекой разлита.

Скажет мама: «Принеси-ка творог!» В шапке строит он творожный город. Треплет кудри ветерок весенний — мокнет шапка от сырых строений.

Воробья мальчишке подарили и от кошки уберечь просили: — Ты держи его, — сказали, — в клетке, ну, а клетку ты повесь на ветке! Он сажает кошку за решетку и уходит быстрою походкой.

Попросили, позабыв о кошке, принести яиц: «Неси в лукошке!» Не дослушал мальчик о лукошке — взял большой мешок из-под картошки

и приносит маме-хлопотунье, а в мешке... яичница-глазунья.

В следующий раз сказали парню: — Ты возьми ботинки — и в пекарню: пирога нам захотелось очень!... Ну, а пекарь вдруг как захохочет: — Вам, любезный, в магазин починки, здесь, любезный, не пекут ботинки...

Я хлеб ему однажды дал и воду — чтоб напился... Он воду ел, а хлеб глотал и чуть не подавился... И верьте: не до шуток мне, неправды здесь — ни крошки!.. Ведь я-то видел: на сосне висела в клетке... кошка.

Переводы с сербохорватского И. Бобровой.
Стихи перевели А. Лосев и В. Торопыгин.
Рисунки югославских художников
из журнала «Змай»

ЗОЛОТАЯ ШКОЛЬНИЦА ЮГОСЛАВИИ

РАЗОЧАРОВАННЫЕ СТРАННИКИ

День выдался непогожий. То и дело накрапывало. По дорожке вокруг размокшего стадиона без всякого энтузиазма бегали мальчики и девочки из местных гимназий. Они тщательно огибали лужи. Все это называлось отборочными соревнованиями.

— Н-да, — сказал один из двух зрителей, сиротливо сидевших на лавочке, которая изображала трибуны, — много тут не навывираешь! Ездим, ездим, мотаемся по этим городишкам, а все без толку...

— Ты прав, — сказал второй, — так уж нам, видно, на роду написано, сплошные командировки...

Шел шестой день европейских легкоатлетических соревнований в Будапеште. Столичный «Непстадион» был переполнен. Еще бы! Сюда съехались спортсмены из всех уголков континента, гости из за океана, а весь остальной спортивный мир внимательно и ревниво следил за событиями на стадионе венгерской столицы.

В суматохе насыщенного соревнованиями дня не многие зрители наблюдали предварительные забеги женщин на 800 метров. Как на всяких соревнованиях, искушенному зрителю ситуация была ясна. Как в задачке: дано — дистанция, дано же — фавориты; требуется доказать, что кто-то из фаворитов эту дистанцию пробежит быстрее всех. Фавориты

— Послушай, взгляни-ка на ту шустрюю девчонку! Видишь?

Далеко оторвавшись от пестрой стайки подруг, разбрызгивая лужи, неслась тоненькая длинноногая девчонка. Она высоко вскидывала острые коленки, голову запрокидывала назад, да так и пришла к финишу — вперед подбородком.

— А что тут особенного видеть? Это она для мамы в булочную пусть так бегают... Придется нам и отсюда уезжать не солоно хлебавши и без «самородков». Бедная наша легкая атлетика! Поехали, что ли?

И специалисты из Спортивного союза Югославии уехали,

ТРИ ГОДА СЛУСТЯ

это сделают сами. И хотя ответ заранее подсмотреть негде, все-таки желательно и вполне возможно, что победительницей в этом виде станет венгерка Жужа Сабо-Надь. Впрочем, иначе и не должно быть.

Нечто подобное, видимо, думали и наши специалисты из Спортивного союза, которые, как и положено специалистам, сидели неподалеку от главных судей и очень хорошо все видели и слышали.

— Предварительный забег на 800 метров со временем 2.08,5 выиграла бежавшая под № 974 Вера Николич, Югославия! — объявил диктор. — На втором месте Политц, ГДР — 2.08,9! На третьем...

— Наша? Николич?

— Посмотри, да ведь это та

Вера Николич: «Секрет успеха? Только упорная тренировка!»

на прощание посоветовав тоненькой девчонке не утруждать себя легкой атлетикой, а заняться лучше, ну, скажем, географией — говорят, двойку на днях получила...

самая, из Чуприи! Помнишь — «в булочную»...

— Господи... Кто бы мог подумать! Николич...

И зрители тоже недоумевали.

— Да кто она, эта Николич? — восклицали на трибунах. — Из Югославии? Странно. А сколько ей лет? Не может быть!

...Может быть. И то, что Вере накануне исполнилось 18 лет — факт, и то, что, не дав публике и соперницам опомниться, она выиграла и полуфинал со временем 2.04,2 — тоже факт, и что удивление зрителей после этого перешло в восторг, в восхищение, и что добрая половина стадиона стала дружно болеть за нее — тоже факт.

ВОКРУГ СВЕТА ЗА 8000 ЧАСОВ

Это началось еще в 1961 году. К Вере Николич, победительнице школьных соревнова-

ний по кроссу, подошел учитель географии Аца Петрович и спросил:

— Хочешь по-настоящему заниматься спортом?

— Хочу. Но как же я, такая

неуклюжая, буду бегать? — ответила ему тогда Вера. Она была щупленькой девочкой с ногами, по ее выражению, как удочки.

На следующий день она все же пришла на стадион, потренировалась час-другой. Потом пришла еще и еще раз. Но когда нужно было ехать на кросс в Любляну, чтобы принимать, так сказать, «боевое крещение», на станцию не явилась. Мама с папой не пустили. Они и слышать не хотели о каком-то там спорте, атлетике и тому подобном. Девочка должна учиться, а не бегать. Она не мальчишка. А Вера плакала...

Как уж ей удалось переубедить родителей, неизвестно. Однако с осени 1962 года она стала тренироваться систематически и серьезно.

— Ты будешь чемпионкой, — сказал ей однажды Аца Петрович, для этого нужно совсем немного: на хорошей скорости обежать Землю по экватору. И, конечно, знать географию. Для начала...

И однажды, не обращая внимания на протесты, поставил ей в журнале двойку, о которой уже говорилось.

— Справедливость прежде всего, — добавил он.

Учителя Петровича до недавнего времени никто за тренера не признавал. Мало того, на этой почве у него были даже недоразумения со школьным начальством, в представлении которого география и

легкая атлетика как-то не вязались.

Но Петрович не сдавался. Сам в прошлом спортсмен, чемпион Югославии в беге на средние дистанции, он знал главное: чтобы достигнуть успеха, нужно, во-первых, и в главных, в него верить.

И ежедневно, в любую погоду, будь то дождь, жара, холод или снег, они тренировались с Верой не меньше трех часов. А накануне соревнований — и того больше. Причем мы не оговорились, сказав, «они тренировались», потому что Петрович считает, что только так, вместе, можно чего-то добиться.

Вера тренируется шесть дней в неделю. Первая тренировка с шести до семи утра, потом — школа, с пяти часов пополудни и до половины восьмого — вторая тренировка. В день Вера пробегает таким образом не менее пятнадцати километров. Вечеринки, танцы, даже кино — только с разрешения тренера. Петрович знает каждый шаг Веры, ему известно, что она ест, что читает, когда ложится спать. И единственный ее свободный день тоже, кстати, не обходится без тренировки, несколько, правда, облегченной. Накануне соревнований ей и в голову не приходит отпроситься погулять или что-либо в этом роде.

Вера Николич успела к восемнадцати годам 25 раз побить отечественные рекорды и добралась до мировых. За че-

тыре года интенсивной тренировки она провела на дорожке 8000 часов и уже обежала Земной шар, как говорится, с гаком.

Во время будапештских соревнований Вера не только улучшила мировой рекорд для юниоров, установленный в 1965 году американкой Мэри Мюлдер, но и установила новый — 2.03,4! А потом, явно не успокоившись на достигнутом, пробежала 800 м за 2.02,8...

Теперь она вместе с голландкой Гердой Краан — шестая в мире по скорости бега.

По манере бега Вера Николич напоминает нашего Владимира Куца. Так же, как и он, Вера с самого начала выходит вперед и оба круга бежит равномерно на очень высокой скорости. Так, в Будапеште первые 400 м она прошла за 59 сек., 600 м — за 1 мин. 30 сек., и у нее еще хватило сил для энергичного финиша.

Среди гостей на будапештских соревнованиях присутствовала и наша Нина Откаленко, одиннадцать лет назад установившая мировой рекорд на этой дистанции (2.05,0).

— Я уверена, — сказала она, — что Вера Николич будет первой европейской спортсменкой, которая пробежит 800 м менее чем за две минуты.

Очень похоже, что так оно и будет.

В. Вильчинский

После 3-х туров с 35-ю очками лидируют:

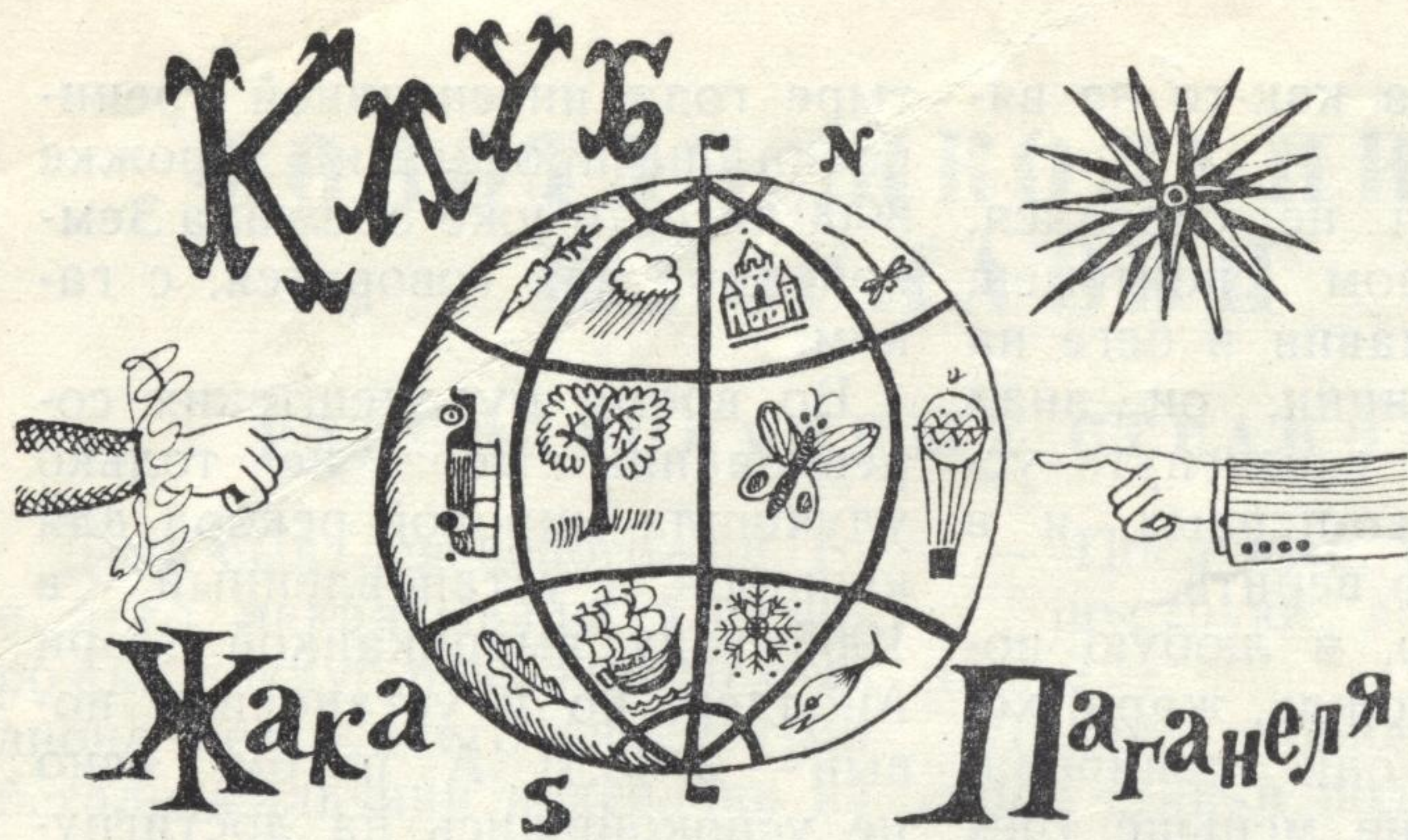
Ляля Арасланова, Саша Аполонский, Володя Забран, Оля Кошкер,

Слово шахмат-капитану Пешкоедову

Саша Чепуренко, Сережа Пискунов, Володя Фролов, Эдик Аардма, Юлий Нунок, Саша Новоселов, Саша Пономарев, Вадим Карасев, Слава Кузнецов, Саша Полек, Лора Батырева, Олег Крикун, Саша Шабрин, Гена Шеходанов, Саша Рабинович, Леня Вишневецкий, Марина Цельядт, Виталий, Толя и Коля Муха, Миша Гершкович, Люда Ротмистровская, Валерий Желанов, Андрей Носовский, Сережа Маркин, Юра Аниси-

мов, Володя Брюквин, Лева Мосягин, Слава Ярцев, Володя Лидский, Толя Матюшенко, Эдя Пикман, Володя Старцев, Саша Дворяшин, Витя Волкомор, Алим Койшин, Женя Ваулин, Толя Андреев, Сережа Петухов, Саша Казанкин, Светлана Клишо, Вася Лобач, Лена Третьякова, Саша Давиденко, Игорь Павлов, Сережа Пугин, Володя Грищенко, Сережа Завьялов, Женя Байнов, Саша Мед-

Продолжение см. на 64 странице

Июль. Лето в полном разгаре. Школьные каникулы.

Каждый день стал получать Жак Паганель письма от ребят, которые внимательно читают «Костер». Ребята пишут о своих родных местах — кто о речке, кто о рощице, кто о степи, до которой рукой подать.

Знаменитый географ Жак Паганель рад был получить новый рассказ писателя Сладкова об озере Каман-Куль: значит, путешествие продолжается! Значит, придут новые письма!

«До самого горизонта, дорогой Паганель, тянется розовая равнина: необъятная, как море. Розовое море в белоснежных берегах. Конечно же, это мираж!

Щурясь от нестерпимого блеска, мы из-под ладоней смотрим на чудо. Море дышит жаром. Мы цедим воздух сквозь зубы, как кипяток.

Дует раскаленный ветер, но розовую гладь не морщат волны. Блики солнца не вспыхивают в розовой воде. Даже небо не отражается; наоборот: кажется, что розовая гладь отражается в небе. Все растворилось в розовом сиянии. И только по белым берегам, по свистывающей и извивающейся, несущейся смерчи-вихри, как белые привидения. Конечно же, это мираж!

Все впереди неверно, загадочно и непонятно. Дали дрожат, плывут и струятся. Колыхается жаркая розовая мгла. Кисельное море, молочные берега...

Сказочные птицы проплывают над головой. Они похожи на длинные палки с крыльями посередине. Белые палки с красными крыльями: как будто бы палки летят и горят!

Это летят розовые фламинго: вытянуты вперед длинные шеи, вытянуты назад длинные ноги, вспыхивают посередине красные крылья.

Кто бы мог подумать, что яркий розовый цвет их перьев может быть и защитным! Вез-

де на чужбине — на фоне зеленых тростников, на фоне синего неба — фламинго заметны издали. И только тут, на их родине, становится понятным их розовый цвет.

С тихим гогомом пролетают розовые птицы над головой и сразу же растворяются в розовом мареве. Голоса их несутся со всех сторон, но розовых птиц не видно над розовым озером.

Я шагаю с берега в воду, нога упирается во что-то твердое и хрустящее. Сапог продавливает розовую корочку, как наст, как тонкий ледок. А из проломов на розовую чистую гладь выплескивается черная жижа...

Нет, впереди не мираж. Впереди равнина, покрытая розовой коркой соли. Видно, совсем недавно тут было соленое озеро. Оно и сейчас еще сохранилось где-то за горизонтом: туда и летят на гнездовье фламинго. Но мелководье иссушила жара, корка соли покрыла дно. Под коркой черный вонючий ил.

Я ломаю нежную корку, а черная жижа под ней чавкает, булькает и сопит. Ноги вязнут все глубже и глубже...

Обманчив этот розовый свет. Черная тряпина подстерегает здесь неосторожного путника.

Я снова на берегу, засыпанном белой солью. Розовая равнина расплывается в розовой мгле. От нестерпимого блеска ломит глаза. Губы соленые и

сухие. Гогот розовых птиц-невидимок несетя со всех сторон. С шипеньем, вытянув длинные белые шеи, ползают смерчи-вихри. И соленая поземка струится у ног».

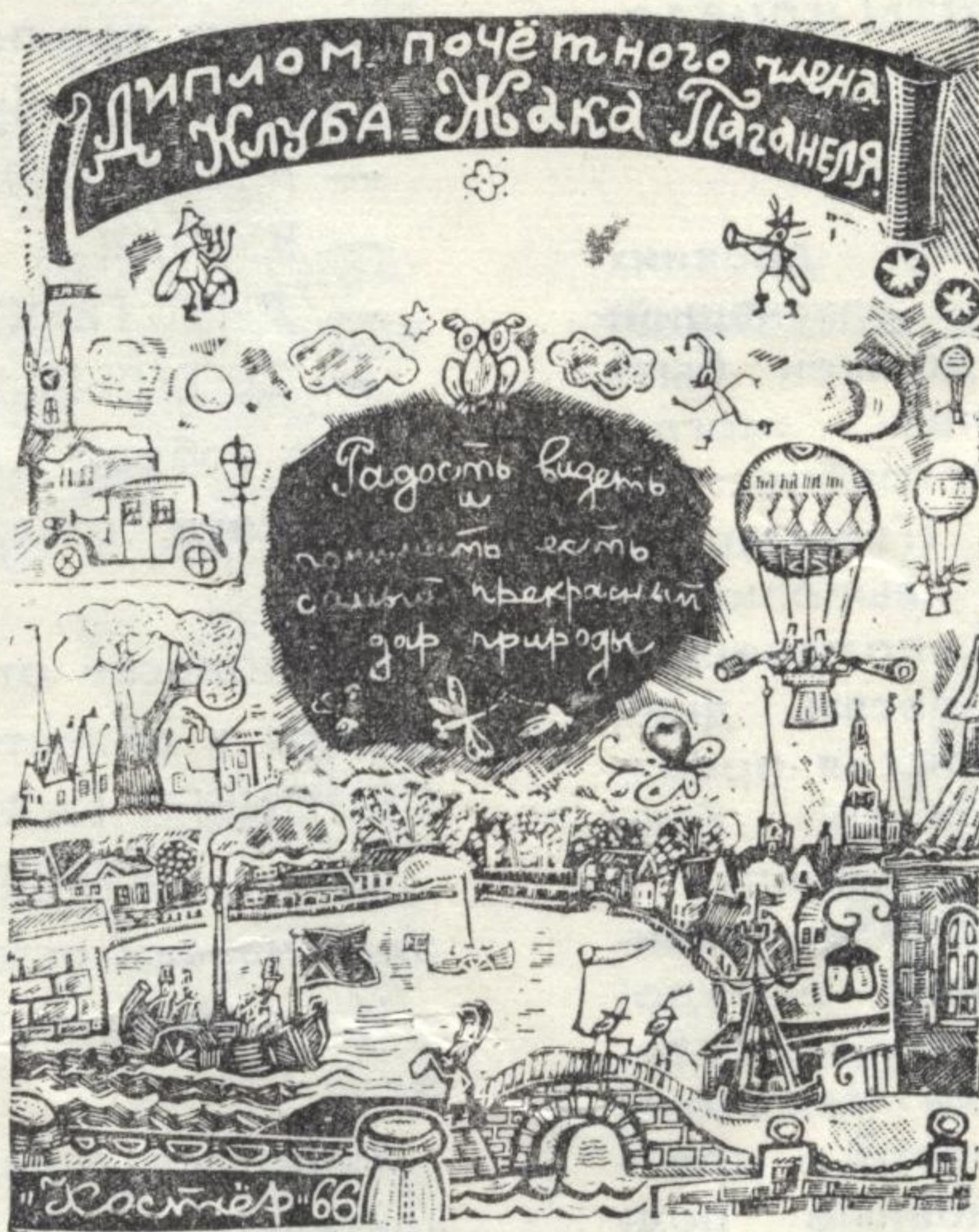
На этом письмо с озера Каман-Куль заканчивается. Паганель, дочитав письмо, задает ребятам два вопроса.

Что вы считаете характерным пейзажем для того края, где родились и живете? Так сказать, «национальным» пейзажем?

Какого зверя, какую птицу, какое дерево, какой цветок вы назвали бы «национальными»?

Миша Русаков из Воронежа уже ответил Паганелю: «Для наших мест самое характерное — леса и луга. «Национальный» зверь — медведь, «национальная» птица — журавль, дерево — береза, цветок — ромашка». Паганелю очень понравился Мишин ответ. Он считает такой ответ вполне обстоятельным.

Только хочет, чтобы и другие ребята откликнулись на вопросы.

Жак Паганель ждет ваших ответов, ребята, и сообщает, что вот такую грамоту получили в прошлом году те, кого по праву сочли знаатоками разных вопросов и почетными членами Клуба.

Грамоту рисовал художник Валентин Блинов

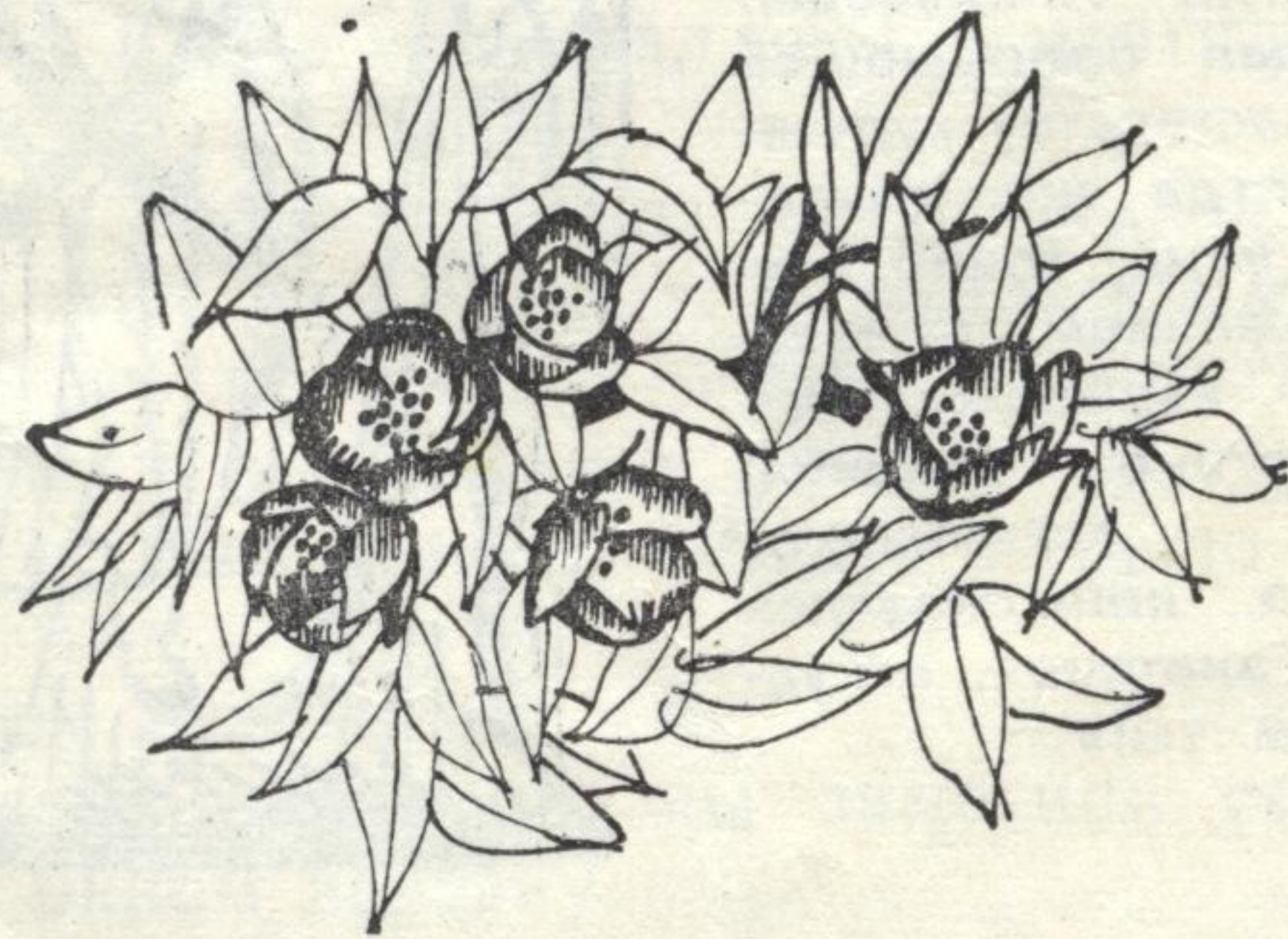
Несколько лет назад Жак Паганель познакомился с биологом Юрием Андреевичем Луксом, сотрудником Ботанического института Академии наук СССР.

Юрий Андреевич спросил Жака Паганеля, помнит ли он Валерия Воронина из Вологодской области, Диму Родченкова из Казани, юннатов из города Ленска Якутской АССР и Павла Семенова из города Арсеньева Приморского края?

Паганель радостно ответил, что хорошо помнит, и спросил, какие новости у этих ребят, как поживает хеномелес японская?

Не все ребята знают, что как раз несколько лет назад судьба полезного декоративного и плодового кустарника под названием ХЕНОМЕЛЕС ЯПОНСКАЯ — смотрите рисунок — чрезвычайно занимала Паганеля. Ведь хеномелес богата витамином «С», а этот витамин всем нужен...

Сегодня Юрий Андреевич Лукс доложил Паганелю, что в журнале Ботанического института записана 5001-я испытательная точка. Лукс горячо благодарит всех участников этого большого опыта — ведь хеномелес испытывают по всей стране. Испытатели ведут на-

блюдения, присылают отчеты, рассказывают о своих успехах ленинградским ботаникам. Но не все еще выслали отчеты, а они нужны. Высылайте! Ждем!

Паганель спросил Лукса, что еще нужно сделать.

Юрий Андреевич ответил, что прежде всего важно проверить, как растет хеномелес на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке. Лукс ждет ответов от своих помощников и готов прислать семена для новых опытов в этих районах.

ИНСТИТУТ ВЫСЫЛАЕТ СЕМЕНА И ПОДРОБНУЮ ИНСТРУКЦИЮ ПО УХОДУ ЗА РАСТЕНИЕМ. Ведь начинает плодоносить хеномелес только на четвертый-пятый год после посадки!

Итак в Клубе открывается отделение Ботанического института, и все юннаты приглашены в поход за витамином «С»!

ПАГАНЕЛЬКИ

Александр Македонский, рассматривая в Эфесе свой портрет, нарисованный Апеллесом, не воздал подобающей хвалы мастерству художника. Когда же приведенный конь, точно живого, ржанием приветствовал изображенного на картине хозяина, Апеллес воскликнул: «Владыка, конь оказался лучшим знатоком искусства, чем ты!»

Говорят, у древних был закон, гласивший: никто не должен быть полнее, чем «согласуется с потребностями гимнасия». (Гимнасий — место для выполнения спортивных упражнений).

Каждые десять дней строгая комиссия производила осмотр. Если юноши были крепки и сильны, словно высеченные из камня, их удостоивали одобрения. Если же были замечены следы рыхлости и дряблости, — виновные подвергались телесным наказаниям. Считалось, что полнота происходит от недостатка трудов и спортивных занятий...

СТОЛ ЗАГАДОК

сегодня установлен в Клубе. Смотрите 3-ю страницу обложки и слушайте внимательно начальника Стола загадок.

Эта ужасная история разыгралась на энной странице икс первого тома «Всемирной библиотеки приключений».

Ветер дул со всех румбов сразу; меридианы и параллели лопались, как гнилые канаты, а под корзиной аэростата вскипали белые от ярости волны.

Сквозь рев бури слышались восклицания:

— МАЛЬСТРИМ! МАЛЬСТРИМ!

— КУПИП!

— ДИК! ГЕРКУЛЕС!

— СЕПУЛЬКИ!

Это собратья Паганеля, профессора и доктора всяческих наук, отважные и рассеянные, боролись со стихией.

На волоске от гибели держались плоды их гениальных трудов в области **УМЕНЬШИТЕЛЬНОЙ ЖИДКОСТИ, ВЕСЕЛЯЩЕГО ГАЗА И ГИЕНОСВИНЫ.**

Тайны **ЗАТЕРЯННОГО МИРА** и **ДВУХ ОКЕАНОВ** грозили навеки остаться неразгаданными.

Но помощь успеет, мы уверены — помощь не опоздает!

Надо всего лишь как можно быстрее окликнуть всех «паганелей» по именам, и тогда особое акустическое возмущение атмосферных слоев вернет аэростату подъемную силу.

Девять имен, девять ударов по девятому валу — и девятьсот девяносто девять благодарностей от спасенных и от нас, если ваши старания приведут к успеху!

Правление Клуба извещает, что ваши письма, дорогие читатели, помогли установить, какую небывалую историю рассказал Паганель на майском заседании.

Итак,

«ТЕРМАЛЬНАЯ ГОНДВАНА АРРЕТИРОВАЛА ИЗОБАРУ», или (см. Большую Советскую Энциклопедию):

«Жаркий материк, который, по предположениям некоторых ученых, существовал миллионы лет назад на месте нынешней Бразилии, Африки, Аравии, Индии и Австралии, выключил, чтобы зря не изнашивались, трущиеся части у линии, соединяющей на географической карте точки с одинаковым атмосферным давлением».

Второй вариант расшифровки, более простой и точный:

«В огороде бузина, а в Киеве дядька».

Все перепутал Паганель! Геологию, географию, физику, метеорологию!

Рассеянный, — что с него взять?..

МОЙ ДРУГ ЮРКА, ПО ПРОЗВИЩУ КРИВОНОС

Сегодня у костра писатель Илья Дворкин

Трое пошли по льду через реку. А была уже весна, и они провалились. Двое лежали на льду посреди реки и боялись пошевелиться — лед вокруг трещал и крошился. А третий был ближе к берегу и выбрался. Он вымок, и ему было очень холодно. И он побежал домой. Он сказал людям о тех двоих, и их спасли. Но сказал он после того, как сам хорошенько отогрелся, переделся в сухое да еще выпил большую чашку горячего чая с малиной.

Я знал всех троих. И думал о них, и сравнивал. Но после того случая мне стало все равно — отличник этот третий или двоечник, хорошо он прыгает в длину и бегают на лыжах или плохо. Безразлично мне это стало: он оставил, бросил своих друзей, он дрожал за свою шкуру.

Каким он вырос?

Я не встречал его больше, но сомневаюсь, чтобы он стал хорошим человеком. Не могу я представить героя, который в детстве привязывал кошкам к хвостам пустые консервные банки.

Вот маленькая история из жизни моего школьного друга.

В наш класс пришел новенький.

Сами знаете, каково это — стоять перед десятками пар незнакомых глаз, переминаясь с ноги на ногу и слушать, что говорит о тебе учитель.

Руки и ноги сразу становятся большими и неповоротливыми, не знаешь, куда их деть, и кажется, что выглядишь ты дурак дураком, и штаны у тебя с пузырями на коленках, и хочется удрать.

Юрка был небольшого роста, худенький, с чуточку кривоватым носом.

И, конечно, его сразу же окрестили: «Кривонос».

Посадили его ко мне.

Забегая вперед, скажу, что просидели мы вместе несколько лет, до самого окончания школы, и не было у меня друга ближе и беззаветней.

А тогда я был недоволен. Сидит как сыч и помалкивает.

Юрка ни к кому не лез с разговорами, не

Рисунок И. Харкевича

подлаживался, не хихикал вымученно, если не было ему смешно.

Он приглядывался.

Но все это я понял потом. А поначалу злился: да... нет... ага... — вот и весь разговор с соседом.

Кривонос этот все писал какие-то непонятные формулы, чудные такие — буквы не прямо ставятся, а ромбами.

Мы тогда еще органическую химию не проходили. А Юрка уже знал ее. Он мечтал стать химиком.

Прошла неделя. Ничего не менялось.

Класс жил, как прежде. В перемены мы любили бегать на чердак — играли в пятнашки или глазели в чердачное окошко на город.

Юрка и был с нами, и будто не было его — все молчком.

А потом вышло вот что.

Как-то в перемену мы заметили свисающую за окном веревку.

Окно было распахнуто, и толстая веревка так соблазнительно покачивалась, что просто невозможно было не потянуть за нее.

Потянули. Сначала двое. Потом все. Сперва тихо, потом сильнее. А под конец под лихую «Дубинушку» как-то начали дергать, аж веревка затрещала. И Юрка дергал.

Вдруг слышим дикий крик сверху и снизу, много голосов — целая толпа кричит. И только мы еще разок дернули, как веревка подавалась и мы повалились на пол.

А сверху грохот.

Мы к окошкам. Внизу толпа. Все пальцами тычут в небо.

Мы высунулись из окошка, поглядели наверх и похолодели: рядом с воронкой водосточной трубы, ровнехонько над нашим классом висел на краю крыши человек. А высота — пять этажей!

С пояса его свисала та самая веревка. Выходит, мы его сдернули...

Это был кровельщик. Он, оказывается, сел у печной трубы на коньке крыши позавтракать, а предохранительная веревка выскользнула и свесилась.

Висел кровельщик на локтях. Грудью и подбородком упирался в край крыши.

Пока мы глазами хлопали и соображали, Юрка рванулся с места и исчез.

Мы тоже выбежали поглядеть, как будут спасать человека. Видим, вылез кто-то в слуховое окно и пополз к кровельщику.

Мы так и ахнули: «Кривонос! Юрка!»

А кровельщик, видно, уже устал. Поначалу все дрыгал ногами, до водосточной трубы хотел дотянуться. А теперь обвис, не шевелится.

Юрка подполз к нему, перевесился через край головой вниз и пробует веревку достать, до пояса кровельщика дотянуться.

Тянется, тянется, кажется, вот-вот... и никак.

Один миг был, Юрка дернулся и всем показалось — конец, грохнется он, толпа даже охнула, даже назад подалась.

Но Юрка не упал. Достал веревку, и по крыше — бух, бух — загрохотал, как конь, башмаками. Потом забегал вокруг печной трубы, обмотал ее веревкой.

Юрка остановился... и в тот же миг кровельщик разжал руки, повис, как тряпичный, на этой веревке.

Так его потом и сняли пожарные. И был он белый и совсем слабый.

Нам, понятно, здорово влетело тогда за эту историю. Хорошо еще — все дергали. Не исключать же целый класс.

А Юрка... на Юрку пальцами на улице показывали. Даже в газете написали.

Только он ужасно из-за этого всего смущался. А однажды сказал мне:

— Вот кровельщик — это да! Я когда к нему подполз, он уж еле висел, белый весь, дрожит от напряжения, а меня успокаивает: «Потихоньку, — говорит, — сынок, осторожней».

Эту историю я вспомнил, когда пришел год назад к Юрке в больницу.

Он лежал в ожоговом отделении Военно-медицинской академии, и мне страшно было глядеть на него — лицо обожжено, руки тоже. Вместо рта — щелка, вместо глаз — щелочки. Но глаза смеются. Хоть и больно ему было, наверное, жутко. Юрка химик. У них взорвалась какая-то установка в лаборатории. «Сами, — говорит, — головотяпы, виноваты».

Юрка сперва не очень-то пострадал, но там были двое его товарищей, они потеряли сознание, и Юрка их тушил и вытаскивал. Он спас тех двоих. И обгорел.

Я сидел ошеломленный. Слезы душили меня. Нет лица у человека. Нет и все.

Юрка меня утешал. Говорил: все будет в порядке. Говорил, что сейчас как-то по-новому лечат ожоги — открытым каким-то способом. Ни шрамчика не останется.

Он оказался прав. Вылечили его здорово. Лицо точь-в-точь как было. Если не знать, если бы не видел я его тогда, просто не поверил бы, какое оно было.

Но тогда... Я пытался шутить, рассказывал всякие смешные штуки, и меня выгнали врачи, потому что Юрке нельзя было смеяться, ему больно было.

Вот какую историю я хотел рассказать о моем друге, которого зовут Юрка, по прозвищу Кривонос.

ДРУЗЬЯМ „УГОЛЬКА“!

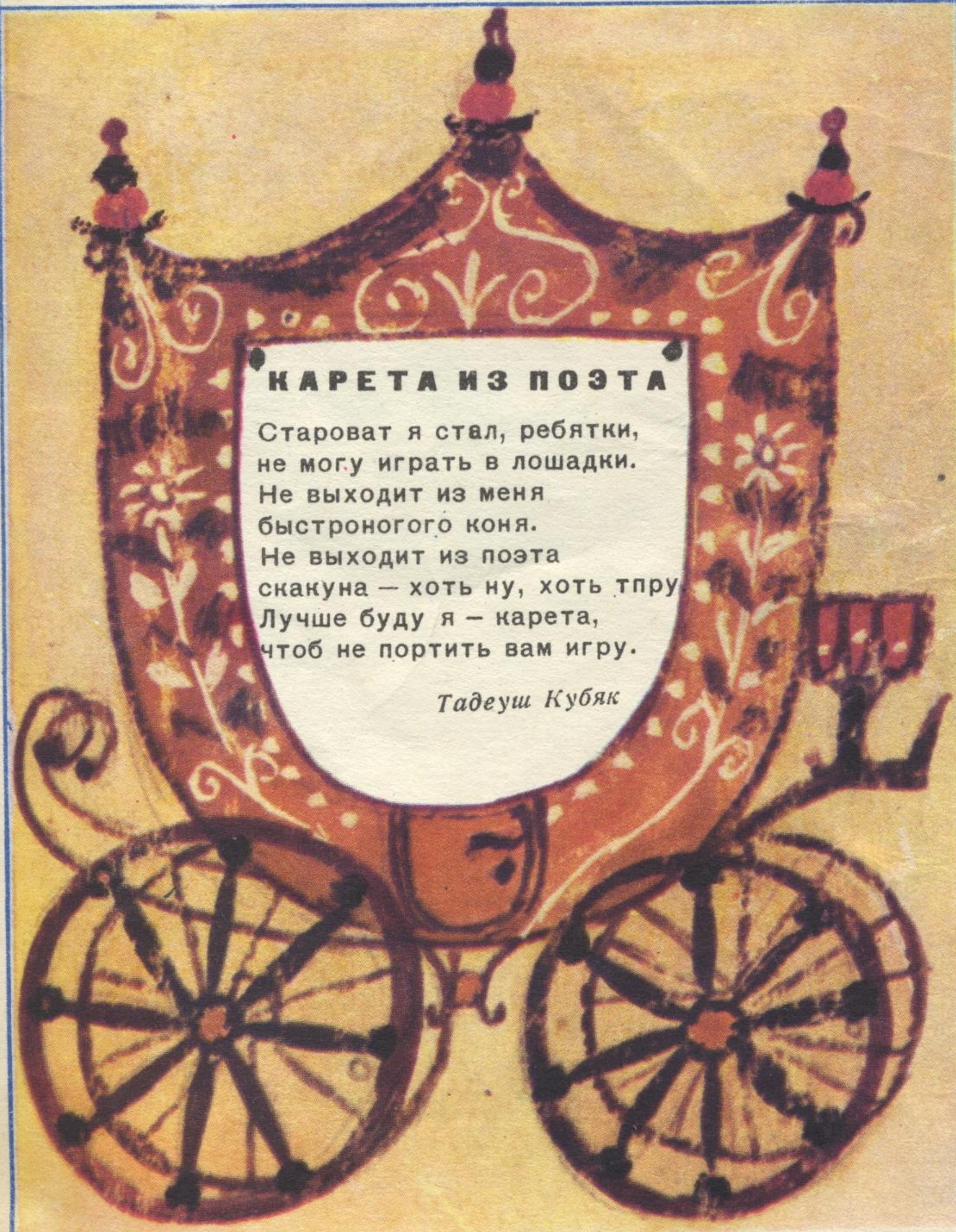
«Уголёк» — журнал для младших братьев и сестер, для тех, кто недавно научился читать. «Уголёк» надо аккуратно вырезать из «Костра» ножницами (по сплошным линиям) и складывать (по линиям пунктирным). Шесть выпусков «Уголька», которые накапливаются за полгода, складываются стопочкой. Дальше в дело идут цветные странички, которые печатаются два раза в год — в № 1 и в № 7 (вот в этом). Вся стопочка выпусков помещается в цветную обложку, а оставшийся

цветной вкладыш размещается одной половинкой между № 8 и № 9, а другой — между № 10 и № 11. Получившаяся книжечка сшивается суровой ниткой.

«Уголёк» в этом номере — особенный. Его приготовили в подарок читателям «Костра» сотрудники польского журнала для малышей «Мись» («Мишка»). И так, «Мись» в гостях у «Уголька»! А «Уголёк» скоро поедет в гости в Варшаву.

Посмотри на картинку внимательно, потом отложи „Уголёк“ и постарайся вспомнить, что было нарисовано на картинке.

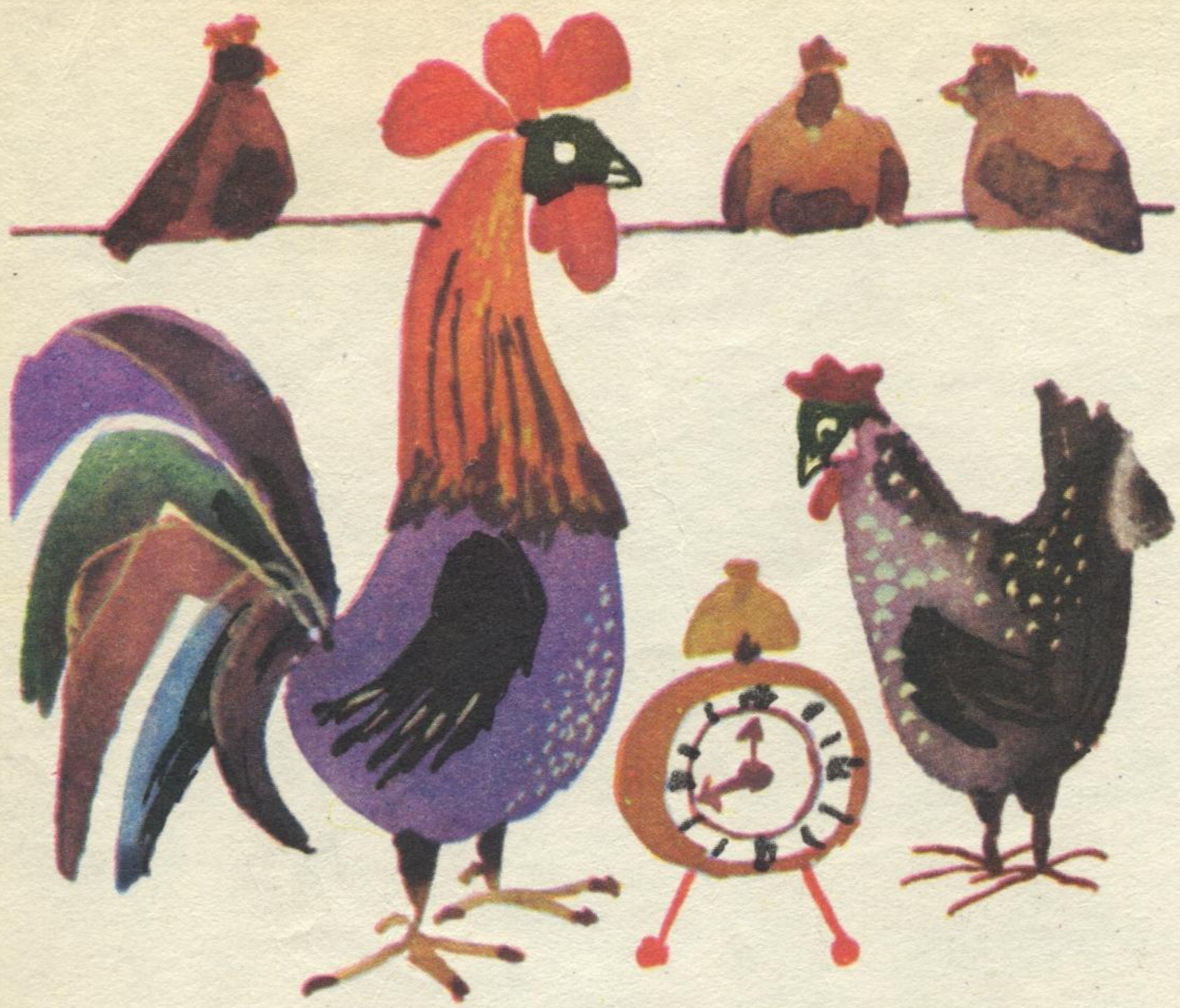
КАРЕТА ИЗ ПОЭТА

Староват я стал, ребятки,
не могу играть в лошадки.
Не выходит из меня
быстроногого коня.
Не выходит из поэта
скакуна — хоть ну, хоть тпру
Лучше буду я — карета,
чтоб не портить вам игру.

Тадеуш Кубяк

Народный польский танец „Трояк“

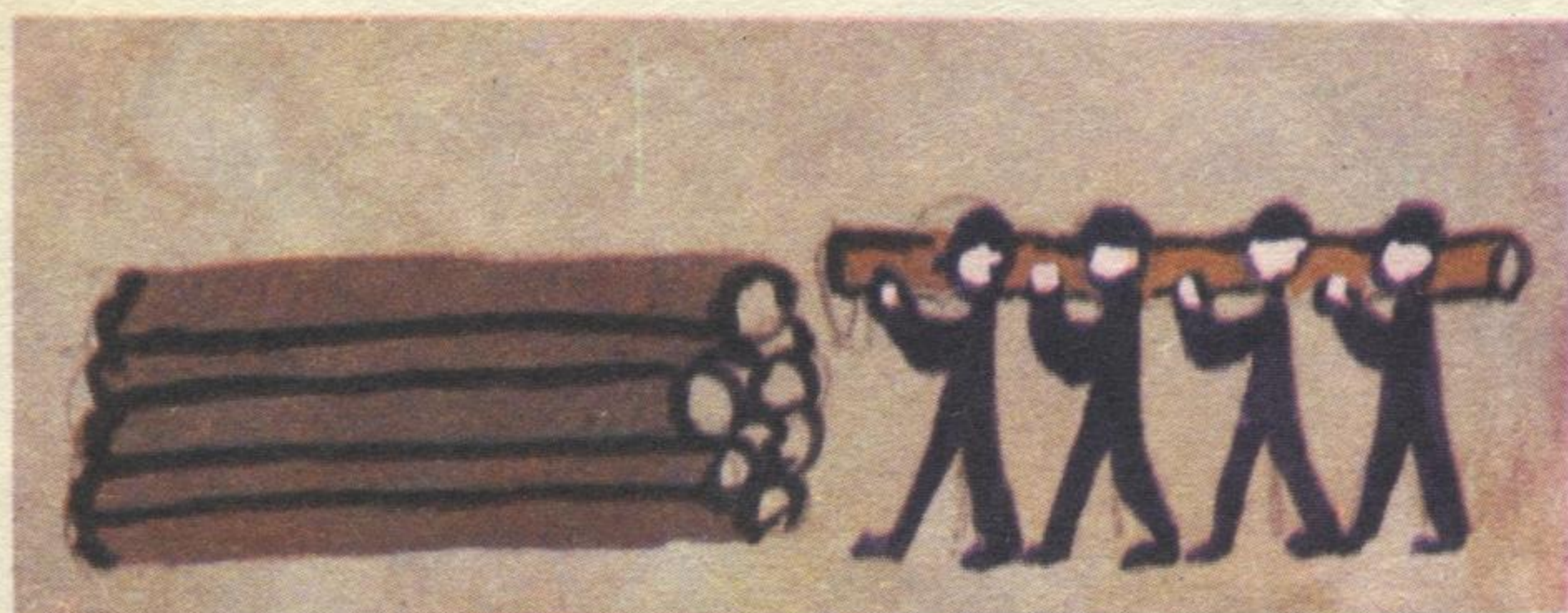
ПОКУПКА

Наседка денег накопила,
будильник новенький купила.
— Ко-ко-кому же? — у наседки
спросили хором все соседки.
— Пусть петушок мой по звонку
кричит свое кукареку.

Ванда Хотомска

Между этими картинками была еще одна, но потерялась. Может быть, вы нам ее пришлете?

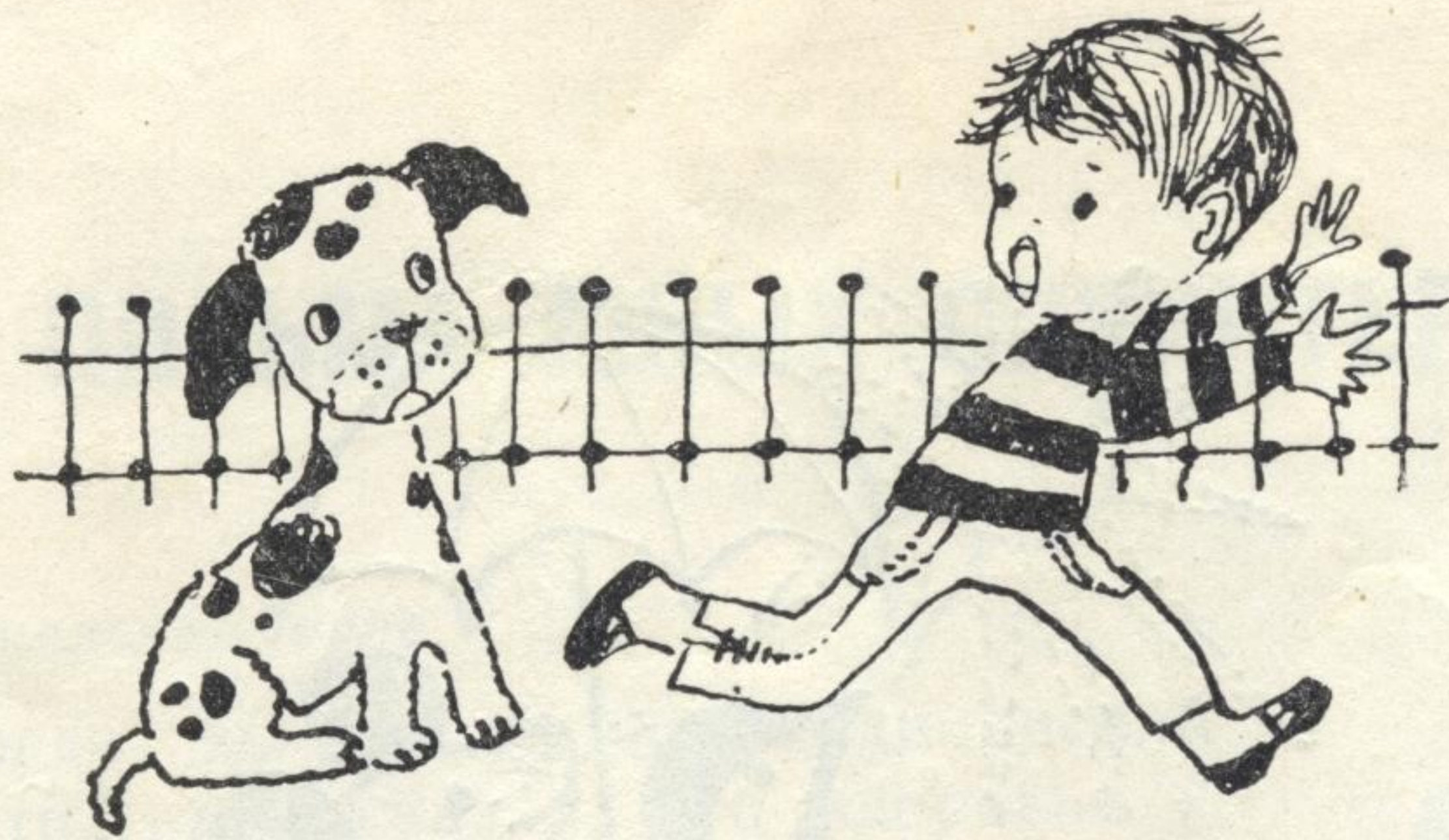
Кто самый сильный?

ХОРОШ ГУСЫ

Сломались перья у писак.
— Эй, дай одно перо, гусак!
— Га-га. Не дам вам ни пушинки.
Вам научиться бы пора
писать на пишущей машинке.
Привет. Ни пуха, ни пера.

Ванда Хотомска

**О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ЯСЬ,
ДОМОЙ ИЗ ЛЕСА ВОЗВРАТЯСЬ**

— В лесу поймал я крокодила.
Тащить терпенья не хватило.
(Тут Ясь немного прихватил,
лягушкой был тот крокодил).

— Я не люблю бродить без толка.
В овраге припугнул я волка.
(Тут Ясь хватил немного лишку,
читайте вместо ВОЛКА — МЫШКУ).

Ясь мчался пулей, хоть собака
совсем за ним и не гналась...
Вот это точно. Но однако
молчит об этом скромный Ясь.

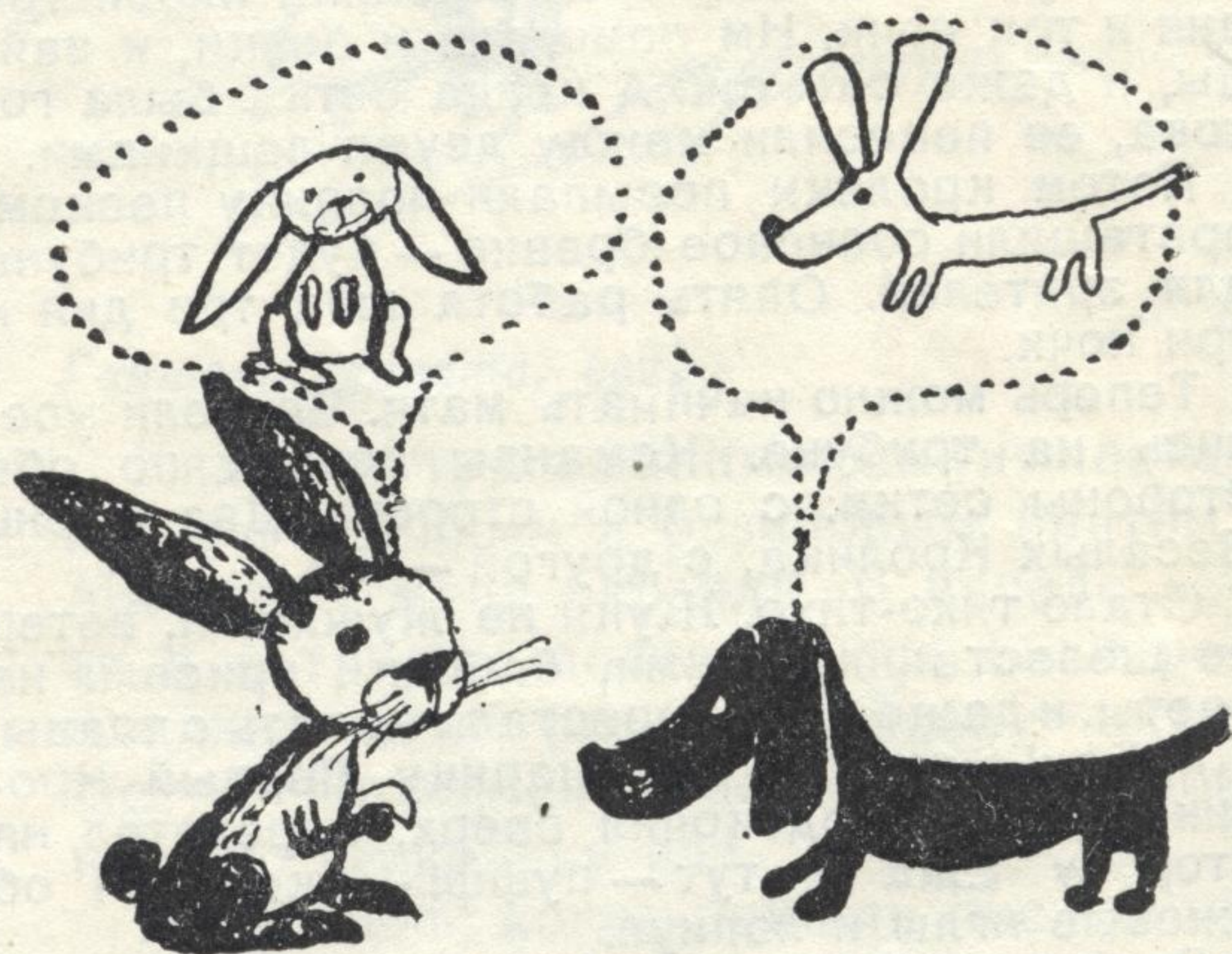
Чеслав Янчарский

Стихи и сказки пересказал с польского А. Лосев

8

Уголёк № 7

*Польский журнал „Мись“
у нас в гостях*

Что подумал Зайчик
и что подумал Щенок?

*Все рисунки в этом «Уголёке»
нарисовала Янина Кжеминска из Варшавы*

1

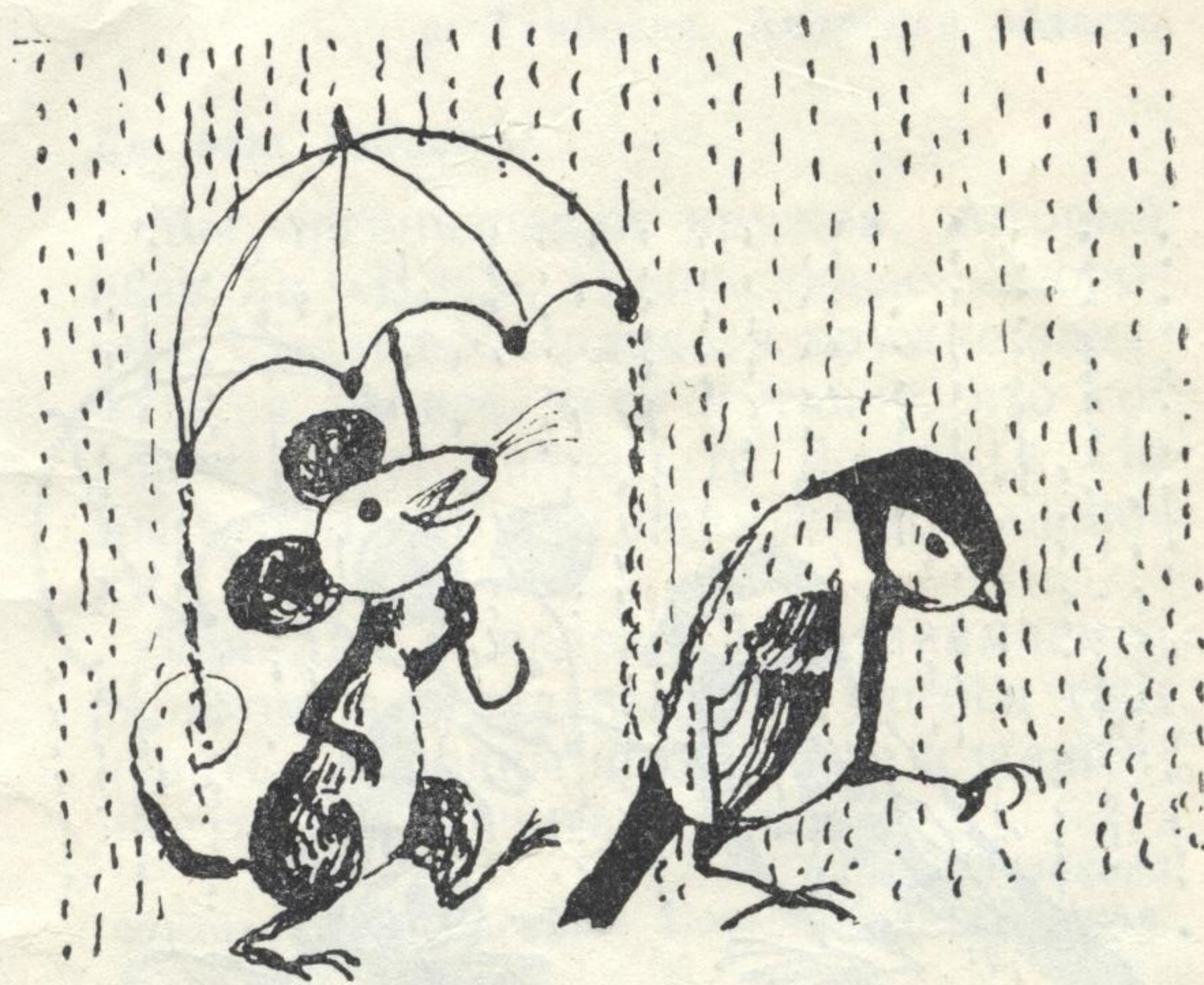

МЫШКА И СИНИЧКА

Однажды две подружки, Синичка и Мышка,
пошли гулять. Вдруг стало темно, стал ка-
пать дождь.

Синичке сухо — она зонтик раскрыла, а
Мышка идет сзади и мокнет.

4

Жаль стало Синичке подругу. Говорит:
— Вот зонтик, возьми!
Мышке сухо — над ней теперь зонтик, а
Синичка идет и мокнет.
— Нет, — говорит Мышка, — так мне хуже,
не могу я видеть, как ты мокнешь.

5

ПУФФ!

Дети потеряли в лесу воздушный шарик. А нашли его Два Очень Веселых Кролика.

— Прекрасный мячик, — обрадовался Первый.

— Поиграем в волейбол с ежиком, — сказал Второй.

Сетку из лесных трав кролики плели три дня и три ночи. Им помогали и белки, и зайцы, и даже сам еж. А когда сетка была готова, ее повесили между двумя лещинами.

Потом кролики посыпали полянку песком, притащили сосновое бревно — будет трибуна для зрителей. Опять работа шла три дня и три ночи.

Теперь можно начинать матч. Зрители уселись на трибуне. Команды встали по обе стороны сетки: с одной стороны Два Очень Веселых Кролика, с другой — Еж.

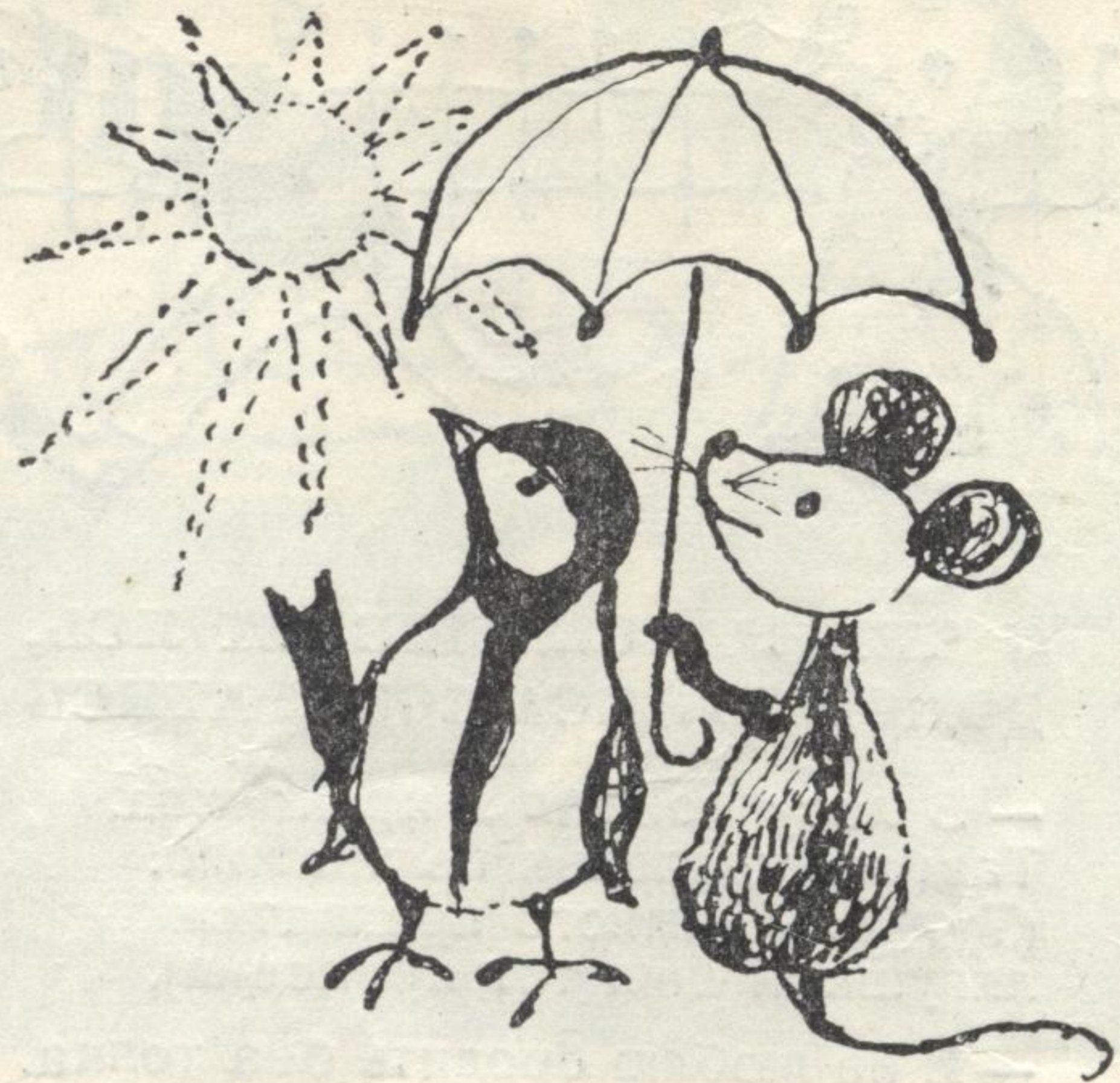
Стало тихо-тихо. Жуки не жужжали, ветер не шелестел листьями, бабочки присели на цветы, и даже роса перестала капать с травы.

— Бац! — ударил по шарикку Первый Кролик. Шарик подскочил вверх, перелетел на сторону Ежа и тут — пуфф! — укололся об ежовые иглы и лопнул.

Все захлопали в ладоши. Все страшно обрадовались. Все долго еще говорили:

— Конечно, матч продолжался недолго. Но такого „пуфф!“ мы еще никогда не слышали.

Чеслав Янчарский

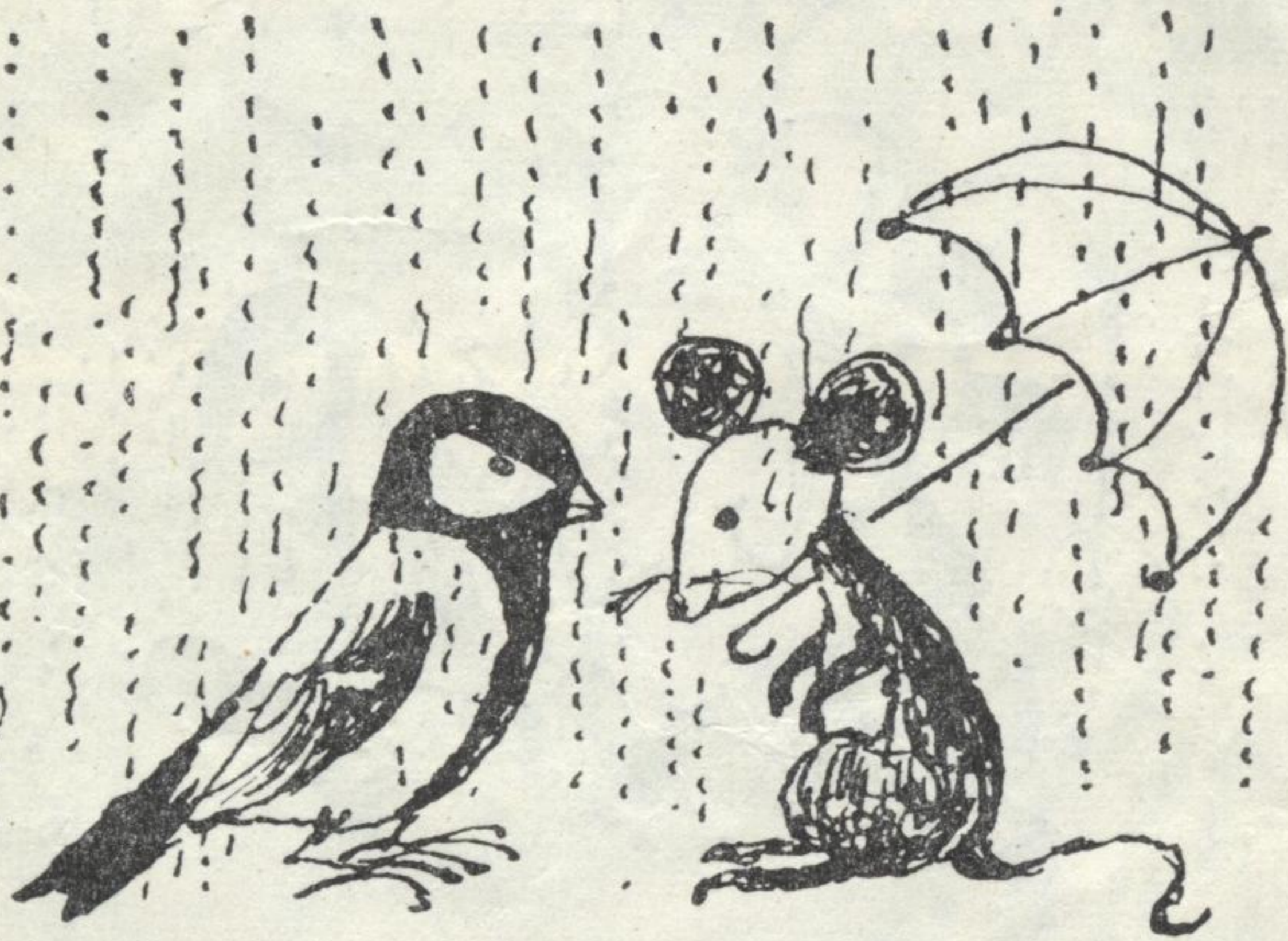
Долго думали. И наконец додумались: вместе спрятались под зонтик.

Жаль только — дождик перестал.

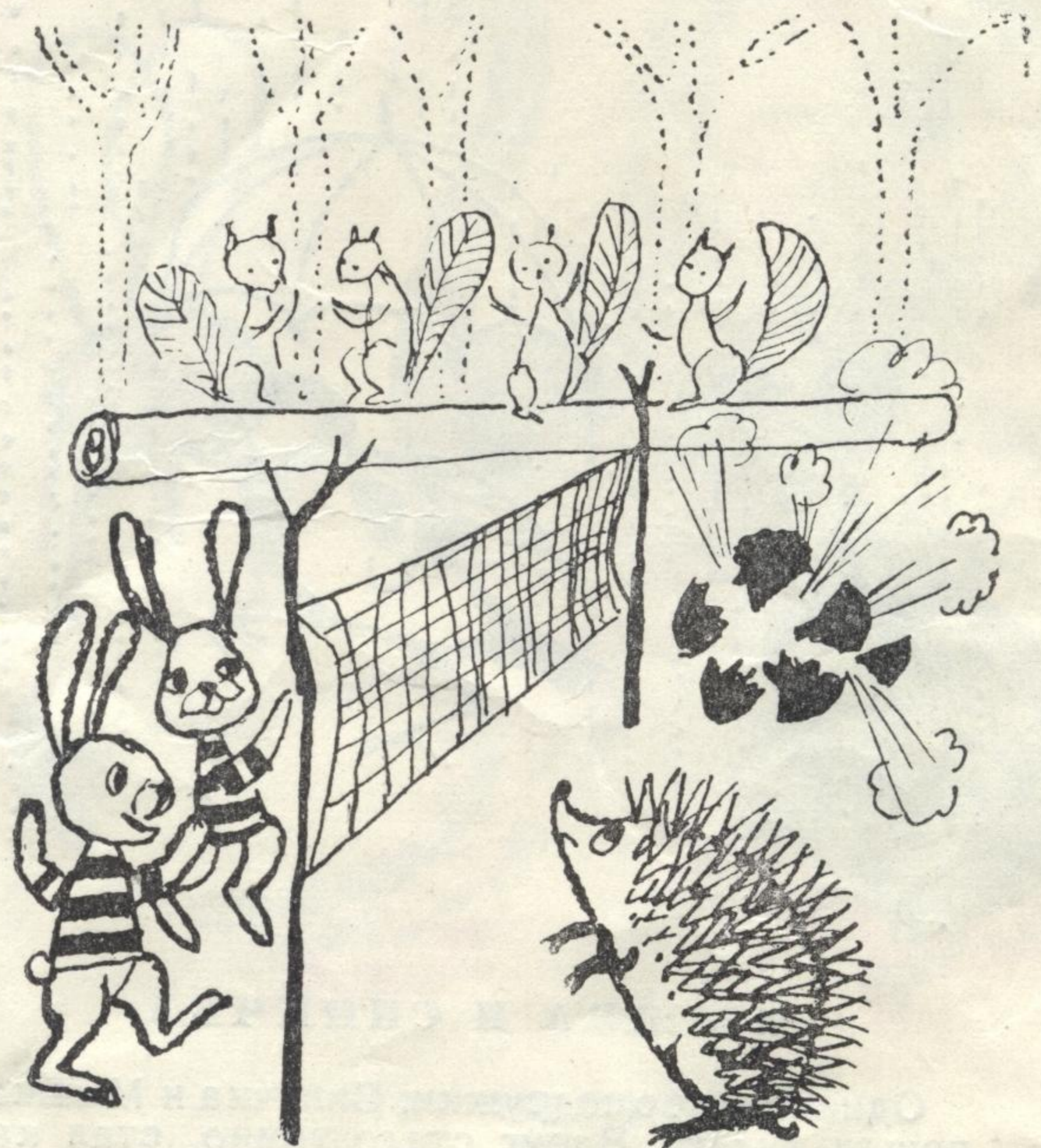
Чеслав Янчарский

2

7

Положила Мышка зонтик на траву. Стоят обе под дождем возле зонтика. Мокнут и думают: „Как же нам обеим укрыться от дождя?“

6

3

ПИСЬМА ЮНЫХ СПРИНТЕРОВ

На стальном коне

Когда мы проходили медицинский осмотр, врач сказал, что здоровье у нас богатырское. Тренируемся в лесу, куда ездим на велосипедах — каждый день по 40 километров! Научились прыгать в высоту перекидным стилем. Сейчас изучаем технику низкого старта.

Вадик Лазыкин, Толя Прохоров
г. Серпухов, Московская область

Гантели, лопата, ведра

Каждое утро я занимаюсь гимнастикой с гантелями и резиновым бинтом. Мышцы у меня окрепли. В начале лета я с трудом подтягивался на перекладине один раз, а сейчас — пять-шесть! Научился приседать на одной ноге по нескольку раз.

В тот день, когда пришли письма из редакции, мы пошли на большой луг и сделали беговую дорожку длиной 60 метров. А еще мы сделали тридцатиметровую дорожку на огороде. Теперь можно тренироваться регулярно!

Дома я помогаю по хозяйству, таскаю воду, кормлю корову, ношу уголь, хожу в магазин. Это мне тоже помогает стать сильнее. Особенно, когда таскаю воду. Колодец наш в другом конце квартала, а я без отдыха доношу до дому два полных ведра.

Слава Красавин
с. Тамбовка, Амурская область

Кто обгонит „Черепашу“?

На первой тренировке мы стали думать, как назвать нашу команду. Одни предлагали «Ураган», другие — «Вихрь», третьи — «Стрела». А кто-то сказал в шутку — «Черепаша». Все с радостью согласились.

Саша Горохов
с. Ильинское, Фурмановский район,
Ивановская область

Для разнообразия

Раньше я тренировался через день, а в свободное время бегал кроссы. Теперь кроссы заменил на время колкой дров. Думаю, что и это неплохая тренировка.

Володя Ульянов
д. Шемякино, Маловишерский район,
Новгородская область

Готовимся к сражениям

Мы решили построить во дворе школы стадион: шестидесятиметровую беговую дорожку, ямы для прыжков, игровые площадки, и все лето будем тренироваться, готовиться к сражениям, чтобы побывать на Черном море.

Валерий Хайруллин
г. Анжеро-Судженск, Кемеровская область

Мой козырь — настойчивость

Наша Восточная улица протянулась на 800 метров. По ней я и бегаю из конца в конец. Пробегаю пока с усилием. Но я настойчивый. Правда, настойчив я не всегда там, где надо. Из-за своего упрямства даже ссорюсь с товарищами. Но я постараюсь перевоспитать себя.

Петя Литвинов
г. Коркино, Челябинская область

Да, это радость!

Мы организовали кружок, который назвали «ВЗС» (Выносливые. Здоровые. Смелые.). Правда, в кружке занимаются не все, есть и такие, что говорят: «Фу, радость-то бегать...» Но мы верим, что они поймут свою ошибку.

Три дня в неделю мы занимаемся спортом, в остальные дни учимся танцевать, проводим шахматные и шашечные турниры, читаем книги.

Тоня Плотникова
совхоз «Пресновский», Северо-Казахстанская область

Тренер-сказочница

Я дружу с малышами со своей улицы. Провела среди них соревнования на лучшего бегуна. Лучшим оказался третьеклассник Слава Рошков. Еще я рассказываю ребятам сказки и даже учу играть в волейбол!

Тамара Тесницкая
с. Кочетовка, Тамбовская область

ДЕДУШКА И МУЗЫКА

ПОВЕСТЬ

Юз. Алешковский

Рисунки В. Семенова

10

С ведрами и коромыслом я вернулся к колодцу. Но набрать воду было не так уж просто. Сначала цепь несколько раз выскользнула у меня из рук и ведро взвилось над колодцем. Я снова с трудом тянул цепь на себя, и ведро, отскакивая от сруба, все глуше гремело, опускаясь на дно.

Услышав тихий всплеск, я осторожно стал выбирать цепь, и ведро поднималось все выше, выше, уже было видно ровный, светлый кружок, подернутый рябью — вода выплескивалась через край и со дна доносилось глухое эхо.

Наконец я поставил ведро на край сруба и на меня дохнуло холодом и плеснуло по ногам ледяной водой. Только мне никак не удавалось перелить воду в свои ведра.

— Ну-ка, пусти, рабочийчек!

Я обернулся. Высокая, загорелая женщина, показавшаяся мне очень на кого-то похожей, перелила воду в ведра и сказала:

— Тащи, полные все равно не дотащишь!

Я подождал, чтобы посмотреть, как нужно носить воду на коромысле.

Вот она плотно на оба плеча положила коромысло,

пригнулась, подцепила крючком дужку одного ведра, потом другого, выпрямилась и пошла с раскинутыми руками легко и плавно.

— Спасибо, — сказал я ей вслед и подумал: «Трудновато быть самообучающимся...»

Я повторил все движения женщины, но идти легко и плавно мне не удалось. Ведра раскачивались на ходу и расплескивали воду. Казалось, не я управлял коромыслом, а оно мною, и толкало меня то назад, то вперед так, что похрустывали позвонки. Я не выдержал и поставил ведра на землю.

Женщина тоже остановилась передохнуть около лежавших на траве мальчишек. Их вожак сразу отбежал в сторону. Женщина пригрозила ему:

— Еще кто пожалуется — все коромысло о бока обломаю! Дела себе не найдешь!..

«Наверно, его мать...» — подумал я, проходя мимо мальчишек. Нести ведра было все тяжелее. Я собрал все силы и прикусил губу от натуги, но все равно колени у меня подкашивались и челюсть оттягивало вниз, как у летчиков во время перегрузок. Смеха мальчишек я не слышал из-за глухого звона в ушах.

«Еще немного... так, так... десять шагов... пять... четыре».

Я уже был у крыльца, но подняться на ступеньки не

Продолжение. См. «Костер» № 6, 1967 г.

смог. Коленки подкосились от тяжести, я так и присел между чуть не опрокинувшимися ведрами, даже не успев снять с плеч коромысла.

«Да-а. Тело у меня никуда не годное. Это уж точно. Хорошо, что во время опытов нужно работать только головой. Хотя воду придется таскать каждый день... и дрова придется рубить... и мало ли чего еще надумает дедушка...»

Передохнув в тени, я расколол еще четыре полена и до прихода дедушки, обессилев, лежал на прохладной половице. И почему только Пушкин приветствовал «пустынный уголок — приют спокойствия, трудов и вдохновения»? Какое уж тут спокойствие, когда все тело, особенно спину, после этих трудов так жжет и ломит, что даже встать тяжело.

— Ну, как опыты? — спросил дедушка.

— Завтра начну. — Я, чуть не застонав, поднялся и сел за стол.

11

Еще два-три дня мы с дедушкой с утра ходили на пруд, и меня уже самого тянуло поскорей окунуться, потому что в воде было теплее, чем на берегу.

Потом дедушка намыливал меня, обмазывал песком и мылом и растирал так, что я вскрикивал, когда он шлепал по лопаткам и до хруста сдавливал ребра. Но я быстро привык к этому и с удивлением чувствовал, как

— Полешки складывай, да поровней. — Дедушка нарезал хлеб и разлил в миски щи. — А ведра таскай в руках. С коромыслом тебе несподручно.

— Зато интересней, — сказал я, чувствуя, что дедушка доволен. — А кто сварил щи?

— Отец твой договорился с соседкой Жуковой. Она будет готовить обед и носить молоко. Лишь бы тебе впрок шло.

— Вкусно! — сказал я. — Налей еще!

— То-то. Ешь, трудись и чахлость как рукой снимет. Эх, запустили тебя крепко!

— Еда не главное в жизни, — заметил я, хотя ел с удовольствием и даже подумал, что в будущем в питательных таблетках, которые я мечтал изобрести, трудно будет сохранить горячий, добрый дух щей, заправленных луком, петрушкой и укропом, только что сорванными с грядки.

12

мое тело наливается силой, и думал, что вот так же много лет назад дедушка ахал под руками моего прадеда и тоже набирался сил...

Потом я поливал горох, рубил дрова, таскал воду, окучивал картошку и к вечеру, усталый, залезал на сеновал и как убитый спал до самого утра...

Наконец настал день, когда я вынес в огород пластинки и проигрыватель, подсоединил к нему провода и положил на диск «Героическую симфонию» Бетховена.

Я с волнением смотрел на грядку для «симфонического» гороха и вообразил, что нахожусь в огромной лаборатории среди сложнейших приборов с мерцающими экранами и разноцветными лампочками.

Вокруг — мои ученики и представители научных кругов... У меня седая борода. Я похож на дедушку и одновременно на академика Павлова.

К стебелькам опытного гороха подсоединены электроды и датчики. Еле слышно гудят мощные усилители. Мой помощник держит палец на кнопке белого магнитофона.

— Коллеги! — говорю я, покашливая от волнения. — Прошли те времена, когда я, мальчишкой, в первобытной обстановке, начал серию опытов с горохом и музыкой. Простите за нескромность, я доказывал, что музыка является, так сказать, звуковым удобрением и наконец-то может прийти на помощь людям, вместо того чтобы отвлекать их от прогресса. Пришел конец возмутительному факту потери времени во всяких консерваториях и танцзалах. Хватит слушать! Пора действовать! (Бурные аплодисменты).

Коллеги! Возможно, сегодня откроется новая страница в науке. Ведь сколько звуков зря пропадало, когда горох просто слушал музыку. Мелодии и аккорды уносило ветром и глушило дождем. И долго пришлось нам идти к простому, но гениальному решению. Так всегда в науке. И мы произведем в ней очередной переворот. Музыка с помощью электродов войдет прямо в горох. Вернее, в ядро клетки гороха, и в тысячу раз ускорит его рост. Дух захватывает от возможностей, открывающихся перед нами. Не надо! Не надо аплодисментов!.. Жуков! — кричу я своему помощнику. — Нажимайте кнопку!

— Вот эту?

Я вздрогнул и отшатнулся. Вожак мальчишек, похожий на матадора, протянул палец к проигрывателю и вопросительно смотрел на меня.

— Как вы сюда попали? — спросил я, надев темные очки.

— Вы же сами позвали меня... вот я и перелез через забор.

— Как ваша фамилия?

— Жуков. — Парень был растерян. Я тоже.

— Хм. Странно. Более, чем странно. Очевидно, телепатия. Хотите быть моим помощником?

— Хочу! — сказал Жуков.

— Э-э, умеете ли вы, батенька, держать язык за зубами? — спросил я по-профессорски.

— Всегда могу.

Я коротко рассказал о своих планах, отметив про себя, что Жуков слушал с интересом и не хихикал.

— А теперь нажимайте кнопку! — Жуков нажал. — Увеличьте громкость... Ручка — слева. Так.

Музыка заиграла. Я подвинул проигрыватель поближе к гороху.

— А что дальше? — шепотом спросил Жуков.

Казалось, опыты захватили его больше, чем меня.

— Дальше! Мы не можем, к сожалению, наблюдать за процессами, происходящими сейчас в ядре клетки гороха. Вам скучно?

— Не то чтобы скучно... Но делать-то что-нибудь надо?

— Вы умеете размышлять?

Жуков смутился.

— Нужно учиться. Сколько вам лет?

— Тринадцать...

— Ого! А вы на голову выше меня. Даже на две. Так вот: ждать результатов скучно, но необходимо. Вы любите симфонии?

— Я все люблю слушать.

— А кибернетикой интересуетесь?

— Что это?

— Это, коллега, — высшее достижение человеческого разума. Я вас введу постепенно в курс дела.

— А я вас научу плавать.

Я отметил, что Жуков без всякого притворства разговаривает со мной, как со старшим, и что мой маленький рост несколько этому не помешал. Это было приятно.

— Кстати, на время опытов, — сказал я, — нужно забыть обо всем. Об играх, и так далее. Иначе нельзя в науке.

— Это к лучшему, — обрадовался Жуков. — Хоть забудут и обо мне. К Сенашкиным залезли в огород, а

виноват я. Свиные глаз подбили, опять я. Так она же Витьку первая укусила. Прямо домой неохота идти. Ругают день и ночь! А тут еще трактор...

— Ну, вот и хорошо. Пора стать человеком своего века. — Я достал тетрадку и ручку. — Сюда вы будете записывать свои наблюдения...

— А если ошибки?

— Это исправимо.

— А как вас звать?

— Зовите меня шефом, — сказал я. — Пойду рубить дрова.

Жуков кивнул и поставил пластинку.

13

Пока я колотил молотком по обуху, симфонии не было слышно, а когда складывал полешки, до меня доносилась тихая, тягучая и какая-то нудная музыка, мешая как следует настроиться на работу.

А Жуков, усевшись по-турецки, слушал ее, что-то записывал и изредка кидал в сторону забора комки земли.

«Каждому ученому, конечно, нужен помощник и ученик. Кто бы сейчас отгонял от забора мальчишек?»

Когда половина симфонии кончилась, Жуков перевернул пластинку на другую сторону и продолжал что-то записывать.

Перед концом симфонии Жуков встал, взмахнул травинкой, словно дирижировал, сказал: «Трам-пам-пам!» — и нажал кнопку.

Мы перенесли проигрыватель к джазовым грядкам. Я поставил пластинку «Вокруг света» и спросил у Жукова:

— Не надоело?

— Что вы! Я и не заметил, как время прошло. Почему она называется «Героической?»

— Наверно, так показалось композитору.

— Да-а! — тихо и с удивлением сказал Жуков.

Я пожал плечами.

Под джаз было веселее рубить дрова, и я колотил по обуху молотком и орудовал топором, двигаясь в ритме какого-то бразильского танца. Потом пошел посмотреть на горох, прослушавший симфонию.

«Мне она только мешала рубить дрова. А джаз не мешал. Наоборот, помогал. Наверно, поэтому в опытах ученых успешней вырос «джазовый» горох... Надо около каждого стебля вбить планки с делениями и еженедельно делать замеры...»

— Шеф! Шеф! — вдруг крикнул Жуков. — Сюда! Скорей! — Я подбежал к нему, перепрыгивая через грядки. — Смотрите! Как бы нам не попало!

Я залез на забор. Прямо на дороге, подняв тучи пыли, четыре пары танцевали под нашу музыку.

— Это — из десятого класса, — сказал Жуков.

— Включи погромче! — попросил один из танцующих.

— Обойдешься! — сказал Жуков.

— Включите, — сказал я, чтобы избежать нападения.

Тут фокстрот кончился и тоскливо заиграл аккордеон. Ребята пошли медленнее, а девчонки смешно полузакрыли глаза. Пыль немного улеглась.

— Тошно смотреть, — сказал я, — как они убивают время.

— Нам попадет за то, что отвлекаем их от работы, — сказал Жуков. — Вот идет Сенашкин. Снабжением и сбытом занимается. Это к нему в огород кто-то лазил.

Я увидел огромного человека, похожего на киноактера Бориса Андреева.

— Прекратить танцульки в рабочее время! — гаркнул он и, когда ребята и девчонки пустились бежать по дороге, подошел к нам и тряхнул забор так, что я чуть не сорвался с него, как шишка с ветки.

— Жуков? Опять хулиганишь и саботируешь? — загремел Сенашкин. — А ты кто таков?

У меня в ушах зашумело от его баса.

— Во-первых, не ты, а вы, а во-вторых, от вас пахнет водкой... — быстро сказал я.

— Что-о? — Сенашкин схватил меня за плечи, поднял над забором и рассматривал со злым удивлением, как Гулливер лилипута.

— Как из пивной бочки, — повторил я. — Сейчас же поставьте меня на место и идите в вытрезвитель!

Сенашкин испуганно оглянулся и поставил меня на место. Мимо нас шли колхозницы с тямками на плечах.

— Если еще будете подбивать людей на танцы... разобью вдребезги всю музыку! — пригрозил он.

— Мы проводим опыты для сельского хозяйства и будем проводить их до конца. Танцевать, значит, нельзя в рабочее время, а водку пить можно? Больше не подходите к нам в нетрезвом состоянии. Желаю успехов, — сказал я, совсем осмелев.

Колхозницы, услышав это, засмеялись, а Сенашкин растерянно попятился от забора и показал Жукову кулак.

— Ты у меня, Жуков, доиграешься. Вот подрасти немного, и сразу под суд отдадут!

Когда он ушел, я спросил у Жукова:

— Почему он на вас ополчился?

— Так... наделал я делов, а ему пришлось из-за меня доставать запчасти.

— На то он и снабженец, — сказал я.

— Он еще и сбывать умеет, — зло заметил Жуков.

Когда пластинка «Вокруг света» кончилась, мы поставили проигрыватель под навес и отнесли пластинки в дом.

Пока Жуков в сарае выстругивал какие-то планки, я прочитал его записи.

На первой страничке под словами «Первая часть симфонии» было написано:

«Сразу вспомнил, как ночью подбирался к трактору. Как завел и поехал. Хорошо было. Тогда я все забыл. Мне казалось, лечу, лечу. Поле освещали фары. Только бы не заглох, только бы не заглох. Вторая часть. Трактор заглох. Я испугался. Меня поймал бригадир. Ударил палкой по спине. Я шел и плакал. Сам замучил трактор до смерти. Никогда не забуду. Третья часть. Стало немного веселей. Трактор весь день чинили. Я прятался в балке и следил. Неужели не починят? Оказывается, в радиаторе не было воды. Четвертая часть. Трактор поехал как новенький. Все равно обучусь на тракториста. Никто мне не мешает. Ура! Ура! Ура! Ура!»

Эта запись была странной и не имела никакого отношения к гороху. Я поставил в ней кое-где запятые и точки и спросил у Жукова:

— Вы действительно думали об этом под симфонию?

— Да. Вспомнил почему-то. Не надо было писать? Я не знал, что ему ответить. «Может быть, музыка и

на людей производит какое-нибудь действие, как на горох? Если производит, то обидно, что не я первый заметил это».

Но я был не из тех, кто затирает открытия своих коллег, и сказал:

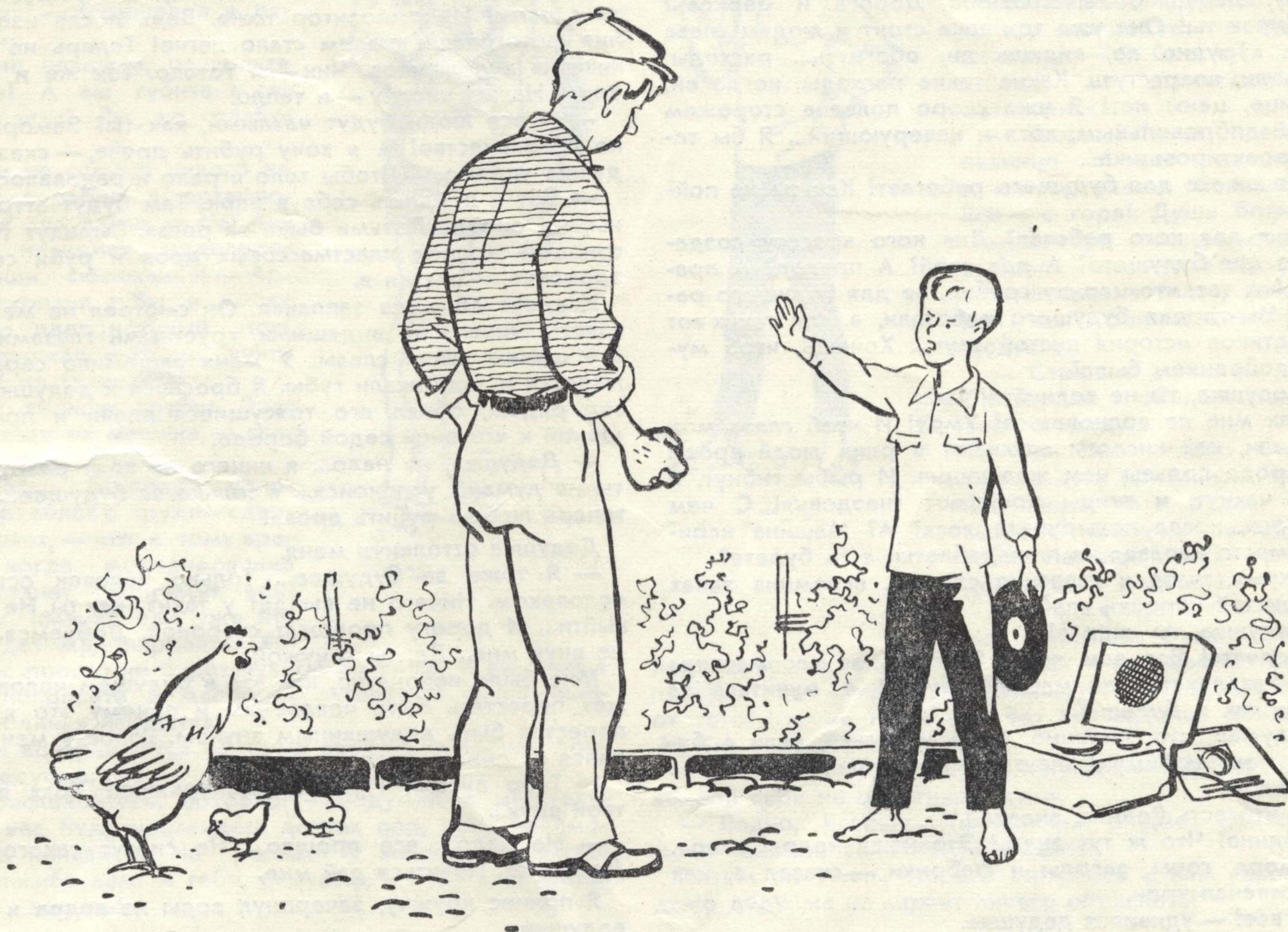
— Возможно, вы подметили очень важную штуку. Мы это проверим. А о чем думалось под джаз?

— Ничего не вспомнил. Просто развеселился. И подумал, что трудно будет к каждому стеблю подсоединять эти...

— Лучше уж вы напишите, — совсем застенялся Жуков.

— Нет, нет и нет! — наотрез отказался я, потому что опять-таки был не из тех, которые примазываются к чужим открытиям. И тут же у меня появилась своя идея.

— Кстати, второй раз мы будем проигрывать, когда стемнеет. Ведь растениям для роста нужно солнце. Хлорофилл в них развивается, и так далее. Помните по ботанике? А когда солнце заходит, рост, скажем, гороха,

— Электроды... — подсказал я. — У вас есть конструктивные предложения?

— Так, чепуха, наверно, — застенялся Жуков и, присев на корточки, нарисовал схему. — Лучше сделать так: сначала нужно вывести новый сорт гороха для того, чтобы на всем поле его корни переплетались под землей. Тогда у них будет контакт, как у проводов в приемнике, и хватит одного электрода на всех, вот...

— Ге-ни-аль-но! — изумился я, и у меня тоже заработала инженерная мысль. — А потом можно соединить несколько полей, потом районов и областей, и будет полная звукофикация! Ну, Жуков! Ну, коллега! Вы — молодец! Вам непременно нужно написать статью в «Знание — сила». Даже в «Науку и жизнь»!

наверняка задерживается. А мы его подкормим, расшевелим его звуками, не дадим ему спать!

— Здорово, — засмеялся Жуков, потирая руки.

— Значит — до вечера, — сказал я.

Мальчишки за забором уже кричали:

— Жук! Жук! Тебя мать ищет! Эй!

— Коллега! А это не ваша мама готовит для нас с дедушкой щи в чугушке? — спросил я.

— Моя, — сказал Жуков.

— Вы ей скажите: вкусно. И спасибо. Я никогда так есть не хотел, как здесь. Скажите. Ладно?

— Она сама вас обкормит, когда узнает, что я тут делом занялся. Пока!

14

Дедушка в этот день вернулся со своей работы неожиданно рано. Он устало сидел на крыльце, когда, согнувшись под коромыслом, я вошел в калитку.

— Сходи в погреб. Принеси камень холодный... с края лежит, — попросил слабым голосом дедушка.

На лбу у него выступили капельки пота, и он, часто дыша, растирал грудь ладонью.

Я испугался и быстро принес из погреба холодный плоский камень. Дедушка приложил его к груди и, с облегчением вздохнув, сказал:

— Ох... негодяй... преступник.. свинья... ох...

У меня тоже немного отлегло от сердца.

— Что случилось, дедушка? Кто тебя обидел? Кто свинья?

— Такой же, как ты, кибернетик проклятый! Вот кто!

— Но при чем же здесь кибернетика? — горячо возразил я и тут же пожалел об этом. Дедушка скривил губы от боли и перевернул камень на груди.

— Он вроде тебя рассуждает! Никакой ему красоты не нужно. Только бы проложить дорогу, и все!.. А церковь снести.

— Ну, дедушка, ты сравнил! Дорога и церковь!

— Дурак ты! Она уже три века стоит и людям глаза радует... Трудно ее, видишь ли, обогнуть... расходы, видишь ли, возрастут... Какие такие расходы, когда ей, красавице, цены нет! Я уже скоро полвека сторожем при ней добровольным, хотя и неверующий... Я бы такого проектировщика...

— Но он же для будущего работает! Как ты не поймешь?

— А я для кого работал? Для кого красоту создавал? Не для будущего? А дед твой? А прадед? А прапрадед? А тот, кто церкву срубил, не для будущего работал? Мы-то для будущего работали, а для таких вот кибернетиков история пустой звук... Хочешь, чтоб музыка удобрением была?..

— Дедушка, ты не волнуйся! Ты...

— Как мне не волноваться? Умру! И чтоб глаза мои не видели, как кислоты спускают в реки люди вроде тебя, вроде пользы нам желающие. И рыбы гибнут, и берега чахнут, и птицы покидают гнездовья! С чем останетесь, когда повырубите леса? А? Машина нарисует? Вместо каравая из печи таблетки есть будете?

Я закрыл глаза и сглотнул слюнки, вспомнив запах поджаристой корочки хлеба.

— Дедушка, ты неправ!

— Молчать! Все вам ясно! Работать за вас машины будут! Развлекать вас машины будут! А мучиться за красоту, как я, будешь?

Я подумал, что, конечно, буду мучиться, если в будущем мою любимую электронную машину отдадут на металлолом.

— А что есть Родина, знаешь?

— Родина? Что ж тут знать? Это наши недра, озера, реки, моря, горы, заводы и фабрики, — сказал я, как будто отвечал урок.

— И все? — удивился дедушка.

— А что же еще? — сказал я.

— Бедный ты человек... Голый, одним словом, кибернетик...

— Дедушка! Ты неправильно говоришь о кибернетике. Мы хотим только автоматизировать жизнь человека. Чтобы, например, теряя время, не носить воду, не рубить дрова, не доить коров, не стоять у станка, а заниматься умственным трудом и тоже мучиться. Думаешь, мы не будем мучиться? Будем, еще как! Над самыми разгадками природы! И что плохого, если машина начнет писать стихи, а поэт будет мучиться вместе с нами? И композитор тоже. Ведь после изобретения фотографии людям стало легче! Теперь не нужно никаких художников. Чик — и готово. Так же и с дровами. Нажал кнопку — и тепло.

— И все люди будут чахлыми, как ты? Заморыши, а не человечество! А я хочу рубить дрова, — сказал дедушка упрямо. — Чтобы тело играло и радовалось.

— Вот и пойдешь себе в парк. Там будут аттракционы, ну, вроде «Возьми быка за рога». Выдадут тебе на тридцать копеек пластмассовых дров и руби себе на здоровье, — сказал я.

И вдруг дедушка заплакал. Он смотрел на меня, казалось, ничего не видящими, грустными глазами, и по его щекам текли слезы. У меня защемило сердце от жалости и задрожали губы. Я бросился к дедушке, присел рядом, обнял его трясущиеся плечи и прижался щекой к колючей седой бороде.

— Дедушка, не надо... я ничего не хочу разрушать... ты не думай... успокойся... я только за будущее... я сам теперь люблю рубить дрова!

Дедушка оттолкнул меня.

— Я тоже за будущее... Только человек останется человеком. Ничего не выйдет у таких, как ты. Не может выйти... И дорогу проложат стороной. Добьемся. А ты не внук мне.. Да, ты — чужой...

Мне было непонятно, как это в будущем человек может перестать быть человеком и почему это я вдруг перестал быть дедушкиным внуком. Голос у меня срывался от обиды, когда я спросил:

— Тебе лучше? Принести валерьянки? Хотя я и не твой внук...

— Не надо... все прошло... Не снесут такого чуда. Добьемся. Напиться дай мне.

Я принес кружку, зачерпнул воды из ведра и подал дедушке.

15

Вдруг скрипнула калитка. Я обернулся. По дорожке, пригнувшись, чтобы не задевать веток яблонь, к нам подходил парень, лет двадцати пяти, в соломенной шляпе, ковбойке, шортах. Подойдя, он подал мне руку.

— Здравствуйте. Гена. Археолог.

— Егор. Школьник, — сказал я.

— Внук, — объяснил дедушка.

Я подумал: «Ага! Все-таки внук!»

— Будет хандрить, Степан Егорыч, — сказал археолог и присел рядом с дедушкой. — Я звонил в облисполком. Они санкции не давали. Завтра я туда поеду. Уверен, что все будет в порядке. Рита и я уже доску повесили: «Памятник старины. Охраняется государством. За порчу штраф и позор». Так и написали. А вы себя поберегите.

— «Поберегите». Подъедет бульдозер. Чик и — ну... долго ли им, кибернетикам. — Дедушка кивнул в мою сторону.

— Вы — кибернетик? — спросил меня археолог.

— Интересуюсь, — сказал я.

— Машина у него будет песни писать и музыку сочинять, — сказал дедушка.

— А вы любите музыку? — спросил археолог.

— Нет, — сказал я. — Я люблю науку.

— Позвольте, позвольте! — Археолог пригнул голову и часто заморгал глазами, собираясь ринуться в спор. — А вы знаете, что если физики, химики, биологи, математики и так далее с каждым открытием только еще подходят все ближе и ближе к постижению гармонии мира, то искусство, например, музыка, уже сейчас пробуждает в нас чувство этой гармонии, — он торжественно поднял руку и, как заклинание, прошептал, — гармонии мира!

— Машины в миллион раз быстрее постигнут эту гармонию, — упрямо возразил я, хотя совершенно не представлял, что такое гармония.

Археолог вскочил и замахал руками перед моим носом.

— Вы волновались, читая стихи? Вы плакали, остановившись в удивлении перед прекрасным?

— Даже не думал волноваться и останавливаться! Мы

заставим машину заплакать, а сами будем веселиться, — сказал я спокойно и уверенно, и это еще больше разожгло археолога.

— Я презираю запрограммированные слезы! — заявил он.

— Значит, вы не верите, что мы научимся моделировать чувства. Эх, вы! Отрицаете кибернетику? — перешел я в наступление.

— Я не невежда, позвольте заметить! А вы губите в себе человека! Вы не разбужены...

— Я и не сплю и никого не гублю! — перебил я археолога. Меня зло взяло. — Мы все равно научимся моделировать ваши сюсюканья! — Археолог скривил губы, и я, забыв, что идет научный спор, не выдержал. — И не учите меня! И не хихикайте!

— Вот видишь, грубит. Значит, он еще не машина, — сказал дедушка.

— Боюсь, молодой человек, — археолог с трудом сдерживал смех, — что к тому времени, когда моделирование чувств станет технически возможным, именно вам уже нечего будет моделировать! Ха-ха! У вас просто не будет чувств! Ха-ха-ха! И вы, хилые духом, попросите в местном путевку к вечно бьющему роднику искусства!

— Все возвращается на круги своя, — загадочно произнес дедушка.

«Не беспокойтесь, археолог, — подумал я мстительно, — я вас буду ненавидеть до тех пор, пока не смоделирую ненависть. Не пропадет у меня это чувство! Даже спасибо вам! А тебя, дедушка, я буду всю жизнь любить и жалеть!»

Тут я чуть не всхлипнул от чувств, которых у меня якобы не было, отказался обедать, залез на сеновал, вздремнул и проснулся от дедушкиного возгласа:

— Ах, негодяй!

Я выглянул, подумав, что это ругают меня, но дедушка разговаривал со снабженцем Сенашкиным.

«Жаловаться пришел. Пусть только попробует что-нибудь сломать!» — Я бросился к лестнице, но, прислушавшись, остановился.

— Егорыч! Ты ж знаешь! Не пьяница я! — со страданием в голосе сказал Сенашкин. — Все — с горя! Душа болит!

— Значит, легкую дорожку выбрал? Пить — пьешь, а сказать людям в глаза, как предал их, боишься? — спросил дедушка.

— Страшно мне... Не за себя. Людей я обидел. Не было такого сроду...

— Ты мое слово слышал. Как на духу признайся. Что решат люди, то и будет. А так ты — не человек! Не ждал от тебя. Не ждал. Эх! — с досадой сказал дедушка.

— Как я до этого дошел? Не понимаю! Сказал бы кто

неделю назад, что на это пойду — не поверил бы. Не поверил бы! — крикнул Сенашкин. — И страшно мне от того, что не понимаю! Вот ты можешь объяснить? А? Как я до этого дошел?

— Не могу! — признался дедушка. — Иди. И помни: водкой себе не облегчишь душу.

— Ладно, Егорыч... Ты молчи... Я сам... сам откроюсь, — сказал, вздохнув, Сенашкин.

Потом он ушел. Что это стряслось с ним такое, что даже дедушка не может ничего объяснить?

16

Уже почти стемнело, а мой помощник не пришел.

«Конечно, побаловался, и все... Футбол интересней...» Мне стало грустно: неожиданно нашелся помощник, может быть, друг на всю жизнь, и вот я снова один, окруженный не верящими в науку людьми.

Я сходил за пластинками и, когда вернулся, увидел Жукова. Он стоял около проигрывателя.

— Коллега! — пожурил я его, скрывая радость. — Зачем же через забор? Давайте уж пользоваться калиткой. Пора.

— Ваш дед меня ненавидит, — сказал Жуков.

— За что? Он же добрый.

— Так... было дело... — замялся Жуков и покраснел.

— В футбол целый день играли? — перевел я разговор на другую тему.

— Нет, в клубе сидел. Читал, — Жуков покраснел еще больше.

— Это хорошо. Про кибернетику?

— Нет. Так, немного... Про Бетховена, — Жуков совсем смутился, и я понял: ему стыдно признаться, что он раньше ничего не читал про Бетховена.

Тут мне самому стало неловко и стыдно, но я важно заметил:

— Значительный был человек, — решив, что нельзя разрушать свой авторитет в самом разгаре опытов.

— Главное, он глухой был. Мучался страшно. Ни птиц не слышал, ни рожка, ни своей музыки. Вот непонятно! — сказал Жуков.

— То есть... как глухой? — переспросил я, удивившись. Но тут же сказал, презирая себя за ложь и притворство: — Да, да, все гении чем-нибудь болеют. Эйнштейн вот на скрипке играл... Читали про Эйнштейна?

— Нет, — честно признался Жуков.

— А я про Бетховена не читал, — выпалил я, и мы оба рассмеялись.

— Давайте вот эту заведем. «Лунная соната», — сказал Жуков.

— Заводите любую. Не все ли равно?

Я отошел в сторонку и тут же испуганно замер, услышав позади себя глухой рык.

— Это — Норд. Не бойтесь. Я его нарочно привел. Он привыкнет к вам.

Я обернулся. Между огуречными грядками, почти

сливаясь с черной землей, лежал, оскалив зубы, огромный пес — мой старый знакомый.

— Норд! Ты что рычишь в гостях? Ну-ка, дай лапу моему шефу и лучшему другу! Подойдите, не укусит, — сказал Жуков.

Я, чтобы не показаться трусом, подошел к Норду с протянутой рукой. Норд посмотрел на Жукова: «Ты не ошибся? По-моему, его пора укусить...»

— Давай лапу! Быстрей! — приказал Жуков.

Норд присел и, с отвращением отвернув от меня морду, приподнял лапу. Я пожал дрожавшую от обиды и унижения лапу Норда с холодными шершавыми подушечками пальцев. Он сразу выдернул ее из моей руки, взглянул исподлобья на Жукова и улегся между грядками.

Тут я услышал: зашуршали кусты, и кто-то привалился к забору. И снова стало тихо. Только звучала музыка.

И вдруг из-за забора донеслось еле слышное всхлипыванье.

Я сторонкой обошел Норда и подкрался к кустам. И правда: за ними кто-то плакал, но не по-мальчишечьи и не по-девчоночьи, а по-взрослому, хрипло кашляя и шмыгая носом.

«Может, это археолог разнылся в удивлении перед прекрасным?»

Я полез в лазейку, оцарапав щеку колючим сучком, и увидел Сенашкина.

Он, уткнув голову в коленки, прямо содрогался от плача. Такой большой человек, поднявший меня утром над забором, как перышко, сидел и рыдал, а тут еще Норд под тоскливую музыку снова взвыл: «О-о-у-ав», — и мне стало жутко.

— Что с вами? Скажите! — я дотронулся рукой до плеча председателя. — Вам плохо?

Сенашкин поднял на меня мутные глаза. От него так же, как утром, противно разило водкой. Он, с трудом выговаривая слова и шмыгая носом, сказал:

— А-а-до... ох, я о-о-оследний человек... не могу жить!

— Тише! — попросил я. — Тут происходят опыты по влиянию музыки на горох. Неизвестно, полезны ему ваши рыдания или нет. — Сенашкин послушно перестал всхлипывать и высморкался. — Тише! Может, вас музыка расстроила?

— Она... вот тут все накапливалось... — Сенашкин изо всей силы стукнул себя кулаком в грудь. — Услышал. И отрезвел. Сразу подступило... С сорок третьего никто не видел слез на глазах Сенашкина! А она, — Сенашкин прислушался, — вроде спрашивает... «Ты что же?.. Что же ты с собой сделал?»

Я сел напротив него, задохнувшись от волнения: «Запрограммированные это слезы или не запрограммированные? Вот когда надо на месте исследовать влияние музыки на человека! Это будет колоссальное открытие. И дедушке я кое-что докажу!»

— Успокойтесь! Я понимаю: вы что-то натворили. Так вас мучает совесть?

— М-у-у-учает! — промычал Сенашкин.

— Бедняга... Музыка вам поможет. Быстро, в двух словах, выкладывайте!

Вокруг было тихо. Только музыка звучала тоскливо и негромко.

— Тут все просто... повезли на рынок парниковые огурцы...

— Дышите, пожалуйста, в сторону, — попросил я.

— Ну, и охмурили колхоз... Часть незаприходованных

Я сбегал в сарай, притащил соломенный мат и уселся так, чтобы было удобней наблюдать за Жуковым. Он сидел на дощечке, обхватив руками коленки.

У него было какое-то странное выражение лица, и, когда звуки рояля вдруг громко всплеснулись, он зябко повел плечами, словно поежился от пробежавших по спине мурашек.

Я увидел, как дедушка с табуреткой в руках на цыпочках прошел по дорожке и сел, положив на колени руки, неподалеку от Жукова.

Они не обратили друг на друга никакого внимания. «Ну, что им эта музыка? Ну, ля-ля-ля и ли-ли-ли?..»

Мне стало тоскливо и скучно. Я показал язык Норду. Норд сморщил нос и вдруг тихо завыл: «У-у-у».

Жуков погрозил ему.

17

пропили. Шофер и я... — лицо Сенашкина налилось кровью, а на лбу набухли жилы.

— Так, понятно, — сказал я. — Значит, вы с горя пьянствовали и, услышав музыку... кстати, это «Лунная соната» Бетховена...

— Прямо по совести!.. По душе!.. Вот здесь заскребло! — Сенашкин рванул на груди рубашку.

— Ну, что же. Мне все ясно. Будем рассуждать логически. Слушайте. — Мысли у меня скакали. Я не знал, верна ли моя гениальная догадка, но отступить было поздно... — У вас на плечах есть голова... Так?

— Нет у меня ничего на плечах, — убежденно и мрачно заявил Сенашкин.

— Допустим, есть. Это называется гипотезой. Не мешайте мне думать логически! В голове у вас — мозг, — Сенашкин горько вздохнул. — В мозгу находятся нейроны — нервные такие клетки... А в них заложена всевозможная информация. Так?

Вдруг пластинка кончилась. Я вскочил и с досадой крикнул:

— Жуков! Коллега! Ну, что же вы! Быстро заведите симфонию!

Через несколько секунд заиграл оркестр.

— Разберемся, — продолжал я. — Шофер первый предложил вам охмурить колхоз или вы его уговорили?

— Он первый... Уговорил, гад такой! А виноват я! Я!

— Так он же запрограммировал вас! Правильно? А вы поддались, охмурили колхоз и стали пить водку. Зачем? Вот вопрос.

— Забыться чтобы... стыдно людям в глаза смотреть...

— Так вы же водкой заглушили правильную информацию! — пораженный, прошептал я. — А информация о том, как правильно поступать человеку в таких случаях, наверно, называется... совестью!

Тут оркестр сурово громыхнул. Сенашкин вздрогнул и съежился, как маленький. Я старался не потерять логический ход мысли.

— Хороши, голубчики! Он подло запрограммировал вас, а вы... да у вас же не сработала обратная связь! Понимаете? Например, электронная машина замечает ошибку и с помощью обратной связи ее ликвидирует. Самообучается на ошибках...

— Верно, — сказал Сенашкин. — Правильно объясняешь!

— Конечно, вам было труднее, чем машине. Машина не трусит и не пьет. А если ошибается, то ищет ошибку и исправляет ее. Но ладно. Вы все время мучились и никому не признавались. И вдруг музыка пробудила в вас правильную информацию, и вы заплакали. Так?

— Так. Но неужто — она? — спросил председатель.

— Конечно, она. А то кто же? Если бы не она, вы бы совсем заглушили в себе совесть и тогда...

— Каюк. Крышка Сенашкину, — сдавленным голосом сказал снабженец.

— Вам стыдно? Хорошо. Сейчас играет другая музыка. Что вы чувствуете?

— Вроде, легче становится. Хотя оркестр рубит, как начальство! Как народ на собрании... — Оркестр и вправду звучал чисто, мужественно и непримиримо... — Но не думай. Не боюсь! Тут еще хватит этой твоей обратной связи. Хватит! — Сенашкин снова ударил себя по груди кулаком.

— Обратная связь находится в голове, — заметил я строго.

— Это еще неизвестно! А из головы всю информацию про свою подлость на общем собрании выложу. Завтра же! — он совсем было осмелел, но сразу сник. — Боюсь... мука в глаза им смотреть. Мука!

— Видите, вы хуже машины. Но не бойтесь! — меня вдруг осенило. — Давайте, чтобы вам не было трудно и страшно, проведем опыт. Без него нельзя.

— Страшно! — замотал головой Сенашкин.

— Не бойтесь. Завтра. За остальное ручаюсь я. Верите в музыку?

— Как же не верить...

Мне показалось, что Сенашкин трезво и даже с хитрецей взглянул на меня.

— Музыка-то какая! Гром! Слезы! Дает Бетховен! Но и Сенашкин не трус. Временный пьяница, но не трус! А вы с Жуковым не якшайтесь. Хулиган он. Еще запрограммирует вас...

— Жуков помогает мне как коллега проводить опыты по влиянию музыки на рост гороха... Вы тоже можете нам поставить ряд опытов. Возможно, ваш колхоз передовым станет.

У меня в этот момент появилось столько планов, для проведения которых в жизнь нужна была помощь снабженца, что последние слова я сказал, сменив суровый тон на добродушный.

— Что ж, и на горох действует, вроде как на мозг? — заинтересованно спросил Сенашкин и улыбнулся.

Потом он пошел домой. Походка у него была прямая и твердая.

18

В счастливом настроении я прилег на мат.

Глаза Норда поблескивали в темноте, зеленые, неподвижные, смотрящие в одну точку.

А Норду что музыка? Все-таки это великая догадка насчет влияния музыки на пробуждение правильной информации, то есть совести...

Кибернетика и музыка! Можно расшифровать ход преступления! Вот так всегда случайная догадка приходит на помощь человечеству.

Мысли заскакали у меня в голове, но я заставил себя отвлечься от них, чтобы перед сном на сеновале поразмышлять обо всем как следует. Я прислушался к музыке.

Мне показалось, что в ней было робкое предчувствие победы.

Потом оркестр совсем притих.

«А правильна ли моя догадка? Вдруг — нет?..» И оркестр загремел: «Да! Да! Правильна!».

И мне было радостно и странно, что оркестр так удачно подстроился под мое настроение. Тут Норд весело рявкнул.

«Может, музыка успокоила его и он забыл, как спросонья потерял бдительность? И решил, что больше это никогда не повторится. Но у меня-то не от музыки хорошее настроение. У меня — от догадки. Вот если бы я сломал трактор или пропил огурцы, тогда и у меня на душе было бы противно, как у председателя и у Жукова, и так же мучила бы совесть, пробужденная музыкой. А я даже не слышу ее, когда думаю... Надо разобраться логически. Конечно же, люди, которые ходят в консерваторию на концерты, осознают свои ошибки. Но почему тогда мой отец любит музыку? Ведь совесть у него чиста. Я это точно знаю. Или дедушка? Тут что-то не то.

— Шеф! Будем джаз ставить? — прервал мои размышления Жуков.

— Да, коллега, проблем у нас с вами возникает все больше и больше, — сказал я, не заметив, как кончилась симфония.

— «Пятая» — тоже сила! — сказал Жуков с восхищением. — А всего у него девять.

«Ого!» — подумал я.

Когда мы переносили проигрыватель к джазовым грядкам, Жуков старался спрятаться за меня и с опаской поглядывал на дедушку.

— Записывали что-нибудь? — спросил я.

— Темно. Я думал, — сказал Жуков.

— О чем?

— Так... скучно в деревне... убегу в город. Там машины, заводы, а тут — как до нашей эры. Надо в город мотать. Бетховен уже в тринадцать лет композитором стал. Или взять вас... А я что?

Дедушка, как только заиграл джаз, ушел домой.

— Мы еще проведем такие опыты, которые и не снились в городе, — заверил я Жукова.

Вдруг Норд залаял, подбежав к забору.

— Опять танцуют, — сказал Жуков.

Я залез на забор, но не смог разглядеть лиц танцующих, потому что от белых цветов кустарника темнота казалась еще гуще. В ней только белели рубахи парней и оранжевый огонек папиросы метался в такт музыке и, вспыхивая на секунду, освещал склоненное к плечу парня лицо девчонки.

Эта пара танцевала совсем близко от забора и не замечала меня. Я услышал, как девушка мечтательно шепчет:

— Вон — Медведица... Дракон... Персей... Орион... Андромеда, видишь? Мы танцуем на земном шаре... Понимаешь? А вокруг небо. Голова кружится, кружится... вон Лира... не прожги мне платье.

— Ах ты, моя Андромеда! — басом сказал парень и откинул в сторону сигаретку. Огонек мелькнул в темноте и упал недалеко от меня, зашипев в росе.

«Странно, — подумал я, усмехнувшись, — дрыгают ногами, а сами о звездах думают. Какое тут влияние джаза?»

Было уже поздно. Мне не терпелось поскорей залезть на сеновал и перед сном обдумать как следует факты, противоречащие моей основной догадке о влиянии серьезной и легкой музыки на людей.

Только я не выдержал и рассказал Жукову про снабженца.

— Скорей бы завтра! Неужели он выступит на собрании? — удивился Жуков.

— Только никому ни слова, — попросил я.

Пока играли фокстроты, танго и вальсы и самбы и ребята танцевали, я засмотрелся, склонившись над грядкой, на тонкие, едва заметные на темной земле стебельки гороха и чувствовал ни с чем не сравнимое волнение, как будто стоял на пороге тайны.

Ведь происходит что-то! Происходит! Новые колеба-

ния будоражат ДНК и РНК или еще что-нибудь. Темно, а молекулам, наверно, весело от музыки, как от солнца, и клеток становится все больше и больше... Если бы я мог заметить рост стебелька и листьев! Вот! Вот! Они растут прямо на глазах, как в кино!.. Нет. Это только кажется...

— Есть что-то охота, — Жуков вытащил из-за пазухи кусок черного хлеба, два крутых яйца, и у меня первый раз в жизни при виде еды потекли слюнки.

Мы поделились с Нордом, нашли на ощупь лук и укроп, и было здорово, как никогда, есть согретый за пазухой хлеб и чувствовать, как терпко щечечет в

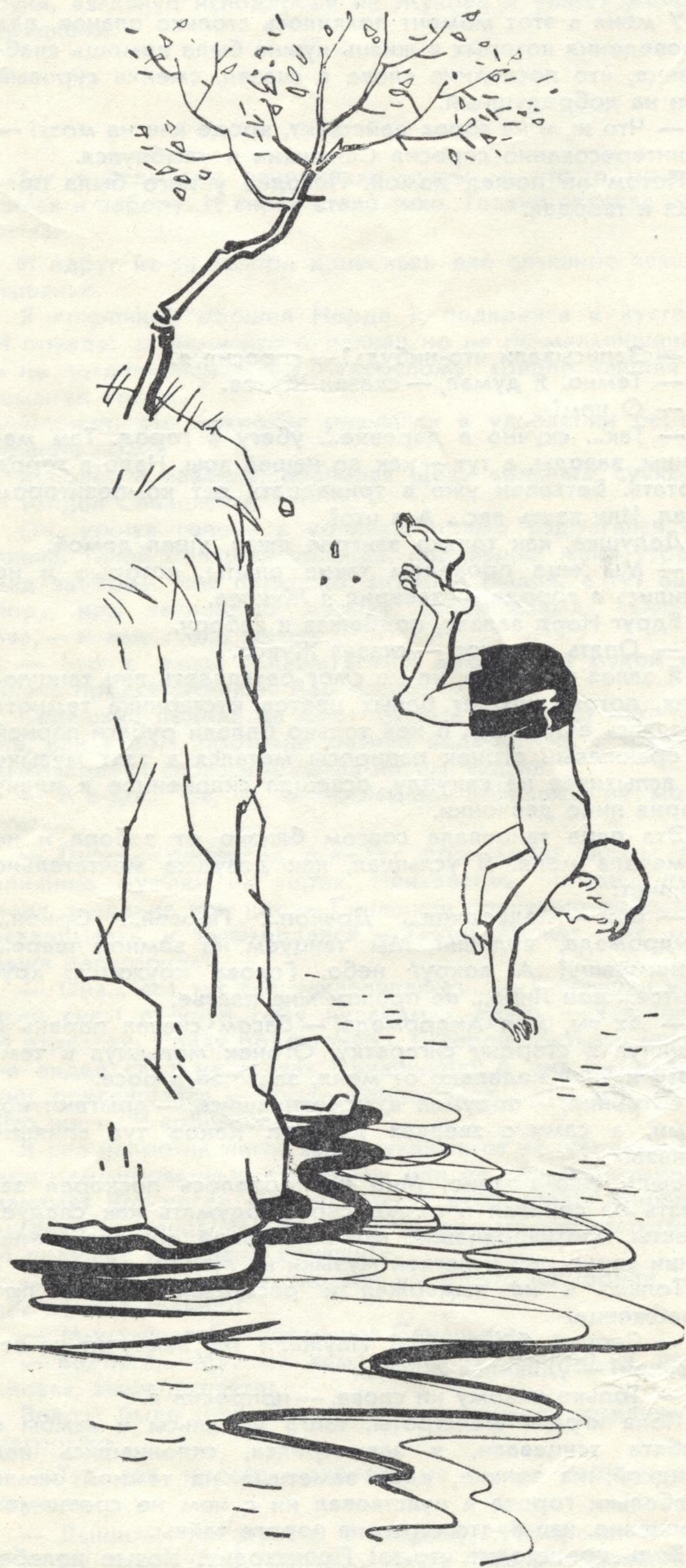
горле от запаха укропа и сладко сводит скулы от нежного вкуса мокрых стрелок зеленого лука.

— Зря вы, коллега, сердитесь на деревню. Вот Пушкин писал: «Приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья...» Я это начинаю понимать, — сказал я.

— Какие здесь для меня труды и вдохновенья? Одно спокойствие, — возразил Жуков.

Он ушел, а Норд неслышно бежал за ним.

«У, какой длинный и полезный день!» — подумал я, улегся в свое гнездышко на сеновале и, не успев ни о чем поразмышлять, сразу же уснул.

19

Утром меня разбудил Жуков. Дедушки дома не было.

Небо затянуло тучами, было прохладно, и мы, чтобы согреться, наперегонки побежали на пруд.

Жуков с разбега почти бесшумно нырнул, вытянув перед собой руки ладошка к ладошке, только круги пошли по зеленой воде, а под водой торпедой мелькнуло его загорелое тело, — над ним цепочкой тянулись белые пузыри.

Я тоже нырнул с разбега, но только неловко плюхнулся животом в воду. Меня сразу отнесло от берега, и я с головой ушел под воду.

Я даже не успел закрыть глаза, но, к счастью, задержал дыхание и в первый миг не смог сообразить, что вокруг меня не воздух, а вода, светлая над головой и жуткая, зеленомглистая снизу.

«Вот и все... — подумал я, выдохнув весь воздух, — вот и все...» У меня перед глазами мелькнул живой серебристый малек, и сам не знаю как, вдруг, когда коленки уже стали подгибаться, а грудь разрывала страшная тяжесть, я оттолкнулся ногами от дна, вынырнул, глотнул побольше воздуха, забарахтался, но не мог закричать от страха, перехватившего горло, и опять пошел на дно.

Все же я не закрыл глаза и успел стать лицом к пологому светлому берегу, и все во мне кричало: «Нет! Нет!» И я еще раз оттолкнулся ото дна и с удивлением почувствовал, что плыву, плыву! И в этот момент чуть не захлебнулся, но кто-то дернул меня за волосы и протащил вперед.

Я встал, обессилев, на коленки и увидел Жукова. Он размахивал руками и ругался, но я ничего не слышал. В ушах звенело, а от страшной радости хотелось плакать и, сидя вот так в воде, смотреть на небо, затянутое тучами, и на прибрежную траву и просто — дышать. Откашлявшись, я сказал:

— Спасибо, коллега. Никогда не забуду.

Я презирал себя за то, что, стоя на дне, подумал: «Вот и все. Вот и все...»

«Спасибо инстинкту самосохранения. Что бы было со мной, если бы он не сработал вовремя? Действительно, чахлое у меня тело... Но я тебя научу плавать! Я тебе такое устрою! Тебя еще не так заломит, как от дров и коромысла! Помни мое слово! Ты узнаешь, что значит быть телом! Я разовью твои руки и ноги. Лучше пусть моя голова будет находиться на широких, как у Жукова, плечах, чем на твоих худых и узких. Вот сиди в воде и мерзни!»

— Ладно. Не переживайте. Я три раза тонул. Вылезайте! Губы посинели.

— Нет! — крикнул я, ударив кулаком по воде. — Не уйду отсюда, пока не научу его... пока не научусь плавать. Не может быть, чтобы мое худое тело было тяжелее вытесненной им воды! По Архимеду! Что надо делать?

— Ну, что? Дышать ровно. Ногами и руками болтать, — сказал Жуков. — Вот так — по-собачьи. Только лучше не сейчас.

Но я, стоя лицом к берегу, уже отходил назад в воду и, когда мне стало по подбородок, оттолкнулся от дна, по-собачьи гребя руками.

Казалось, Жуков идет навстречу мне, но это я сам плыл, набрав побольше воздуха и не дыша и не веря, что плыву, и поверил только тогда, когда сучок на дне царапнул по животу и руки по локоть ушли в мягкий ил.

— Жуков! Я плыл? Ведь я плыл? — спросил я, все еще не веря.

— Плыл. Только хватит на первый раз.

Но я снова зашел поглубже и поплыл вдоль берега, стараясь не волноваться и все равно, захлебнувшись от радости и удивления, наглotalся воды и с трудом доплыл до берега.

По дороге домой я, стуча зубами от холода, сказал Жукову:

— Давайте договоримся, коллега. Вы мне поможете усилить тело, а я вам помогу разобраться в кибернетике. Противно ведь иметь такое слабое тело.

— Идет! — сказал Жуков, — бежим!

Окончание следует

Н Е М А Я   Р А Д У Г А

Н. Шорин

Это было 13 августа 1966 года. Мы, двое спиннингистов, случайно сошлись к ночи в маленькой избушке моего старого знакомого — Кощеева.

— Переночевать пожалуйста! — пригласил радушный хозяин.

На рыбалке и охоте сон короткий. Часа в три, как только поседел восток, мы были на ногах. Наскоро подогрели вечернюю уху, вскипятили чай, бурый и ароматный от смородиновых веток, вышли на берег покурить. Я посмотрел на блеклую осеннюю зорьку, потом на гаснущие звезды и удивился: от зари к юго-западу

небо прямехонько перерезано белесой тонкой полоской.

— Реактивный самолет, видимо, дорожку оставил, — сказал товарищ.

Мы сидели, разговаривали обо всем. Через несколько минут, когда я вновь обратил внимание на небо, там проступило еще несколько таких полосок. Ничего не говоря собеседникам, я стал наблюдать за необычным явлением. И странно, через очень короткое время все небо было исполосовано частыми линиями, словно разлинованная бумага, но только теперь линии принимали различные оттенки солнечного спектра.

— Что бы это могло быть? — спросил я.

Хозяин — старый рыбак и охотник, — посмотрев на небо, коротко бросил:

— Немая радуга.

— Что, что? — не понял я.

— Туман, — сказал он. — Первый после погожих теплых дней верховой туман.

— А дождя не будет? — озабоченно спросил второй спиннингист.

— Посмотрим, — усмехнулся хозяин, еще раз взглядываясь в меняющиеся небесные линии. Потом, отрицательно потрянув головой, ответил: — Нет. Он спускается.

И в самом деле, как только мы вышли к Ветлуге, на лес, песок и воду пал ватный туман. Он был настолько густ и холоден, что я вынужден был поднять капюшон куртки, как при дожде. Руки мерзли. Туман стоял недолго. Он опускался на землю мельчайшим холодным дождиком. С кустов закапало.

«Но почему Кощеев назвал его немой радугой?» — думал я. И словно разгадку, заметил на капюшоне радугой сверкнувшую каплю. Этого было достаточно. Я понял: радуга от дождя бывает чиста красками, горюлива. Эта же — тусклая, блеклая, немая.

«Вот он изобретатель-народ, — думал я. — Не только строитель, но и поэт душой».

Единоборство кита с танкером

Три года назад экипаж советского танкера «Акшат» наблюдал «шалость» морских китов. Вначале киты шли параллельно курсу корабля. Потом, как по команде, стали нырять под его корпус. На «Акшате» ощутили удары и толчки. Судно вздрагивало каждый раз, когда исполинский «шалун» наталкивался на металлическую обшивку. Состязание продолжалось до тех пор, пока один кит не получил смертельного удара.

Обезьяний словарь

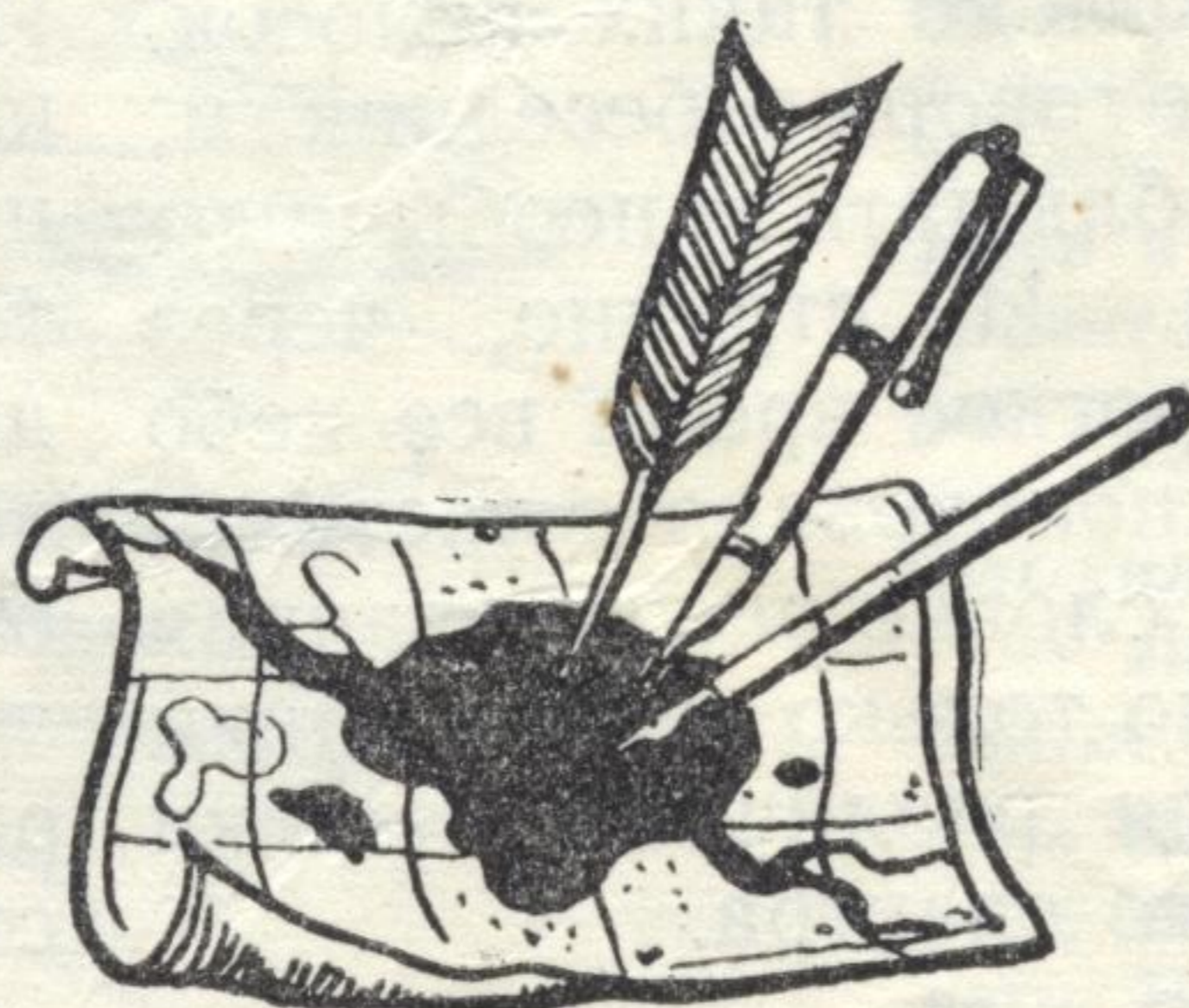
Английские ученые записали на магнитофон звуки, произносимые... обезьянами. Собрание магнитофонных лент с записями таких звуков стало как бы первым обезьяньим словарем. Составители утверждают, что «обезьянью речь» можно перевести на человеческий язык и делают первые «переводы».

Обитатели глубин

Несколько десятилетий тому назад ученые считали: придонные области больших океанских глубин почти необитаемы. После новых глубоководных исследований с борта судна «Витязь» этот взгляд пришлось пересмотреть. Донные тралы доставили ученым ранее невиданных многоклеточных животных. Теперь науке известно 850 видов глубоководных обитателей.

Самая большая в мире клякса

...расположена вблизи алжирского города Сиди-Бель-Аббес. Дело в том, что это — озеро, в которое впадают две реки. Вода одной богата солями железа, в другой — много нефти. Смешиваясь, они превращаются в превосходные чернила.

Полярники спасли вазу

Прекрасную порфиновую вазу в Летнем саду в Ленинграде чуть не разорвало льдом. Дренажная трубка для стока дождевой воды из вазы засорилась. Ваза доверху наполнилась водой, которая с наступлением холодов замерзла. А как в замкнутом сосуде — в вазе возникло давление в несколько сот атмосфер. Такое давление способно разорвать самую прочную оболочку.

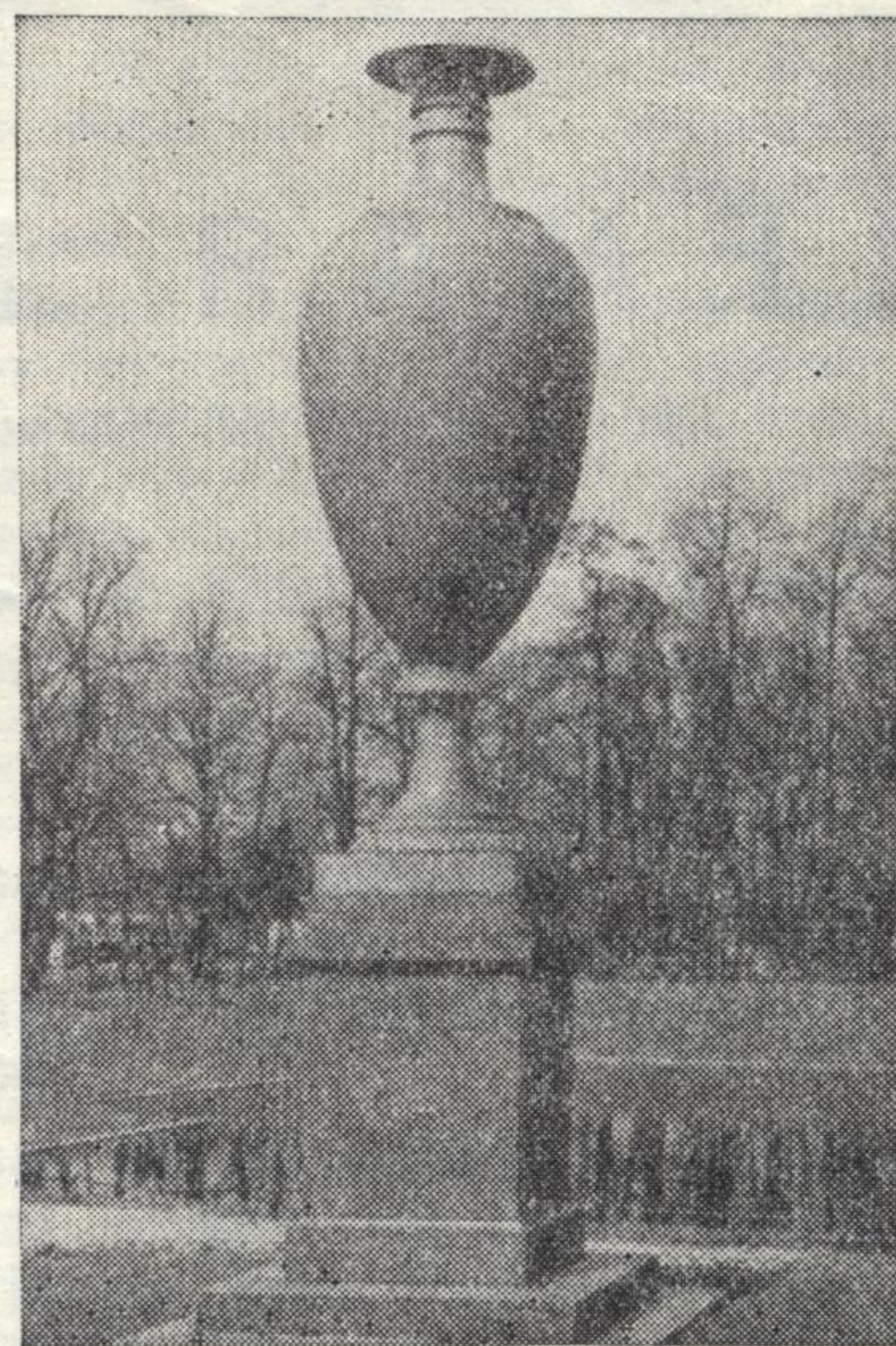
Как же спасти вазу?

...Вокруг вазы построили деревянные леса, а в ней самой пробурили широкий колодец. Приспособление бур сконструировал Н. Черепанов, сотрудник института Арктики и Антарктики.

Когда бур вошел в лед на 40 см, раздался глухой взрыв. Чем глубже бурили, тем чаще раздавались взрывы. Бур погрузился на 70 см — и из вазы полетели куски льда. На глубине около метра бур уперся во что-то деревянное, видимо, в крышку, когда-то прикрывавшую вазу.

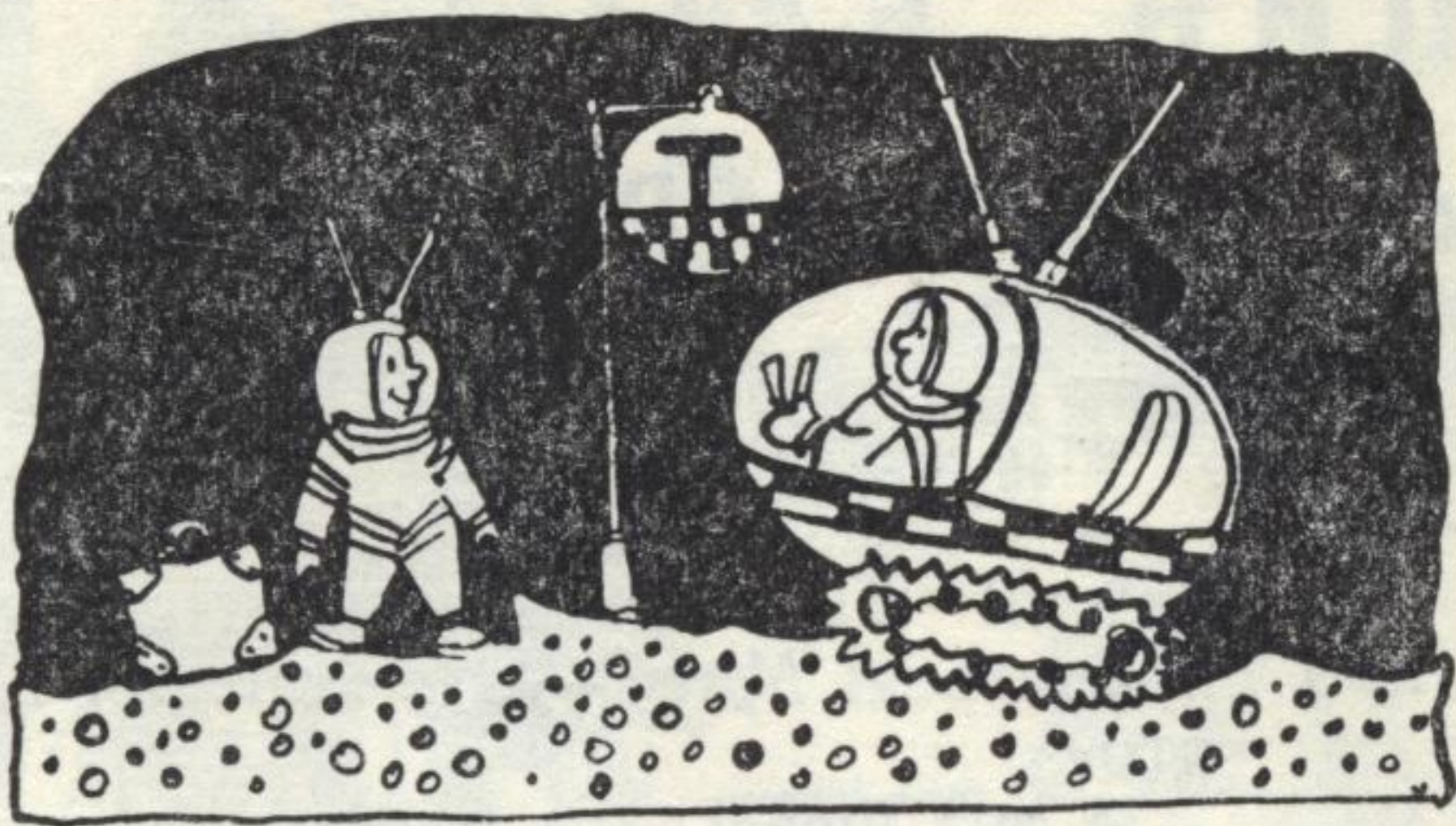
Колодцы пробурены, взрывы становятся все слабее, давление исчезло, ваза очищена ото льда.

Кусочки необычного льда переданы в исследовательскую лабораторию арктического института.

Молотком по... сыру

Голландец Мийнтерс — большой специалист сыроварения. Чтобы узнать, какого качества эдамский сыр, ему стоит выстучать сыр молотком. Правда, кроме молотка, этот человек вооружен исключительным слухом и обонянием.

Лунное «такси»

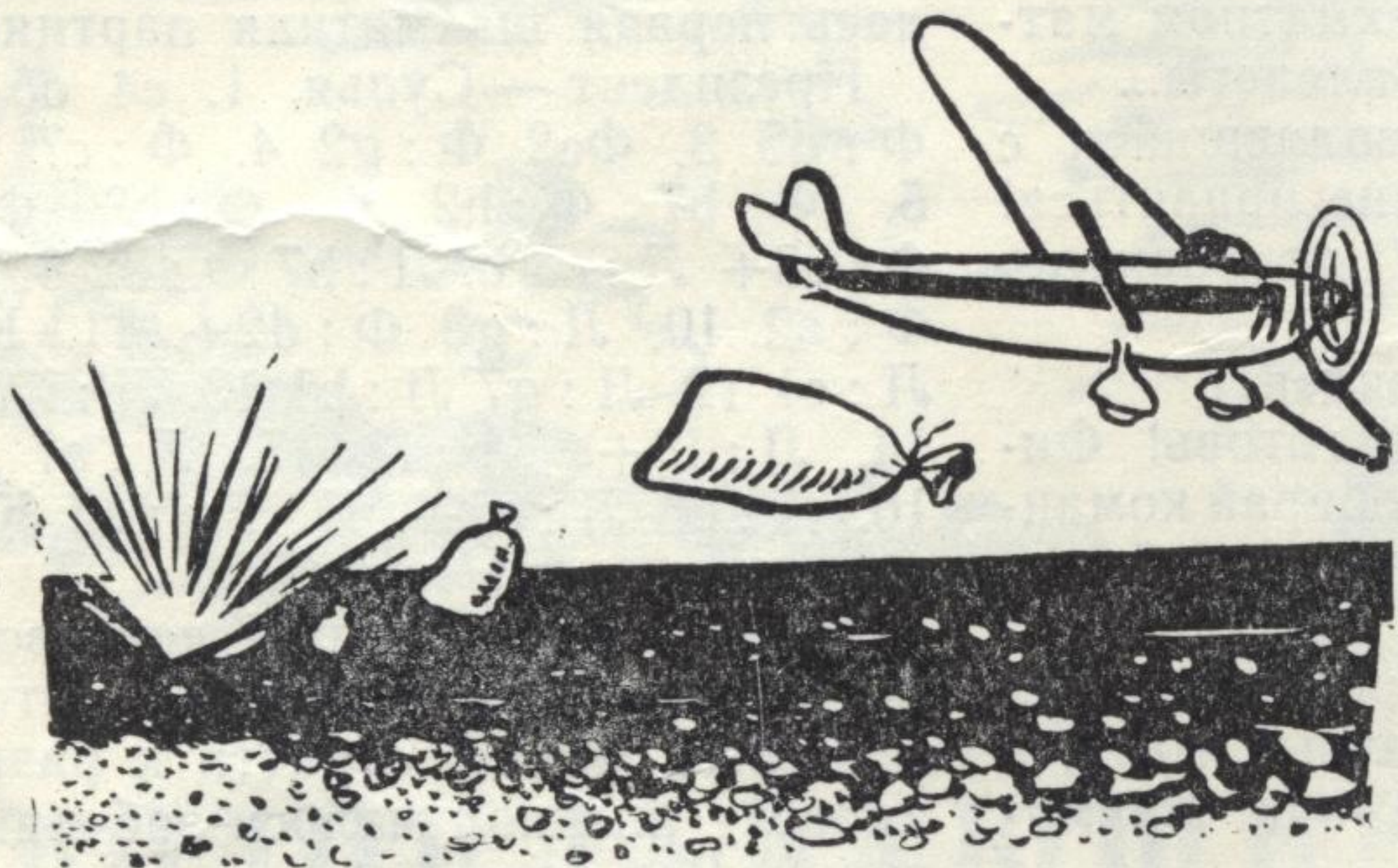
В США ведутся работы, связанные с высадкой космонавта на Луну. Даже предложен проект... лунного такси, машины, рассчитанной только на двух пассажиров.

Вот это кровь!

Известно, что у людей кровь бывает четырех основных групп: А, Б, АВ и нулевой. В больницах всегда есть запас ампул с кровью доноров. Это необходимо при операциях, связанных с переливанием крови.

В последнее время медики открыли совсем редкие группы крови. Кровь группы «WE-B» обнаружена только у семи человек на земном шаре.

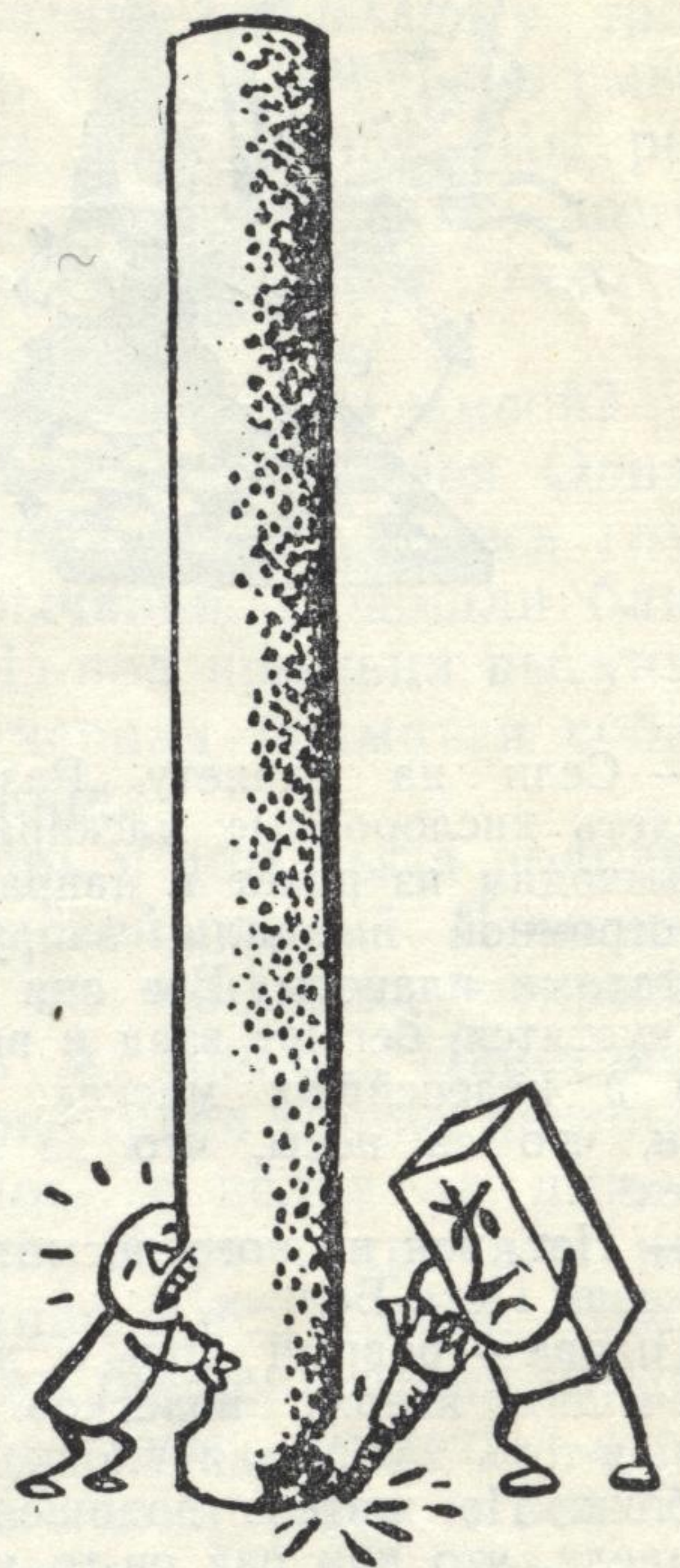
С группой крови RH известны только две девушки: одна живет в Америке, другая — в Австралии.

Это не поле битвы

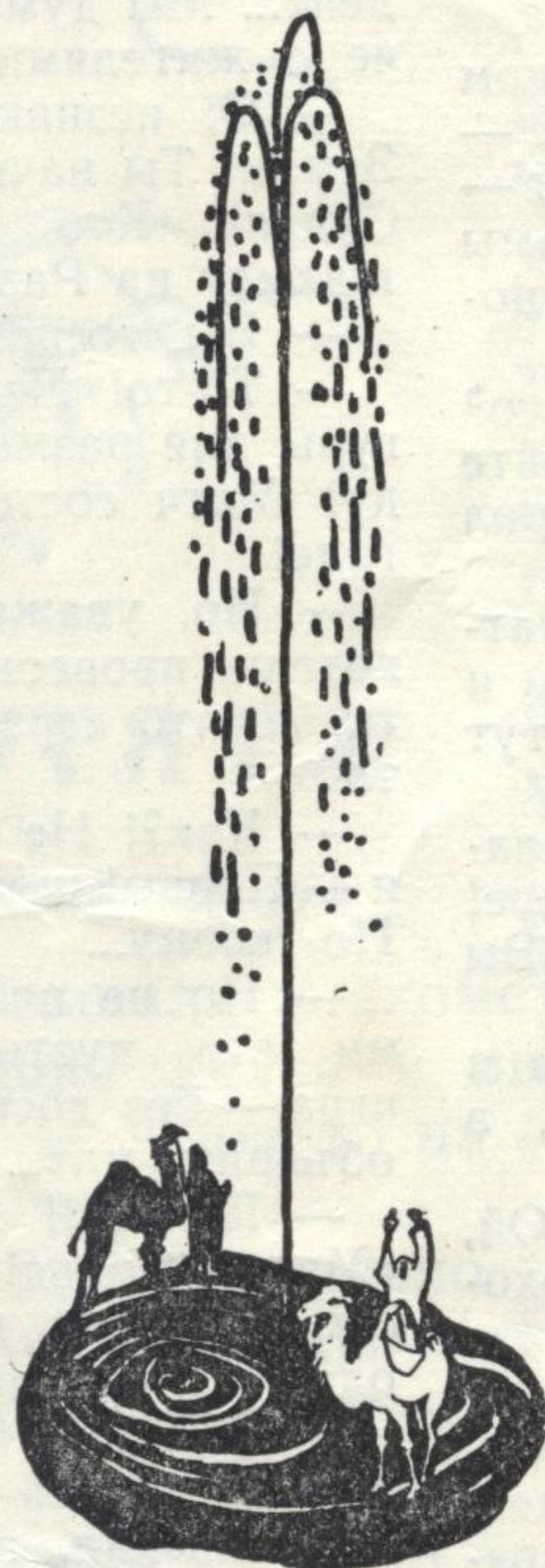
Взрывы слышны издали. То здесь, то там поднимаются веера дыма и пламени. Идут на бреющем полете самолеты...

Так грозно выглядит нынче битва за урожай. Чехословацкие ученые, вдобавок к распылению с самолета, открыли еще один выгодный способ рассеивать удобрения на полях: под мешок с удобрением закладывается пакет взрывчатки...

Сахарная агрессия

Не думайте, что сахар... безопасен. На сахарном заводе знают, что сахар не только сладок, он агрессивен: сахарные растворы могут разъесть цементный пол. Могут подточить колонны, поддерживающие перекрытия цехов. Конечно, не сам сахар, а различные кислоты, образующиеся при брожении сахарных растворов.

Озеро под Сахарой

Пресноводное подземное озеро обнаружили под Сахарой. На глубине 400 метров достаточно много воды: когда пробурили скважину, фонтан достиг высоты 80 метров!

Холод не убивает

Еще недавно биологи были уверены, что низкие температуры губительны для живых существ. Этот распространенный взгляд подвергли сомнению советские ученые. Был проделан опыт: усыпили мышь и положили ее в ванночку, наполненную жидким азотом. Температура его почти -200° .

Казалось, мышь замерзла: сердце ее перестало биться, дыхание прекратилось. Но стоило перенести мышь в тепло, и она ожила. Значит, жизненные процессы под воздействием холода только замерли, но не прекратились. Это очень важный для науки вывод.

ОПЕРАЦИЯ „64“!!!

Первая партия на планете Разменной

— Сели на планету Разменную! Надеть кислородные маскприборы!

Выходим из ракет и направляемся к огромной площади, запруженной жителями планеты. Все они почему-то суетятся, бегают взад и вперед, и все в нелепейших масках. Что за уши, что за носы, что за глаза — смех!

— Нет, вон на кого посмотрите! — показал Петя Белкин.

Голова — ровный шар с десятком торчащих кверху волосков. Нос — точь-в-точь звонковая кнопка. Рот — бублик. Но житель подошел, и мы увидели, что как раз он-то и не носил маску!

— Что на что? У вас уже ничего? Проиграли? Выбываете! Снимайте маски! — по-странному затараторил инопланетчик.

— Позвольте, — возразил шахмат-адмирал. — Мы ни с кем не играли и не проигрывали. И вообще: что тут происходит?

— Не притворяйтесь! Любой младенец знает! О шахматном турнире! Проиграли — покиньте площадь! Вы что — с Земли свалились?!

— Во, во! Мы как раз с Земли и свалились! Вернее, не свалились, а приле...

— Ой, не могу! Ой, умора! Ой, свалились с Земли! Ой... — он хохотал, а Ферзьбери все повторял, что мы — с Земли.

— Да что вы заладили! «С Земли, с Земли!» Любой младенец знает! На Земле — кислород! Жизнь невозможна! Проигравшие! Именем повязки Судьи Турнира! Предлагаю снять маски!

— Но, уважаемый Судья! Наши маски — кислородные, и без них мы сразу задохнемся.

— Детали не имеют значения! Соблюдайте турнирные правила! Президент фокусов не любит! Подчинитесь или докладывать?

Судья отправился к Президенту... Ну и «шахматный турнир» здесь! Смех! Участники с кулями фигур и пешек носятся по площади, уговаривая друг друга обменяться:

— Меняю новенького слона! Меняю совсем новенького слона! На коня плюс две пешки!

— А почему плюс две, дорогой? Что твой слон весит? Меньше трехсот граммов! Плюс две пешки — не дам!

— Ну, дай хоть полторы. И про коня не забудь!

— Эй! Кому ладью тяжелую? Кому ладью тяжелую? За легкого ферзя! — предлагал другой.

— Отдам белого короля за черного! — выкрикивал третий. — А черного короля отдам за белого!

Вскоре Судья вернулся и повел нас к ложе, из которой турнир наблюдал сам Президент планеты Разменной.

— Наш Судья доложил! Вы уверяете, что с Земли! Допустим даже недопустимое! На Земле жизнь — вы свалились! А зачем?

— Видите ли, уважаемый Президент... Мы думали о шахматном матче с жителями вашей планеты...

— О, незнакомец! Свалившийся с Земли! Ты начинаешь мне нравиться! Судья! Кто Первый покровитель шахмат на Разменной?

— Вы, господин Президент!

— То-то! Незнакомец, готовь! Фигуры для разменов! И собирай команду! Матч состоится! При любой погоде!

— Но, уважаемый Президент. Мы хотели провести шахматный матч, а то, во что играют у вас — не шахматы.

— Как?! Не шахматы?! По-твоему, я — Первый покровитель не шахмат?! По-твоему...

— Но не назовешь ведь шахматами эти пустые размены! Что за игра — без доски, без шаха, без цели объявить мат...

— Постой!! «Шах», говоришь? «Мат»? Судья! Не за эти ли самые слова? Отец моего отца! Зажарил одного пришельца!

— Именно, господин Президент! За эти самые!

— Слышал, незнакомец? Будет несправедливо! Если за одни и те же слова! Кого-то зажарили! А кого-то не зажарят! Я так не могу работать!

— Но, уважаемый Президент! А что же будет с нашим матчем?

— О, незнакомец! Свалившийся с Земли! Ты мне опять! Начинаешь нравиться! Матч — это хорошо! Но во что?

И тут Ферзьбери расставил шахматы и объяснил все-все.

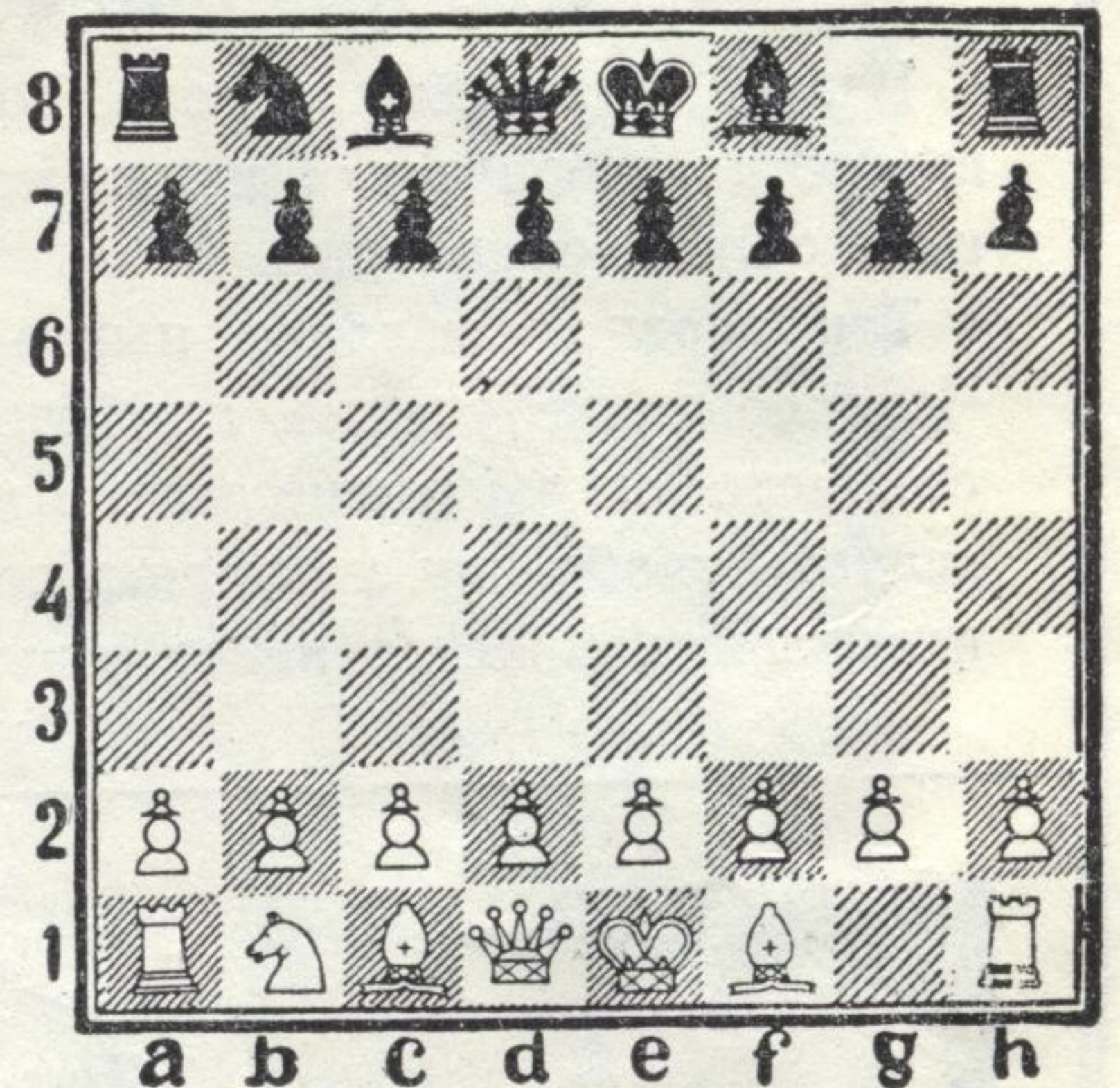
— А что касается разменов, — заключил он, — то учтите: фигура ценится не за вес, а за подвижность. Конь равноценен трем пешкам. Слон быстроходнее, но в цене равен коню, так как ходит по полям лишь одного цвета. Ладья приравнивается по силе почти пяти пешкам. А молниеносный ферзь — даже девяти.

— А что, Судья? Не сыграть ли на доске? — сказал Президент.

И на планете Разменной состоялась первая шахматная партия!

Президент — Судья. 1. c4 d5 2. cd Ф:d5 3. Фс2 Ф:g2 4. Ф:c7 Ф:g1 5. Ф:b7 Ф:h2 6. Ф:b8 Фе5 7. Ф:c8+ Л:c8 8. Л:h7 Ф:b2 9. Л:h8 Ф:a2 10. Л:g8 Ф:d2+ 11. Кр:d2 Л:c1 12. Л:g7 Л:b1 13. Л:f7 Л:f1 14. Л:f8+ Кр:f8 15. Л:a7 Л:f2 16. Л:e7 Л:e2+ 17. Кр:e2 Кр:e7. Согласились на ничью.

А уже на следующий день все жители Разменной играли в настоящие шахматы. Из-за страсти к разменам много у них получалось забавных позиций. Вот одна:

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий операцией «64», приказываю:

§ 1. Шахматным ракетчикам — 1) показать ходы, приведшие к положению на диаграмме (известно, что было сделано не более пяти ходов); 2) найти мат в три хода — белые: Крс1, Ла8, па7; черные: Кра1, Чh7, пп.с2, г6; 3) найти ничью за белых — белые: Крe1, Са4; черные: Крг2, Кh4, п.г3.

§ 2. Юнгам — играть, играть и играть!

§ 3. Шашечным ракетчикам — найти выигрывающую комбинацию за белых — 1) белые: с3, d2, f2, g3, h2, h4; черные: а5, d8, е5, е7, f4, g7; 2) белые: с1, с3, d2, d4, е3, е5; черные: а3, а5, е7, f6, g5, g7.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ КОТЯТА

М. Сибирцева

Рисунок Е. Захарова

В то лето наш отряд состоял из пяти человек.

На двух лодках мы выплыли из поселка, где находилась база экспедиции, и в тот же день воды реки Тынды вынесли нас в стремительный Гилюй — приток могучей Зеи. Наш лодочный маршрут проходил по таежным ненаселенным пунктам. Лодки у нас были небольшие, но основательно нагруженные.

Настроение держалось приподнятое: длинный лодочный маршрут среди дебрей Амурской области сулил неожиданности.

С первого же дня мы втянулись в обычную походную жизнь. Поднимались рано, дежурный готовил завтрак; мы собирали палатки, спальные мешки, грузили наш скарб в лодки и плыли дальше по капризному Гилюю. Днем мы приставали к берегу, чтобы приготовить нехитрый обед и съесть его в тени прибрежных скал. Стоял знойный июль.

Однажды, приближаясь к устью ключа, носившего название Фарт, — свидетельство былой удачи какого-то приискателя — мы еще издали увидели на высоком берегу дом и

протопанную к нему тропинку. Кроны деревьев смыкались над тропой. Мы решили подняться к дому. Около дома было тихо и пусто.

— Эй, есть кто живой?

Никто не отозвался. Однако откуда-то донеслось глухое рычанье. Подошли ближе. Из-под крыльца высунулась черная лохматая собачья морда.

Дверь в дом была подперта толстой палкой. Я поднялась на крыльцо, открыла дверь и вошла. Навстречу мне рванулся тощий пестрый котенок, а вслед за ним — второй. Котята кричали настойчиво и испуганно. Дом с голыми бревенчатыми стенами был пуст. Дощатый стол и две лавки — вот и все его убранство. И никаких признаков жизни. Никаких остатков пищи или воды в плоских консервных банках на полу.

Мы обогнули дом, обошли поляну. Котята бежали за мною, я взяла на руки одного, потом и другого. Мои спутники в это время за-

вязывали знакомство с собакой. Пес наконец зашевелился и вылез из-под крыльца.

— А пес-то на цепи! — воскликнула Рита. — Зачем же?

Действительно, о чем думали люди, оставившие здесь живых существ и ушедшие отсюда надолго или даже навсегда?

Пес был очень лохматый и тощий. Черная выющаяся шерсть, длинные свисающие уши... Значит, пес сродни спаниелю. Он не лаял, не рычал, были в его облике обреченность и смирение. Голоден. Рита, раздумывая, побежала к лодкам: в карманах ничего не нашлось.

Вскоре пес, уже отвязанный, жадно хватал куски черствого хлеба, а котята смолкли, прильнув к банке с разведенным сладким молоком.

«Как же быть дальше, — думала я. — Куда их деть?»

Наевшись, котята сели и стали неловко умываться. Пес облизывался, благодарно глядя на людей.

— Ну что же, пора ехать, пошли!

— А как же они? — Гоша удивленно уставился на меня.

— Как? Как были, так и будут. Распустили нюни, — проворчал Петр.

Мы стали спускаться по тропе. Пес резво бежал следом. Котята, не двигаясь, смотрели на нас.

«Ну, что же вы, котята-ребята? Так и будете сидеть?» — негодовала я.

— Конечно, всех бы взять надо, да лодки загружены и перекатов много. Куда ж с ними, — это рассуждала Рита вслух.

— Собака может берегом бежать, а котята все одно утонут, — сказал Геннадий. — Да и хлопот с ними не оберешься. Пусть остаются, прокормятся как-нибудь, — неуверенно добавил он.

Я оглянулась. Оба котенка неуклюже бежали по тропе.

— Вот молодцы, вот так давно бы! — обрадовалась я.

Мы пошли к лодкам. Котята мяукали и неотступно следовали за нами.

— Ну, как же так! Надо двигать!

— Пса можно бы взять, он пригодится. А эту мелюзгу — ни к чему. Камни-то куда останутся складывать?

За многие годы скитаний у меня перебивали разные собаки. Одни выносливо шли за караваном груженных оленей, другие плыли на лодках или плотках, участвуя «на равных» в речных маршрутах. Всегда это были надежные спутники. А кошки — что?

Я поместила пса на брезент поверх груза и стала отталкивать лодку. И тут случилось невероятное. Котята решительно направились к лодкам. Вот они вошли в воду, вот замочили лапки. Это их не остановило, они упрямо двигались к нам. Вот мелководье заставило их плыть. Это было поразительно, эти героические усилия! Тут сдались все.

Судьбу котят решили без споров. Дальше поплыли ввосьмером.

Псу придумали имя сразу — Карак, черный, значит. А над кошачьими именами поломали голову:

— Аяксы!

— Бродяги!

— Утопленница!

— Стоп, хватит. Будут просто Шура и Мура.

С первого дня плавания стало ясно, что Шуры-Муры беспокойный народ. Они лихо прыгали в лодке, норовя выпрыгнуть за борт. Пришлось привязывать их веревочкой, на случай, если не усмотрим за их маневрами.

Котята вполне освоились с походной жизнью. В лодке они чаще всего спали, уткнувшись мордами в мягкую шерсть Карака.

Мы начали работу, стоянки стали длительные, и твердо установился распорядок дня.

Шуры-Муры тоже привыкли к порядку.

Между собой они жили дружно, были неразлучны и заботились друг о друге. После обеда любили умыть друг другу мордочки, и выглядело это очень забавно.

Бывало, придем из маршрута усталые, нередко еще и промокшие, с рюкзаком за плечами, посмотрим, как веселятся неунывающие Шуры-Муры, и теплеет у нас на душе.

Осенью мы чуть не лишились Шуры. Нам предстояло проделать обратный путь; пополнить запас бензина, да и продукты подходили к концу. Пришлось одну лодку с бензином отправить в ближайший поселок, а мы, втроем, продолжая работать, поднимались вверх бечевой. Местами течение было бешеное, вода крутилась и пенилась. Немалого труда стоили каменистые преграды на Гилюе. Обычно один стоял в лодке, а двое шли берегом и тянули лодку. Здесь нужна была не только сила, но и сноровка, и осторожность.

На одном таком перекате в лодке стоял шестом Гоша, а мы с Ритой тянули бечеву. Вдруг слышим, Гоша старается перекричать шум реки. Что это? Шурка вылезла из лодки и устремилась по толстой, туго натянувшейся бечеве. Гоша хотел достать ее с лодки, но руки не хватило.

...Шурка переворачивается и повисает над пенящейся рекой брюхом кверху. Она судорожно обхватывает канат четырьмя лапами над самой водой. Я кричу Рите: «Держи крепче!», — мы стараемся подтянуть лодку ближе к берегу, а Шурка раскачивается на канате, как маленькая обезьянка, и кричит отчаянно. Ясно: если Шурка не удержится, река закрутит ее и разобьет о камни.

— Удержишь лодку?!

— Удержу! — кричит Рита.

Гоша пытается задержать лодку шестом.

Не теряя из рук бечевы, я вхожу в воду и двигаюсь к Шурке. Лодка уже подтянута ближе к берегу, но вода бьет со страшной силой и едва не валит с ног. Вцепилась в канат, зная, что если выпущу из рук, то течение тут же подхватит меня. Когда добираюсь до Шурки, вода уже почти отрывает мои ноги от грунта. Я протягиваю руку, Шурка спасена. Двигаемся к берегу, Шурка больше не кричит...

Вот, пожалуй, и все. Так и стали путешественниками два забавных «водоплавающих» котенка. А проделали мы в то лето длинный маршрут по реке с коварными перекатами, на которых многие терпели бедствие.

Чудаки утверждали потом, что удачу нам принесли Шуры-Муры. Мы смеялись, но до конца полевых работ не расставались со своими питомцами.

Библиотека

КОСТИ

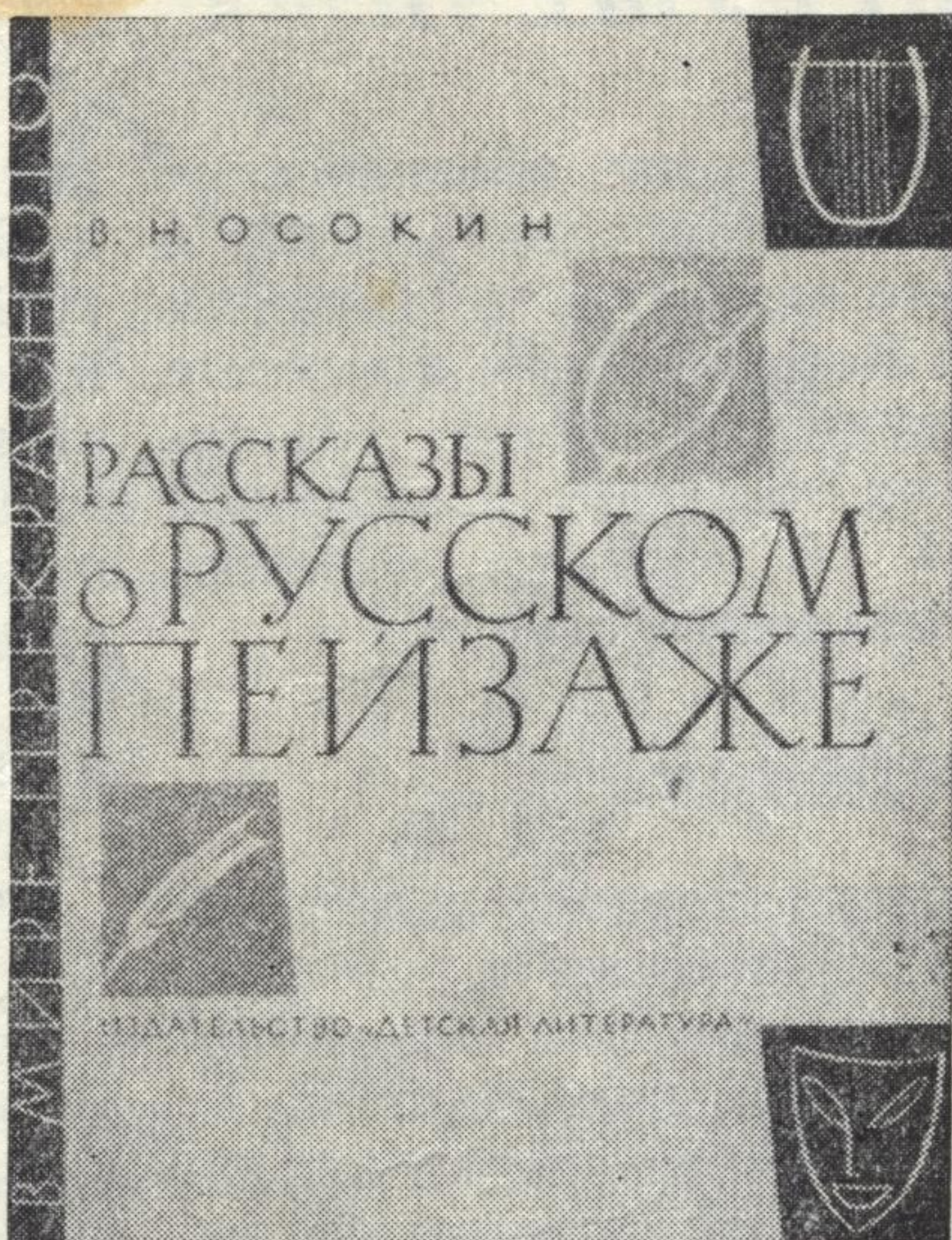
ТЕРКИНА

Перелески, овраги, поля, долины, дубравы — разве не прекрасна родная природа?

Передать ее прелесть умели замечательные русские художники-пейзажисты — Саврасов, Левитан, Шишкин, Айвазовский, Куинджи. И каждый изображал природу по-своему, так, как он ее видел.

Но для того, чтобы «видеть», надо знать природу. Шишкин, например, никогда не переставал пристально изучать ее. Он, как ботаник, мог сказать, какое строение коры у одной породы дерева, какая расцветка листьев, форма лепестков, как располагаются жилки листа.

«Рассказы о русском пейзаже» В. Осокина знакомят с мастерством лучших русских художников.

Знать природу полезно каждому из нас. Особенно, если человек собирается на экскурсию или в поход. Ведь кто больше знает, тот больше и увидит. Много интересного почерпнет тот, кто прочитает новую книгу Н. Верзилина и В. Корсунской «Лес и жизнь». В ней говорится, как растет лес, какой лес на севере, на юге, кто его населяет, что дает он человеку. Это настоящая

энциклопедия леса. И тот, кто прочтет ее, придет в лес хорошо вооруженный.

В сборнике «Большой дом человечества» под редакцией О. Писаржевского собрано много любопытных сведений и про леса-карлики, с такими крохотными деревьями, кроны которых умещаются под... шляпкой грибов. И про леса «дьявола» — густые заросли кактусов, которые тянутся на многие сотни километров, а каждый кактус достигает 18 метров высоты.

И про содружество таких растений, как дерево и гриб, и про паразитов, губящих своих соседей, даже животных.

Есть книга и для любителей выращивать домашнюю птицу — цыплят, утят, индюшат. Называется она «Юным птицеводам», ее автор Н. Беляков советует, чем и как кормить птенцов, надо ли им помогать, когда они пытаются освободиться от скорлупы, как построить инкубатор...

Все эти книги можно взять в школьной или районной библиотеке: они изданы в 1966 году «Детской литературой». Надеюсь, что и вам они сослужат добрую службу.

Дорогие друзья! На обороте обложки помещены фотографии игрушек, сделанные ребятами из кружка мягкой игрушки Ленинградского Дворца пионеров. Руководитель кружка Анна Васильевна Ефимова научит вас делать три игрушки. Но сначала несколько общих советов.

Чертеж выкройки переведите на картон и вырежьте все детали. Картонную выкройку наложите на левую сторону материала и точно обрисуйте хорошо отточенным карандашом. Обрисованный материал вырежьте, оставив 0,5 см. на шов, после чего сшейте все детали игрушки. Если игрушку будете делать из искусственного меха, на шов прибавлять не надо. Детали вырежьте точно по линии карандаша и сшивайте через край толстой ниткой.

Мишутка

Эту игрушку лучше делать из пушистой, ворсистой ткани или искусственного меха. Прежде всего сделайте голову. К передней части головы пришейте нос по линии «абв». Затем сшейте дугообразную линию носа. В передней и задней части головы, сверху, сделайте вытачки, после чего обе половинки соедините вместе, оставив незашитым место внизу. Форму выверните на правую сторону и набейте ватой, после чего нижнее отверстие зашейте. Уши сшейте двойные: каждое из двух частей. К кончику носа пришейте черную бусинку. Глаза сделайте из черных пуговиц или вырежьте кружочки из черной клеенки, пришейте их на линии переносицы. Сшитое вдвойне туловище выверните на правую сторону и наполните ватой. Ступни и верхние лапы сшейте парно, выверните через неза-

шитое отверстие, обозначенное пунктиром, наполните ватой и зашейте отверстие незаметным швом. Верхние лапы пришейте к туловищу в местах, указанных на чертеже пунктирной линией. К нижним конечностям пришейте ступни.

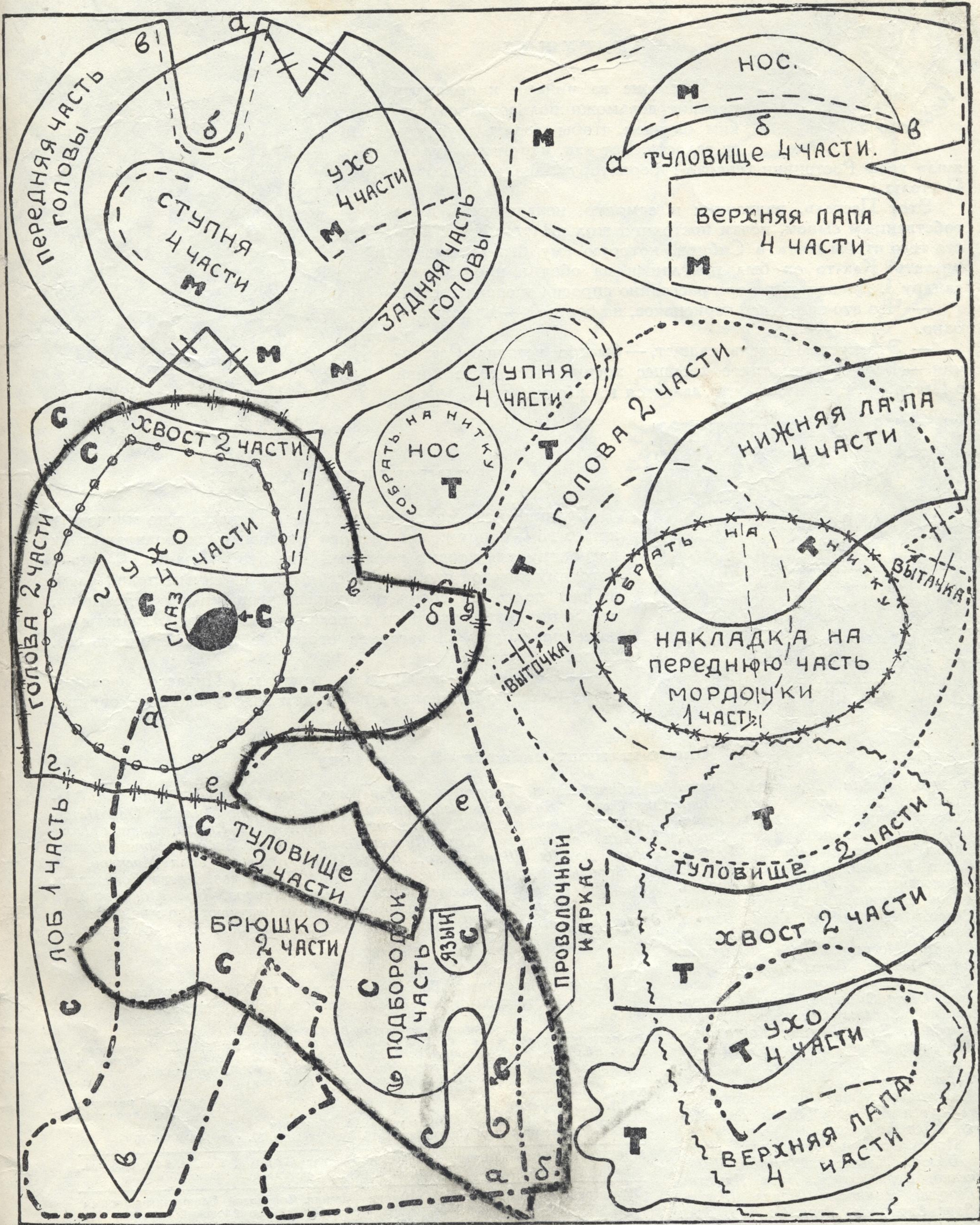
Тигренок

Тигренка хорошо делать из плюша, трикотажа с начесом, байки желтого или оранжевого цвета. На двух половинках головы зашейте сперва вытачки, после чего сложите обе половинки вместе и сшейте, оставив внизу отверстие, через которое сшитую форму выверните на правую сторону и набейте ватой. Из белого трикотажа вырежьте овальную накладку на переднюю часть мордочки, соберите ее по краю на нитку, нитку слегка стяните в виде мешочка, наполните ватой и пришейте к передней части мордочки в месте, обозначенном на чертеже пунктиром. Накладную часть мордочки перетяните черной ниткой посередине, по вертикальной линии. Уши сшейте, как и у Мишутки. Внутренняя часть уха должна быть белого цвета. Края сшитых ушей подогните внутрь и пришейте к голове. Из черной ткани, лучше из бархата, вырежьте кружок, соберите его по краю на нитку, внутрь положите комоч ваты и стяните нитку так, чтобы у вас получился шарик-нос. Глаза сделайте из пуговиц. Сшитое туловище наполните ватой и пришейте к нему голову. Верхние и нижние лапы прикрепите к туловищу веревочным шарниром. Делают это следующим образом: в том месте, где должны находиться лапы, туловище прошивают насквозь большой иглой с крепкой ниткой. Затем игла прохо-

дит через верхнюю часть лапы и возвращается обратно через туловище, проходит через верхнюю часть второй лапы, нитку стягивают и закрепляют под этой лапой. На голове, спине, лапах и хвосте толстыми шерстяными нитками черного цвета вышейте полосы разной длины.

Собачка

Собачку лучше всего сделать из искусственного или натурального меха. Сначала сшейте две части туловища с двумя частями брюшка так, чтобы буквы на выкройках совпали. Сшитые половинки соедините вместе по линии спины и брюшка. Через незашитое отверстие шеи выверните форму на правую сторону. В передние лапы вставьте проволоочный каркас, после чего форму туловища набейте ватой. Выкройку головы обрисуйте два раза, в одну и в другую сторону, вырежьте и сшейте половинки между собой по линии «вд». Между двумя половинками головы вшейте клин (лоб) «вг», а между двумя половинками нижней части головы нужно вшить клин «ед» (подбородок). Форму головы выверните на правую сторону и набейте ватой. При набивке старайтесь выделить щеки, подсовывая в эти места комочки ваты. Уши сшейте двойные и вставьте в них гибкую проволоку, чтобы уху можно было придать любое положение. Глаза нужно пришить на месте сгиба, образованного лбом и переносицей. Нос сделайте так, как у тигренка. Если нет у вас подходящих пуговиц для глаз, их можно заменить черной и белой клеенки (см. чертеж). Язык сделайте из красного фетра или клеенки.

М — мишутка, С — собачка, Т — тигренок

УЛОК

Бессолово архиваруса

УДРУЖИЛ

В погоне за чинами и орденами царские вельможи пользовались всяким случаем, чтобы сделать друг другу гадость. Вот как, например, «удружил» граф Ростопчин генерал-губернатору Западной Сибири Пестелю.

Этот Пестель, взяточник и самодур, ненавидимый даже собственным сыном, почти постоянно жил в Петербурге, вместо того чтобы жить в Сибири, которую ему было поручено опекать. Как-то он был приглашен на обед к царю Александру I. Доедая суп, царь рассеянно спросил у своих гостей:

— Что это там такое черненькое, на березе? — и указал за окно.

— Это пусть Пестель скажет, — быстро вставил Ростопчин. — Ведь у него такое хорошее зрение, что, даже живя в Петербурге, он видит, что делается в Сибири.

ПРИШЛИТЕ НА ДОМ!

Великий испанец художник Пабло Пикассо уже много лет живет во Франции. Он наотрез отказывается возвращаться на родину, где правит кровавый диктатор Франко. Франко, которому хочется изобразить себя просвещенным правителем, не раз подсылал своих подручных уговаривать художника, чтобы он хоть ненадолго приехал в Испанию. Однажды он даже предложил Пикассо за огромные деньги написать его, генерала, портрет.

— Согласен, — неожиданно ответил Пикассо франкистам, — только пришлите мне на дом голову вашего хозяина.

Слово шахмат-напитану Пешкоедову

Веденко, Вадим Данилов, Сережа Морозов, Светлана Яковлева, Леня Темчук, Игорь Попов, Игорь Крючков, Миша Белоусов, Витя Стоян, Вадим Монахов, Алеша Ульдин, Слава Кочубей, Витя Тюрин, Юра Брюховецкий, Аркадий Вавилин, Игорь Богомаз, Володя Богомоллов, Сережа Евдокимов, Коля Вепрев, Вася Кирюхин, Саша Доброзраков, Володя Могутин, Люба Полякова, Артур Тиссен, Гена Локшев, Леня Семак, Коля Минаков, Тагир Багаевев, Саша Смирнов, Саша Шиндерман и Сережа Шишмаков, Толя Мордвин, Витя Локтев, Костя Богданович, Саша Шойхет, Валерий Змановский, Юра Бенькович, Юра Терещенко.

Призы получают (по жребию): Лариса Батырева, Саша Давиденко, Коля Распутько.

После 1-го тура лидируют: Володя Кричевский, Лида Чумаченко, Вова Сорин, Витя Ильевич, Георгий Чимноеж, Павел Шмель, Боря Страумал, Леня Сойфер, Таня

Щербина, Ваня Христовулов, Павлик Охналь, Володя Рогачев, Сережа Баранов, Толя Карпов, С. Князьков, Володя Пономаренко, Коля Письмиченко, Володя Шинкаренко, Витя Краснопольский, Люба Бабиц, Миша Кренцин, Володя Гульдас, Люда Ефимова, Алим Койшин, Толя Андреев, Дима Вёрткин, Вадим Дани-

лов, Олег Минервин, Таня Тома, Вдовиченко, Толя Шулика, Оля Нетоптанная, Толя Кушка, Володя Тихомиров, Юра Зайцев, Вова Шлатко, Маша Величко, Толя Мигунов, Сережа Евдокимов, Костя Богданович, Коля Бессонов, Юра Юдковский.

Призы получают (по жребию): Алим Койшин, Юра Юдковский.

Рисунок на обложке Б. Семенова к повести Юз. Алешковского
На третьей странице обложки рисунок К. Савкевич

Главный редактор В. В. Торопыгин
Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

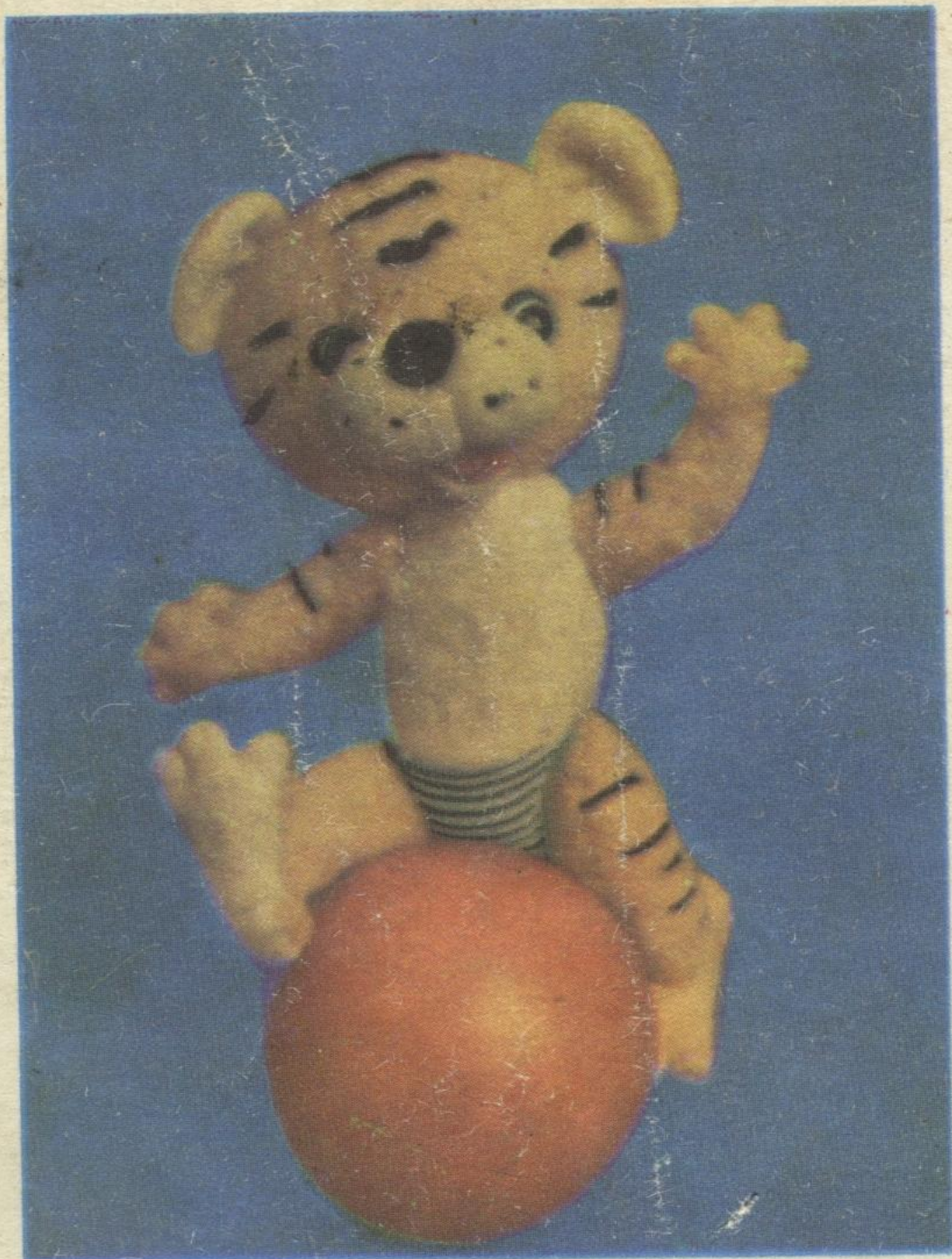
Корректор В. А. Маевская
Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-16325. Подписано к печати 9/VI 1967 г. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 8+1. 6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз. Заказ № 695. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Устинов Ю. С. 3-4
Догин

НАША ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

О том, как сделать эти игрушки ты прочтешь на страницах 62—63